

Родной и близкий

Издательство
"Детская литература"

В. Буланкин. В. И. Лénин среди детéй.

Родной и близкий

Рассказы
о Владимире
Ильиче
Ленине

Издательство
„Детская
литература“
Москва · 1964

В этой книге помещены рассказы и воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, написанные на протяжении ряда лет разными людьми — близкими и родными, соратниками по работе и борьбе, писателями.

Жизнь и деятельность Владимира Ильича — необозримы и передать в одной книге всё величие сделанного им невозможно. Прочитав эти рассказы, наши читатели познакомятся лишь с некоторыми эпизодами его жизни, получат представление о том, какие трудности и невзгоды пришлось ему перенести, узнают, как он жил и работал в ссылке, подполье и эмиграции, как возглавил революционную борьбу за народное счастье.

В заключительной части книги дано несколько рассказов, посвящённых той гигантской созидательной работе, которую вёл Владимир Ильич после победы революции, когда он был во главе нашего первого в мире социалистического государства.

Владимир Ильич Л е н и н

В ко́мнате на стене́ висит портрёт.

Ва́ся сказа́л отцу́:

— Па́па, расскажи́ мне про него́.

— А ты зна́ешь, кто э́то?

— Зна́ю. Э́то Ле́нин.

— Да, э́то Влади́мир Ильи́ч Ле́нин. Наш люби́мый, родно́й, наш вождь...

Ну, слу́шай. Был я мо́лод. Пло́хо жилóсь тогда́ нам, рабо́чим. Рабо́та была́ тяжёлая. Рабо́тали мы с утра́ до по́здней но́чи, а жи́ли впро́голодь. Мнóго нас на заво́де рабо́тало. Хозя́ин заво́да был Дани́лов. Он не рабо́тал. Спи́ны не гнул, а жил он ох как богáто!

Отку́да всё бы́ло у него́? Мы на него́ рабо́тали. Он нам за рабо́ту плати́л ма́ло — пря́мо сказа́ть, гра́бил нас. На на́шем труде́ нажива́лся. У него́ заво́д был, де́ньги, маши́ны, а у нас ниче́го, кро́ме на́ших рабо́чих рук, не́ было. Вот и приходи́лось к нему́ на рабо́ту иди́ти.

Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне — бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочими. Всё больше их становилось, всё крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов. Партия видела, что без борьбы ничего не добьёшься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далёкую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить. Ленин уехал за границу и издалёка писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом,

7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков и капиталистов. Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свой порядок. Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся всё делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

Н. К. К р у п с к а я

О детстве Владимира Ильича

Я часто спрашивал родных Влади́мира Ильича о его де́тских го́дах. Осóбенно люби́ла расска́зывать об э́том его ста́ршая сестра́ Анна Ильи́чна.

— Воло́дя встава́л в определённый час, — рассказывала она́. — В гимна́зию он до́лжен был явля́ться к половине де́вятого утра́. Ро́вно в семь часо́в Воло́дя просыпа́лся сам — его́ никто́ не буди́л. Просну́вшись, он сейча́с же встава́л, не позволя́я себе́ валя́ться в

постѣли. Чѣистил зѣбы, хорошѣ умывался и обтирался водѣй по пояс. Волѣдя сам убирал постѣль. У нас в семьѣ был такой поряѣдок: дѣти сами себя обслѣживали. Дѣвочки должнѣ были следѣть, чтобы и у них самих и у мальчиков всѣ было зашѣто, заштопано.

Затѣм Волѣдя садѣлся за повторѣние уроѣков, которѣе он всегдѣ дѣлал с вѣчера. В ѣто время мать готѣвила зѣвтрак. Мы все сходѣлись в столѣвой и съедѣли всѣ, что нам давали. Осѣбенно за ѣтим следѣл Волѣдя; у негѣ был прекрѣсный аппетѣт, и он смеялся над тѣми, кто вяло ел.

«Ест, как бѣдѣто воз с сѣном в гѣру везѣт! — приговѣривал он. — Вот бѣдѣшь больнѣя, малосѣильнѣя», — подтѣрунивал¹ он надо мной. (Я по утрам плѣхо ѣла.)

Из нѣших ѣкон бѣло видѣно, как возѣ с сѣном подымѣлись от прѣistani парѣма² в крутѣю гѣру, от Вѣлги в гѣрод. Малѣнький Волѣдя чѣсто наблюѣдал, как на ѣту крутизнѣ вползѣли тяжѣлые возѣ, запряжѣнные небольшѣими крѣстьянскими лошаѣмѣи, которѣым изѣ всех сил помогѣли вѣзѣики.

Мать давала всем дѣтям с собѣю зѣвтрак. Волѣдя укладывал егѣ в рѣнец³ и был ѣчень доволѣн, когдѣ в придѣчу получѣл яблѣко. Дѣсять минѣт он смѣрно высѣживал, так как мать не позволяѣла нам сейчѣс же

¹ Подтѣрунивать — подшѣчивать, добродѣшно смеѣться.

² Парѣм — плоскодѣнное сѣдно, которѣе передвѣгается с помѣщѣю канѣта, прѣтянутого от ѣдногѣ бѣрега к другѣму, и слѣжит для переправѣ через рѣкѣ или ѣзеро.

³ Рѣнец — шѣольнѣя сѣмка с ремѣями, которѣую нѣсят на спинѣ, за плѣчѣами.

после чая выходить на улицу, чтобы не простудить горло. Ровно в десять минут девятого Володя вставал, прощался с матерью и отцом, быстро одевался, застегивался по форме на все пуговицы и уходил.

Придя домой из школы, он гулял во дворе около часа или двух, смотря по погоде.

Володя очень любил играть в лапты, в салки и особенно в казаки-разбойники. Его всегда выбирали атаманом. В игре он был очень справедлив. Он был сильный мальчик, но терпеть не мог драк, никогда в них не участвовал и всегда прекращал игру, как только начинались недоразумения.

«Это не игра, — говорил он, — это безобразие».

Бывали случаи, что он осуждал себя в игре, доказывая, что он неправильно поступил как атаман.

К обеду мы собирались все вместе за столом и рассказывали, что произошло за день. Мать и отец внимательно выслушивали нас и принимали близко к сердцу все наши дела.

Мать требовала, чтобы один день мы говорили с ней и между собой по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки. Это очень помогало всем нам изучить эти языки. Володя знал их в совершенстве. Позднее он сам изучил английский, итальянский и польский языки. Особенно любил он с первых классов гимназии латинский и греческий языки. Эти языки довольно трудно давались ученикам, а ему — легко.

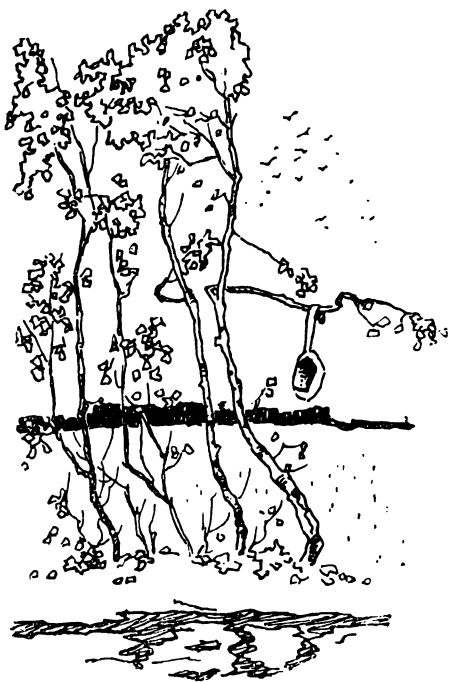
После обеда Володя садился за уроки. Он всегда по всем предметам делал больше, чем задавали.

Много читал. Переходил Володя из класса в класс с наградами и кончил гимназию первым учеником, с золотой медалью.

В его комнате всегда было чисто, книжки завернуты в газетную бумагу, в тетрадках всё было аккуратно. Володя как-то посадил на страницу большую кляксу. Это его очень взволновало. Он вынул этот лист из тетради, вшил другой и сейчас же переписал все три страницы, ранее им сделанные. Во время занятий он был очень сосредоточен, не отвлекался. Кончив уроки, нужные книжки и тетради он убирал в рюкзак, а всё остальное — в стол или на полки шкафа, в свою библиотеку, на которую у него был составлен в тетрадке каталог¹.

Приготовив уроки, Володя с увлечением играл с младшими сестрами. Потом мы все пили чай и ужинали ровно в восемь часов вечера, а в половине девятого Володя шёл чистить зубы, умывался перед сном и, простившись со всеми, ложился спать и засыпал немедленно. Хотя он и любил пошалить, но был послушным: слово матери и отца для него было законом. Он выполнял всё, что они ему говорили. И в семье его очень любили.

¹ Каталог — здесь: перечень книг в определённом порядке.

След человека

Однажды Волóдя и его стáрший брат Сáша шли лéсом по чуть замéтному слéду како́го-то челове́ка. Потоптанная им травá поднялась, вмятины, оставленные его нога́ми, были давно засыпаны листвóй и хвóей. Иногда приходилось уга́дывать его путь то́лько по тем рáзным замéткам, кото́рые он оставлял мимохо́дом. Вот повéсил берестяно́й ко́вшик над расчищенным роднико́м. Мо́жно чи́стой води́цы вы́пить.

Вот положил две жердинки через топкий ручей. Можно пройти не замочившись. Вот убрал с пути опасно нависший, поломанный бурей большой дубовый сук.

Саша шёл и хмурился. Он выбрал путь напрямик, чтобы покороче пройти к избушке лесника, — там остановились Ульяновы, всем семейством приехавшие собирать грибы, — да вот заблудился.

«В конце концов, конечно, выберемся, — думал он, — вот только Володя устанет — маленький». И с тревогой поглядывал на младшего брата.

Но, к его удивлению, приуставший и вспотевший от лесной духоты Володя улыбался.

— Чему ты радуешься? — спросил Саша. — Отчего тебе так весело?

— А ты ничего не замечаешь? — лукаво прищурившись, сказал Володя. — Как приятно, что перед нами прошёл очень добрый человек, сколько хорошего оставил он на своём пути.

Саша остановился поражённый: откуда такие детские мысли у школьника? Тут же ему стало неловко — мы всегда недооцениваем своих младших братьев.

Он порывисто обнял Володю, а потом, после некоторого раздумья, сказал слова, которые младшему брату очень запомнились:

— Вот так, Володя, и жизнь надо пройти — оставив след своих добрых дел, полезных народу!

В семье Ульяновых

Вечером в доме Ульяновых шумно и весело. Дети давно вернулись из гимназии, приготовили уроки. Теперь можно и отдохнуть, сыграть партию-другую в шахматы.

Шахматы — любимая игра в семье. И самые заядлые игроки¹ — Володя, его старший брат Саша и

¹ Заядлыми игроками называют людей, которые очень любят играть в какую-либо игру.

отец, Илья Николаевич. Иногда они устраивают турниры на первенство. Илье Николаевичу приходится туго. Надо обдумывать каждый ход: Володя — серьёзный противник.

Особое оживление в доме бывает в субботу. В этот день дети выпускают свой еженедельный журнал. Он выходит по субботам, поэтому его так и называли: «Субботник».

Главный редактор журнала — Саша. Цветными карандашами он разрисовал обложку, крупными фигурными буквами написал название.

Сотрудниками журнала были все дети. Каждую субботу они вручали главному редактору свои рассказы, загадки, ребусы. Без всяких изменений Саша вкладывал их в обложку.

Журнал был готов.

Володя учился в первом классе, но отставать от старших не хотел. Он тоже писал рассказы о гимназии и своих товарищах.

И вот все собрались в столовой. Журнал торжественно прочитывается от первой до последней страницы. Его передают из рук в руки. Дружный смех вызывают карикатуры, которые Саша сделал на своих братьев и сестёр.

Вечерами мама садится за рояль. Музыку в доме Ульяновых любят все. Мария Александровна очень рано начала учить детей музыке.

Володя терпеть не может грустных, слезливых мелодий, но зато с удовольствием поёт песни, в которых звучит удаль, размах, отвага.

Особо́нно хоро́шо у него́ получа́ется «Нелюди́мо
на́ше мо́ре»:

Но ту́да выно́сят во́лны
То́лько си́льного душо́й!..
Сме́ло, бра́тья!
Бу́рей по́лный,
Прям и кре́пок па́рус мой!

Ле́том семья́ Улья́новых выезжа́ла в Коку́шкино.
Село́ раски́нулось на вы́соком бере́гу реки́. Со всех
сторóн его́ обступáли глубóкие и кривы́е овра́ги. На
их склóнах впереме́жку с крапíвой росли́ крыжóвник,
сморо́дина и мали́на. Сра́зу за овра́гами начина́лся
лес. Ту́да ходи́ли Улья́новы по гри́бы и по я́годы.

Ве́село в лесу́! Ребя́та шали́ли, бе́гали наперегон-
ки́, во весь го́лос чита́ли стихи́. На поля́не разводи́ли
костёр. Пекли́ карто́шку и ди́кие я́блоки. Яблоки́ бы-
ли ки́слые-преки́слые. Никто́ не осме́ливался съесть
хотя́ бы одно́.

В Коку́шкино день у Володи́ начина́лся ра́но. Он
бы́стро вставáл, на́спех за́втракал — и на у́лицу.
Здесь его́ уже́ поджида́ли това́рищи. Нача́лась бе-
готня́. Игра́ли в лапту́, в са́лки и, коне́чно, в казаки́-
разбо́йники. Атама́ном всегда́ выбира́ли Воло́дю.

Одна́жды Воло́дя и его́ това́рищи реши́ли сде́лать
большо́й бума́жный змей. Онí до́лго и старáтельно
кле́или его́. Змей и впра́вду получи́лся большо́м и
краси́вым. Посмотре́ть на дико́винку сбежа́лись де́-
ти со всего́ села́. Все отпра́вились на луг. Ве́тер под-
хвати́л змей, и он взлетёл высо́ко-высо́ко. «Ура́!» —

закричали дѣти. Конечно, всем захотѣлось поддержать шнур в руках. Все ребята уцепились за него и сильно рванули. Змей сломался.

Дома за ужином Волodia рассказывал о своих приключеніях маме и папе. За день столько было событий! Ведь змей, если бы не случайность, долетел бы до самых облаков! Рассказов хватает на целый вечер.

В. Сидоров

Вночное

Кокúшкинские ребята взять Волóдю с собóй в нoчнóе отказáлись...

— Нет, Волóдя, не просíсь лúчше... — говорíл Грíша, ударяя íвовым прúтиком по пýльной дoрóге.

Другíе молчáли, вíдно, соглашáлись с Грíшей. Молчáл и Фёдя, осóбенно, как казáлось Волóде, дoроживший дрúжбой с ним.

— Не можем... И не просись... — повторил Гриша и увёл ребят.

Они шли к себе домой стойкой, в старых картузах, домотканых¹ рубашках без поясов, в длинных, обтрепанных внизу штанах, босые, с цыпками на ногах. А Володя, вместо того чтобы повернуть к себе, к дому на высоком берегу Ушней, стоял и смотрел им вслед.

Они вместе играли в бабки, ловили рыбу, катались на лодке, бегали наперегонки... Дружили... А вот взять в ночное отказались...

«Почему? — думал Володя. — Не хотят отвечать за чужого?»

Но никто из семьи Ульяновых не был чужим крестьянам Кокушкина. Володя чувствовал это. Почти ежедневно он наблюдал, с каким завидным почтением относились крестьяне к отцу и матери. Конечно, уважение надо заслужить.

«Решили, что я испугаюсь ночи, что со мною что-нибудь случится... Побегу от страха, и меня зубастый волк унесёт в тёмный лес...» — упрямо сощурился Володя, улыбнулся.

После ужина, когда совсем стемнело, он тихонько вышел на улицу.

Вот и остались позади старый дом и флигель², сад и заборы. Где-то далеко — луг с ребятами, лошадьми, сказками и страшными рассказами о леших и водя-

¹ Домотканый — сделанный домашним, кустарным способом.

² Флигель — жилая пристройка сбоку главного здания или стоящая отдельно.

ных, с чём-то ещё не известным ему и таким интересным.

Было свежо и тихо. Кусты по сторонам казались то человеком в огромной папаше и с растопыренными в разные стороны руками, то медведем, вставшим на задние лапы, который вот-вот бросится на тебя, то таким страшлищем, которого и в сказке не найдёшь. Одинокó здесь всё-таки, среди ночных лугов, лесов и оврагов.

Волóдя пóнял, что он боится немногó. И сáми по себе замéдлились шагí.

А куст, похожий на разбóйника в папаше, вдруг взмахну́л веткой-руко́й: мол, иди́, иди́! Сейча́с я тебе́ покажу́! А вот за тем кустом, е́сли посмотре́ться, прýчутся двóе... Конéчно, лихие люди́, кому́ жизнь челове́ка ни в грош...¹ Совсе́м неподалёку, в соседнем лесу́, у ключа́ в ложби́не², грабителями был убит лесник. До сих пор стояли там два дере́вца, к ко́торым убийцы привязáли свою́ жéртву. Деревья засóхли. Ко́гда? Почему́? Мо́жет быть, с го́ря?

Де́ти семьи́ Улья́новых ча́сто отпра́влялись в э́тот лес на прогу́лку. Волóдя бе́гал к стра́шному ключу́ за водо́й и не испы́тывал стра́ха. А сейча́с хотя́ и не так уж стра́шно, но всё-таки...

А впе́редí на де́сятки ве́рст³ густо́й куста́рник, ле́са, овра́ги и темнотá.

¹ Жизнь... ни в грош — выражение означает: жизнь человека не дорога.

² Л о ж б и н а — узкий неглубокий овраг.

³ Ве́рстá — русская ме́ра дли́ны, немно́го бо́льше киломе́тра.

Было бы не так неприятно и не так страшно, если бы не эта тишина: будто всё вымерло и никому нет до тебя дела.

Вперед, за кустами, он уви́дел большо́е тёмное пятно́. На нём поблёскивала кака́я-то то́чка. От пятна́ отделилось друго́е. Подво́да... и челове́к рядом! Во́дя вздохну́л облегче́нно. Он уже́ слы́шал, как фы́ркала ло́шадь. Но что это поблёскивает? Во́дя уви́дел колесо́, лежа́вшее на теле́ге, дегтя́рницу¹, висе́вшую сза́ди... Ага́! Это она́ блести́т. Ста́ло ви́дно, что челове́к поправля́ет жердь, прила́женную вме́сто заднего пра́вого колесá.

— Эй, ми́лый! — крикну́л он Во́де.

Во́дя подбежа́л к теле́ге.

— Подсоби́², родно́й... — попроси́л челове́к и, вдруг рассмотре́в Во́дю, удиви́лся. — Улья́нова сын?! Влади́мир, что ль?

— Влади́мир...

Во́дя не знал, кто и́менно говори́т с ним. Мужи́к был не из коку́шкинских, наве́рное, из како́й-нибудь сосе́дней дере́вни. Мо́жет, будь немно́го светле́е, Во́дя и узна́л бы его́.

— А я не узнаю вас, — призна́лся Во́дя. — Не зна́ю, как звать.

— Да я тебя́ ещё вот тако́го по́мню. — Мужи́к нагну́лся и поднёс ладо́нь с то́стыми загрубе́вшими па́льцами чуть не к са́мой земле́, — Матве́ем меня́

¹ Дегтя́рница — посу́да с дёгтем.

² Подсоби́ть (разговоро́ное) — помо́чь.

зову́т. Твой дед, ца́рствие ему́ небёсное, от болёзни живота́ спаса́л... И не раз...

— Тепе́рь я уж не забúду. Что у вас случи́лось?

— Телёга дрéвняя... Не вы́несла, когда́ с го́рки съезжа́л... Вот и бьюсь. Подойди́, Влади́мир! Я телёгу приподниму́, а ты, сыно́к, э́ту жерди́ну поста́вь на ме́сто... Суме́ешь? Да́й-ка ру́ку.

Матве́й, борода́тый могу́чий челове́к лет сорока́ пяти́, взял Воло́дину ру́ку в свою́ и су́нул её под теле́гу.

— Вот ко́нec жерди́ны. Чу́ешь? — спроси́л мужи́к, помога́я Воло́де ошúпать жердь.

— Чу́ю... — с удово́льствием повто́рил Воло́дя ёмко́е коро́ткое сло́во. — Чу́ю.

— Вот тут верёвкой я её прихвати́л, как мог крéпче... Чу́ешь?

— Чу́ю, чу́ю, Матве́й!

— Жерди́на не оторве́тся. Но в сто́рону свихну́ться мо́жет, е́сли ко́нec не запра́вить вот сюда́. — И Матве́й показа́л Воло́де, куда́ и́менно ну́жно запра́вить ко́нec же́рди. — Чу́ешь?

— Чу́ю, Матве́й!

— Ну вот. Тепе́рь я телёгу приподниму́, а ты де́йствуй.

Матве́й поплева́л на руки, потёр их и, сказа́в: «Раз-два! Взя́ли!» — легко́ по́днял задок теле́ги.

Воло́дя навали́лся рука́ми на ко́нec же́рди и сказа́л:

— Есть, Матве́й! Отпуска́йте!

Матвѣй отпустил и, провѣрив, всё ли так, одобрил:
— Чок в чок! Тепѣрь и закурить можно.

Он закурѣл, нѣсколько раз удáрив кресáлом о кремѣнь, пока не задымѣлся трут, и спросил:

— А ты куда дѣржишь путь, Владѣмир? Ночь на дворѣ!

Матвѣй говорѣл это вѣсело, одобрительно, видно любя беспоко́йных людѣй, кото́рые не ложáтся спать с петухáми¹.

— Гуля́ешь, что ль? Гуля́ть-то есть чего́ рáди: вѣчером всё другóе, не то что днѣм. И рáно ўтром всё другóе. Вот и получáется, что как бы три рáза жизнь живѣшь. Так куда же наострѣлся², Владѣмир?

— Я в ночнóе идú, к ребя́там...

— О-о! Хорошó, — одобрил Матвѣй. — Любѣл я ночнóе... До сих пор всё помню, а что было потóм, мнóгое забýл... Ну что ж, садѣсь, подвезú.

— Спасѣ́бо, я пешкóм, — отказáлся Волóдя.

— Да тебѣ куда? Кокúшкинские обы́чно за этими оврáгами лошаде́й пасúт... Тебѣ тудá?

— Тудá, Матвѣй. Чок в чок!

Матвѣй улыбнúлся.

— «Чок в чок». Ну, а мне крюк небольшо́й. Свернú и достáвлю тебá к ребя́там. Садѣсь! Садѣсь! В компáнии всегдá веселѣ́й.

— В компáнии веселѣ́й, — подтвердѣл Волóдя, — но я пойдú пешкóм.

¹ Ложѣться спать с петухáми — ложѣться спать рáно вѣчером.

² Навострѣ́ться (разговóрное) — пригото́виться уйтѣ, убежа́ть.

— Что так? — Матвѣй в недоумѣнии развѣл руками. — Одолжаться не хочешь? Так я тебя свезу за твою работу, всё равно теперь у тебя в долгу. Поѣхали!

— Спасибо. Рад был бы освободить вас от тягот, но я должен идти — и один.

Матвѣй только и воскликнул в удивлении:

— О-о!

Тогда Володя рассказal ему, как ребята отказались взять его с собой в ночное и как он решил прийти туда ночью один.

Матвѣй молча потрепал мальчика тяжёлой большой рукой по плечу, явно одобряя его. Потом он сел на телегу и, тронув вожжи, уѣхал.

Володя снова остался один.

Справа — кусты, слева — кусты и берёзы. Впереди — овраги и лесок. И всё это — в густой, пугающей темноте.

Володя подождal, пока вдали постепенно затих стук колёс, пофыркивание гнедой¹, и тронулся дальше.

Ребята лежали у костра на зипунах². Неподалёку, стреноженные³, бродили кони, сонливо бряцая колокольцами.

Если посмотреть на костёр, а потом на небо, то звёзд сначала не увидишь. И вокруг костра, когда

¹ Гнедая — лошадь красновато-рыжего цвета.

² Зипун — крестьянская верхняя одежда из толстого сукна.

³ Стреноженный; стреножить — связать у лошади передние ноги с задней или только передние.

глядѣшь на нѣбо с земли, звѣзд тѣже нѣ было. Грѣша
отвернулся от огня и воскликнул:

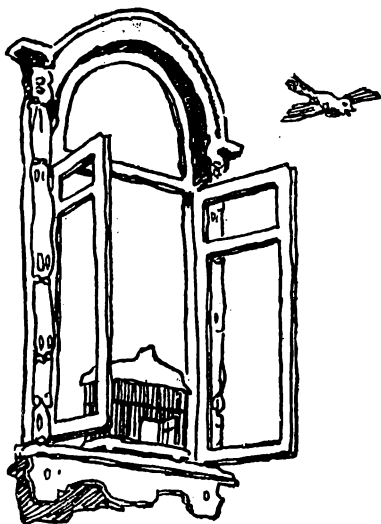
— Глянь-ка!

Он долго никак не мог понять, что это за фигура
направляется к ним.

— Володя! — наконец узнал он с радостью. —
Один? Сам?

— Один. Сам, — ответил Володя.

С. Антонов

В гимназии

В гимназію Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс. Готовили его к ней две зимы — сначала учитель, а потом учительница городского училища, самого близкого от нас...

...Учился он легко и охотно. И способности у него были хорошие, да и отец приучал его, как и старших братья с сестрой, к усидчивости, к точному и внимательному исполнению заданного. Учителя его говорили, что Володе очень помогает то, что он всегда

внимательно слушает объяснение урока в классе. При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и дома ему приходилось лишь немного повторить его...

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, навёрх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясно у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой¹ фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна — получалась обычно одна отметка — 5.

Отец говорил в те годы матери, что Володе всё слишком легко даётся и он боится, что в нём не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

Но Володя любил и посмеяться. Когда собира-

¹ Коренастый — невысокий, широкоплечий, крепко сложенный.

лись его сверстники или в семье с меньшими (Олей и Митей), он был коноводом всех игр. И каждый день слышался его смех и неистощимый запас шуток и рассказов.

Вера Васильевна Кашкадамова, учительница городской школы и близкая знакомая нашей семьи, рассказывает в своих воспоминаниях, какое веселое настроение царило у нас обычно, когда вся семья собиралась к вечернему чаю. «И всех громче, — говорит она, — звучали голоса Володи и его второй сестры, Оли. Так и раздавались их звонкие голоса и заразительный смех». Они рассказывали о разных происшествиях в гимназии, о разных проделках, шалостях. Отец был тоже не прочь поболтать с нами и, оставляя в кабинете серьезные дела, рассказывал о своих гимназических годах, о различных случаях с его товарищами, разные шутки и анекдоты из школьной жизни. «Все смеются, всем весело. И хорошо чувствуется в этой дружной семье», — пишет Кашкадамова.

Некоторые проказы Володи остались у меня в памяти. Так, приехала к нам двоюродная сестра, женщина-врач. В то время женщины-врачи были редкостью. Эта двоюродная сестра была одной из первых. Сидит она в зале и разговаривает с отцом и матерью. У двери в залу смех, шушуканье. Вбегает Володя и бойко обращается к госте:

— Анюта, я болен, — лечи меня.

— Чем же ты болен? — снисходительно спрашивает молодой врач, видя, что мальчик шалит.

— Никáк не могу́ до́сыта нае́сться: ско́лько ни ем, всё го́лоден.

— Ну, пойдí в кúхню, отрéжь ломóть ржанóго хлéба во весь каравáй, посоли́ покру́че и съешь.

— Я ужé прóбовал, — не помога́ет.

— Ну, так повторí э́то лека́рство, тогда́ навéрное помо́жет.

Воло́де остаётся то́лько ретирова́ться¹.

Люби́л Воло́дя и му́зыку. Ма́ма показáла ему́ нача́льные упражне́ния, да́ла ему́ разыграть не́сколько прóстеньких де́тских пéсенок и пьéсок, и он стал игратъ о́чень бо́йко и с выра́жением. Ма́ть жалéла по-то́му, что он забро́сил му́зыку, к кото́рой проявля́л больш́ие спосо́бности.

В стари́ну был обы́чай весно́ю выпуска́ть на волю́ пти́чек. Воло́дя люби́л э́тот обы́чай и проси́л у ма́тери де́нег, что́бы купи́ть пти́чку, а пото́м вы́пустить её.

Люби́л ма́ленький Воло́дя лови́ть пти́чек, ста́вил с това́рищами на них лову́шки. В кле́тке у него́ был ка́к-то, по́мню, реполо́в. Не зна́ю, поймáл он его́, купи́л и́ли кто́-нибудь подарíл ему́, по́мню то́лько, что жил реполо́в недóлго, стал ску́чен, нахо́хлился и у́мер. Не зна́ю уж, отчего́ э́то случи́лось: был ли Воло́дя винова́т в том, что забывáл корми́ть пти́чку, и́ли нет.

По́мню то́лько, что кто́-то упрека́л его́ в э́том, и по́мню серьёзное, сосре́доточенное выра́жение, с кото́рым он погляде́л на ме́ртваго реполо́ва, а пото́м

¹ Ретирова́ться — отступи́ть, уйти́, скрýться.

сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».

И больше он действительно не держал их.

Бегал он и рыбу ловить удочками на Свиягу (речка в Симбирске), и один его товарищ рассказывает о следующем случае. Предложил им кто-то из ребят ловить рыбу в большой, наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, — рассказывает этот товарищ, — если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать и на Свиягу».

Но, занимаясь в детстве ловлею рыб и птичек, Володя не пристрастился¹ ни к тому, ни к другому и в старших классах гимназии не рыбачил и не ставил ловушек на птиц. И на лодке с Сашей, когда тот приезжал на лето из университета, он обычно не ездил, а ездил младший брат Митя, который очень любил сопровождать Сашу в его разъездах по Свияге, в поисках разных червей и всяких водяных жителей. Саша занимался естественными науками, ещё будучи гимназистом, а в университете поступил на естественный факультет и в летнее время занимался исследованиями, готовил материал для своих сочинений.

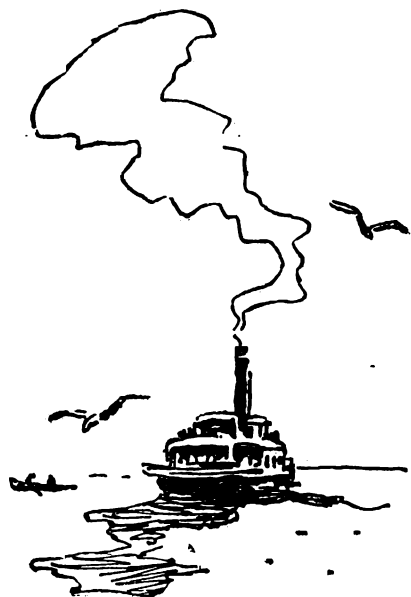
Володя же не любил естественных наук. В гимназии он интересовался латинским языком, чтением

¹ Пристраститься — сильно увлечься каким-то занятием.

класісиков, історіей, географіей, любі́л писа́ть сочині́ния и писа́л их о́чень хоро́шо.

Он не о́грани́чивался уче́бниками и расска́зами учі́теля, чо́бы написа́ть сочині́ение, а бра́л кні́ги из бібліоте́ки, и сочині́ния егó получа́лись обстоя́тельные, те́ма бы́ла о́чень хоро́шо разрабо́тана и изло́жена хоро́шим літерату́рным языко́м. Дире́ктор гимна́зии, преподава́вший в ста́ршем кла́ссе словесность, о́чень любі́л Воло́дю, хвали́л постоянно́ егó рабо́ты и ста́вил ему́ лу́чшие о́тме́тки.

А. И. Улья́нова

Треби вперед!

В жаркие дни купец любил почаёвничать¹ прямо на пристани, в холодке, поглядывая вокруг хозяйским глазом. Здесь у него было местечко под навесом, стоял столик, уютно пытел самовар, сиял белобóкий чайник, а в нескольких шагах степенно, не торопясь, текла Вóлга, поблёскивая солнечными чешуйками.

¹ Почаёвничать; чаёвничать — пить чай.

И сегодня, как водится, пребывал он в своём излюбленном уголке. Мальчишка поставил перед ним начищенный до яростного блёска самовар, пристань чуть покачивалась, пароходик с косою трубой пускал пар у причала, на барже хлопотали босые матросы, и медленно подходили к пристани пассажиры, размёввшие от жары.

— Слышь, хозяин? — Матрос с закатанными штанами остановился возле стола. — Сейчас идёшь мимо лодок, а там один подряжается¹, чтоб перевезли. «Я спешу, говорит, мне некогда дожидаться баржи!» Те мнут, а он им своё: «Дёскачь, не имеет такого права запрещать перевоз... Река, мол, не принадлежащая...»

Не оборачиваясь, купец лениво спросил:

— Всё?.. Ступай куда шёл!

Ниже по берегу, там, где стояли лодки, какой-то молодой человек, в лёгкой рубашке с раскрытым воротом, настойчиво говорил седоусому волгарю с глубокими, точно высеченными морщинами:

— Да поймите вы, что никто не может запрещать вам перевозить людей! Не существует такого закона... даже у нас! — добавил он, и смешливые искорки мелькнули у него в глазах.

— Нам тут, господин, не разобратся, — ответил седоусый, — он есть арендатель², денёжки кладёт горю в карман — вот и весь закон!

¹ Подряжаться (разговорное) — договариваться.

² Правильно: арендатор — человек, который получает право владеть чем-то за определённую плату.

Молодой человек нетерпеливо сдвинул брови:

— То; что он арендует перевоз, это его дело, но запрещать перевозить другим — я повторяю — он не имеет ни малейшего права! У вас есть все основания подать на него в суд!

Седоусый плюнул на истлевшую сигарку, но не бросил окурок в воду (надо уважать Вольгу-матушку), а затоптал в песок.

— У него мощная тугая¹, он купит и судью! У него все свой... С сильным не борись, с богатым не судись! Слыхал, барин?

— Невѣрно! — упрямо ответил молодой человек. — Он вас просто запугал. Самоуправство здесь налицо, не нуждается в доказательстве! Если вы подадите в суд, его вынуждены будут наказать!

Махнув рукой, седоусый ничего не ответил. Второй лодочник, в обтрепанном картузе², стоял, переминаясь с ноги на ногу и как-то нерешительно поглядывая на пристань.

— Поѣдем? — спросил у него молодой человек.

— Да ведь всё равно воротит, дело известное! — неуверенно произнёс лодочник.

— А вот и поѣдем! Пусть попробует!

Не дожидаясь ответа, молодой человек сильно толкнул лодку, вскочил в неё и, ловко балансируя³,

¹ Мощная тугая — так говорят о людях, у которых много денег; мощная (устар.) — мешок для хранения денег.

² Картуз — головной убор с козырьком.

³ Балансировать — сохранять равновесие.

В. Прагер. Лénин в юности.

добрался до кормы. Лодочник прошёл несколько шагов по воде, покачивая головой, точно удивляясь, что дал себя уговорить, и тоже полёз через борт.

Заскрипели уключины¹, мягко заплескалась под вёслами вода. Пассажир задумчиво смотрел перед собой. Этот вольный простор исполинской² реки, эти необозримые дали он видел с первых своих шагов по земле, но никогда не насытится глаз любоваться³ ими. Лодка двигалась быстро, они уже порядочно отъехали от берега, а та сторона казалась всё такой же далёкой. Вдруг лодочник с силой стукнул вёслами.

— Переехали! Всё! — злобно выкрикнул он. — Да вы не туда смотрите! На пристань глядите!

С лодки хорошо было видно, как к самому краю пристани подошёл бородатый мужчина в длинной рубаше, выпущенной из-под пиджака, и сложил руки трубой.

— Эге-ге-ге-э-эй! — донеслось до них. — По-во-рр-ачи-вай обр-р-атно!

— Это что, он сам упражняется? — сощурился, спросил молодой человек.

— А кто же? Самолічно!.. Во как орёт, на всю Болгу! Хозяин! — Лодочник криво усмехнулся. — Спросить, какая мы помеха ему?! Весь народ к нему

¹ У к л ю ч и н а — приспособление на борту лодки, куда вкладывается весло для упора.

² И с п о л и н с к и й — громадный, гигантский.

³ То есть: никогда не надоест любоваться.

валит, а всё одно не даёт заработать копейку... И всегда он правый. Большую силу забрал...

Фигура на пристани замахала руками, точно сигнализируя:

— Э-эй... Оглох, что ли-и... Гребі наза-а-д!

— Гребі вперед! — коротко бросил молодой человек. Глаза у него сузились, потемнели. — Эх, нет второй пары весел!

— Без пользы это! — уныло сказал лодочник. — Сейчас, глядите, начнёт даровое представление... А народу что собралось, а? Бегут со всех сторон!

— Пусть! Гребі вперед!

Невольно подчиняясь этому уверенному голосу, лодочник продолжал грести. Они уже миновали середину реки, когда над трубой пароходика точно вспыхнуло облачко. Послышался сильный, петушиный вскрик гудка, с баржи поймали отцепленный конец, и пароходик бойко побежал по воде, оставляя за собой как будто неподвижные складочки волн. На борту его стояли матросы с грозно поднятыми баграми — готовился настоящий абордаж¹. Какой-то мужчина, тоже босой, с подвёрнутыми штанами, но в морской фуражке с белым чехлом — очевидно, капитан, — командовал хриплым, пропитым басом:

— Пр-р-ава руля! Полный х-х-од!

Когда до винóвников погони осталось не более двух сажёней², капитан прохрипел:

¹ Абордаж — атака судна в морском сражении.

² Сажень — старая русская мера длины; морская сажень равна 1,83 метра.

— З-з-а́дний х-х-од! Стоп-п!

Машина глу́хо сту́кнула не́сколько раз и засто́порилась ¹. Пароходик прича́лил к ло́дке почти вплотну́ю. Не́сколько багров сра́зу вцепи́лись в её борт.

— Запреща́ется тут перево́з! — ве́ско сказа́л капита́н. — Прошу́ подня́ться на па́лубу.

— Не име́ете пра́ва заде́рживать, — бы́стро отве́тил молодой челове́к, — бу́дете привлече́ны к отве́тственности!

— Это до нас некаса́емо! На́ше де́ло теля́чье! Как нам хозя́ин приказа́л, так мы и поступа́ем! Жела́ете на тот бе́рег — пожа́луйте сюда́! Да́льше ло́дке не допу́стим!..

Молодо́й челове́к по́дал ло́дочнику де́ньги, взобра́лся на па́лубу и то́тчас же, доста́в из карма́на записну́ю кни́жку, потре́бовал сообще́ть ему́ фами́лии кома́нды.

— Это мы мо́жем! — равноду́шно отве́тил капита́н. — Пишите, е́сли жела́ете!

Когда́ пассажи́ра доста́вили на приста́нь, к нему́ со́бственной персо́ной подошёл хозя́ин и сказа́л со снисходи́тельной улы́бкой:

— И к чему́ вы себе́ де́лаете уси́лие, господи́н? Соберётся пуб́лика в до́льном числ́е и перевезём вас зако́нным мане́ром... ² А пока́ не жела́ете ли отку́шать со мной чайку́? С ме́дом, с бу́бликами...

Пассажи́р то́чно не слы́шал приглаше́ния:

¹ Засто́порить — остано́виться.

² Зако́нным мане́ром — то есть так, как заведе́но, как всегда́ здесь де́лается.

— А кто установил этот, как вы выражаетесь, законный манёр?!

— Я-с! ¹ — Купец всё так же улыбался. — Я плачу за аренду и не могу позволять! Посему не допускаю!.. Так не желаете чайку?.. Как угодно-с!

А люди всё шли и шли к пристани, — с котомками, мешками, узлами. Подъехало несколько гружёных подвод. Наконец матросы положили с баржи широкие сходни, началась посадка, погрузка. Пароходик свистнул, затарахтел, но тут с высокого берега слышались крики. Опоздавшие бежали рысью, махая руками, подымая тучи ржавой пыли. Капитан подождал их — не терять же хозяину пассажиров.

— Отчали-ва-ай! — раздалась хриплая команда.

Пароходик натянул скрипучий канат и потащил барку на тот берег.

Купец вернулся к себе на балкончик. Услужавший мальчишка принёс в противне раскалённых углей, подсыпал в самовар. К столу подсёл знакомый чиновник. Он тоже видел погоню за лодкой и теперь обсуждал с хозяином происшествие.

— Норовистый! — говорил купец, дую в блюдечко. — Из молодых, да ранний...

— Нынче таких много развелось! — Чиновник деликатно прихлёбывал с ложечки. — А только к чему это! Так, сотрясение воздуха!.. Вот катится волнишка по воде, тоже хочет подняться выше, а ткнется в пристань — и аминь. Тут ей и окончание!..

¹ Я-с! — частица «с» образовалась от слова «сударь»; придаёт речи оттенок вежливости, подобострастия или шутовства, раздражения.

Позабыв вскоре и о лодке и о пассажире, они занялись городскими новостями и сплетнями, и ни один из них никогда бы не поверил, что придёт время, когда весь город заговорит об этой истории.

Началась она с того, что купцу дали знать по доброму знакомству, что на него идёт из Самары жалоба по обвинению в самоуправстве. Сразу купец не понял, о чём тут речь. Многие дела доводилось делать, из многих выкручиваться, но такого ещё не бывало. Ему объяснили, что именно означает эта жалоба и что подал её некто Ульянов, помощник присяжного поверенного¹, практикующий в Самаре. В памяти всплыло молодое упрямое лицо, прищуренные глаза с пристальным взглядом. Вспомнились слова чиновника про волну. «Вишь ты! — усмехнулся купец. — Этак он меня напугает!» Ему никак не верилось, что из-за босяков лодочников может возникнуть судебное дело.

Тогда купцу яснее растолковали, что дело, конечно, небольшое, но подсудное и как раз подходит под статью о самоуправстве, по каковой предусмотрен месяц тюрьмы без замены штрафом. Чтобы не иметь излишнего беспокойства, тут же порекомендовали ему и адвоката.

Адвокат — по всему видно — был опытный, сорокалетний волчьей масти, ходил в потёртом фраке², нюхал табак. И он тоже дал своему клиенту разъяснё-

¹ Присяжный поверенный (дореволюц.) — то же, что адвокат: человек, занимающийся ведением судебных дел.

² Фрак — мужская одежда (вроде пиджака), с вырезанными спереди плечами и длинными узкими фалдами сзади.

ние, что дѣло небольшое, но кляузное¹, поскольку имѣется бесспорное самоуправство и суду трудно будет изворачиваться, но тут же добавил, что страшен, мол, сон, да милостив бог.

Получив аванс², он в положенное время выехал на разбирательство. Дѣло о самоуправстве загнали далеко, в уезд, откуда происходил ответчик. Когда адвокат явился к земскому начальнику, то уже застал обвинителя на месте и любезно с ним поздоровался:

— Из Самары изволили прибыть, коллега? Далеконько! Я думаю, что не менее ста верст... да ещё по нашим российским дорогам!

Приезжий коротко ответил, что расстояние действительно не маленькое, но разговора не поддерживал. Вскоре их позвали в камеру земского начальника. Представительный мужчина с благородными подтеками под глазами, зачитав жалобу, сразу предложил сторонам пойти на мировую³, ибо дѣло это нестоящее, мелко-житейское и вполне может быть улажено полюбовно. Приезжий решительно ответил, что и сегодня и в дальнейшем он категорически отказывается от мировой и требует суда по существующему закону. Через некоторое время земский начальник объявил своё решение: дѣло слушанием отложить ввиду неясности некоторых обстоятельств.

Вернувшись в город, адвокат изложил своему подзащитному всё виденное и слышанное. Купец был

¹ Кляузное — здесь: подлежащее судебному наказанию.

² Аванс — часть платы; выдаваемая вперёд, в счёт будущего расчёта.

³ Пойти на мировую — помириться и прекратить дѣло.

задумчив, теребил бороду, несколько раз принимался спрашивать:

— Нет, ты мне скажи, для ради чего он старается?! Не пойму, разрази меня гром! Я тебе плачу денежки, ты хлопочешь, а задаром ты бы и пальцем не шевельнул. Что, не так? А ведь он ещё и свой прикладывает, время теряет, ездит... Это что?!

— Молодо-зелено! — ответил адвокат, пожимая плечами. — Амбиция¹, и всё такое. Но тут нашла коса на камень! Научит его земский! Нескоро он теперь достанет дельце из-под сукна.

Адвокат знал, что говорит.

Уже осень была на исходе, Волга дышала стужей, загодевшие берега казались остриженными под нулёвку², когда в ненастнейший день стороны получили вызов.

На этот раз купец беспокоился, томился, ожидая адвоката.

— Отложил вторично земский! — приветствовал его на другой день адвокат, хихикая и потирая руки. — Земский дело знает. Нашёл причину! Но уж нестерпим сей юноша, доложу вам, — в голосе адвоката слышалось даже что-то похожее на восхищение, — явился весь вымокший, забрызганный, нету сухого местечка... Как нынче добираться от Самары — сами знаете. Всемирный потоп!.. А он будто и не замечает ничего. Предлагали опять мировую —

¹ Амбиция — здесь: самолюбие, чувство чести.

² Остричь под нулёвку — остричь наголо.

ни за что!.. Ну, да ничего, поедит к зёмскому — оботрётся... Измóром возьмём... Отстанет!

Купец молчал. Было у него такое ощущение, будто он шёл по ровному месту и вдруг ударился лбом обо что-то невидимое им, но кремнёво-твёрдое...

А время не останавливалось.

Волгу уже давно сковало льдом. Казалось, что по этой огромной белой равнине никогда не ездили на лодках и не было никакого перевоза, и сама пристань была теперь похожа на сказочный ледяной дом.

За несколько дней до Нового года помощнику присяжного поверенного Ульянову Владимиру Ильичу доставили повестку от зёмского начальника. Дома всем было известно о его тяжбе с купцом. Глядя на сына, который играл сейчас в шахматы со своим гостем, мать с тревогой думала о том, что ему опять предстоит бессонная ночь, опять надо тащиться невесть куда, в поезде, на лошадах, пешком. Она знала, что каким уговорам он не поддастся, но всё же не могла смолчать:

— Бросил бы ты этого купца, Володя! Напрасно проеъдишь, только измучаешься.

— Придётся ехать, мама, — мягко ответил сын, поднимая голову от шахматной доски, — надо довести дело до конца! Такого случая нельзя упустить! Сколько они ни откладывают, а приговор вынести придётся! О нём узнают сотни людей, весь город — очень полезный урок!.. Тактика¹ зёмского ясна — за-

¹ Тактика — здесь: поведение, политика.

тягивать, откладывая, потому что другого хода нет... Вот как у вас, — улыбнулся он своему партнёру и громко возгласил: — Мат... Но меня они этой тактикой не соблюдают... Вот только поезд идёт ни свет ни заря... придётся вставать ночью...

*

Была весна. Ослабевшие, истаявшие льдины медленно плыли по вздувшейся воде, с тихим шуршанием задевая одна другую, всё шире становились разводы. Мокрые поля слегка дымились, в каждой луже валялись червонные слитки солнца. Навигация¹ ещё не началась, пароходы ещё только прочищали глотки, перекликаясь простуженными гудками, на затоках и пристанях скалывали лёд, а перевоз уже работал.

Целая флотилия перевозила людей на тот берег. Были тут и грузные рыбацьи посудины, и солидные ялики, и юркие лодчонки.

И как только затевался где-нибудь разговор, — сразу поминали купца, владельца пристани, сидевшего ныне в арестном доме.

Лодочник в обтрепанном картузе чувствовал себя гербом. Он уже в сотый раз, наверное, рассказывал, как вёз пассажира, который «засудил такого купчину», и понемногу добавлял всё новые краски:

— Наш, волжский! Сразу видать с обличья! Выюноша, но богатырь, голос зычный. Как отрезал

¹ Н а в и г а ц и я — период времени, когда возможно судоходство.

мне: «Гребі́ вперед!» — так у меня́ са́ми заходи́ли вёслы!

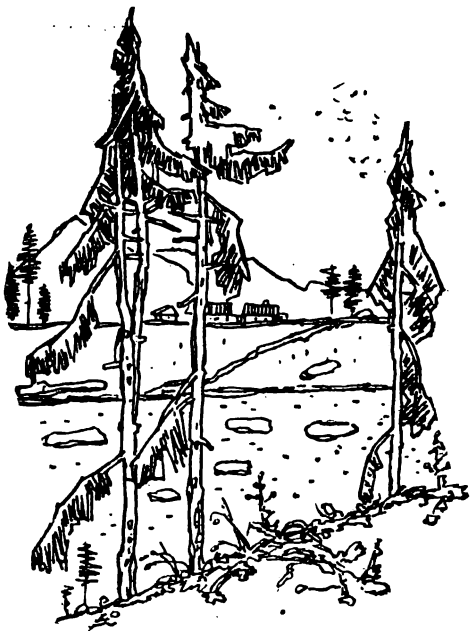
— Вот обожди́, купцу́-то сидеть недолго! Выйдет, пока́жет вам: свет ста́нет в копе́ечку!¹

Лодочник торжеству́юще засмея́лся:

— Нет, подави́лся купе́ц ча́ем! Бо́льше в тюрьму́ не захоче́т! А е́сли что́-нибудь уду́мает, то мы ему́... — Лодочник втяну́л в себя́ побольше вёзду́ха и прохрипе́л: — З-а́-а-дний х-х-од! Стоп-п!

¹ Свет ста́нет в копе́ечку — здесь: бу́дет о́чень пло́хо.

Леони́д Ради́щев

Маи

За шушенскими избами ещё лежал снег. А по реке уже плыли большие серые льдины — с шумом и рокотом встречались одна с другой, раскалывались на куски. Весна...

Наступило 1 мая 1899 года. Разве можно было не отпраздновать этот день, даже в самом глухом углу Сибири, куда ссылали революционеров царские власти!

Утром к Влади́миру Ильичу пришёл ссы́льный, кото́рого в Шу́шенском все зва́ли ша́почником. Это был со́сланный в Сиби́рь рабо́чий по́льской фа́брики, где де́лались шля́пы и ша́пки. Потому́ его́ так и про-зв́али.

Он наряди́лся в тот день по-пра́здничному: наде́л но́вый пиджа́к, бе́лый воротни́чок. И лицó у него́ то́же бы́ло пра́здничное, весе́лое.

— Пора́ собира́ться! — кри́кнул он ещё́ с поро́га.

Собира́ться бы́ло недóлго. Через мину́ту Влади́мир Ильи́ч, Наде́жда Константи́новна и их гость ша́почник уже́ шли по у́лице. А впередí бежа́ла соба́ка Влади́мира Ильи́ча — зва́ли её Же́нькой. Это была́ хоро́шая, весе́лая соба́ка.

Влади́мир Ильи́ч обуча́л её вся́ким соба́чьим на-у́кам: она́ уме́ла носíть поно́ску, зна́ла, как вести́ себя́ на охóте, и не боя́лась ни ледяно́й воды́, ни колю́чих кустóв. Тепе́рь она́ скака́ла впередí, прýмо-таки одуре́в от ра́дости, от весе́нного со́лнца, от лесных за́пахов, кото́рые приноси́л с собо́й ве́тер. И все смея́лись, глядя́ на её забáвные прыжки́.

Так, смея́сь и разгова́ривая, пришли́ к избé, где жил ещё́ оди́н ссы́льный — молодóй пути́ловский ра-бо́чий.

Пути́ловец о́чень обра́довался гостя́м и хоте́л бы́ло усади́ть их, но э́то оказа́лось де́лом нелёгким: в кро́шечной ко́мнатке был то́лько оди́н стул. Тогда́ пу-ти́ловец принёс от хозя́ев дли́нную скамью́; на ней всем хвати́ло бы ме́ста, е́сли усе́сться в ряд.

Но сего́дня сиде́ть в избé не хоте́лось: за окно́м

светило солнце, тёплый ветер гулял по улицам, шумели на реке льдины.

— В поле! — сказал Владимир Ильич. — Будем там праздновать.

Идти в поле надо было берегом реки Шушь. Женька смело кинулась в реку — погналась за льдинами.

А шушенские собаки, увидав это, стали на неё лаять. Сами они ледяной воды боялись.

Прилетела из лесу сойка, очень нарядная в своих чёрных и белых перьях, с любопытством поглядела одним глазом на Женьку, протрещала что-то на своём сойчьем языке и улетела.

С берега все поднялись на пригорок. Тут было совсем сухо. Солнце не только высушило рыжую прошлогоднюю траву, но и хорошо нагрело землю. И на одной стороне пригорка, там, где каждый день дольше светило солнце, уже пробивались кверху новые травинки, острые и тоненькие, похожие на зелёные игёлки.

Пригорок всем понравился. Каждый стал выбирать себе местечко получше, где бы сесть.

Владимир Ильич сейчас же предложил:

— Ну что ж, давайте песню!

И первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Революционные песни Ленин всегда пел с большим увлечением.

И ёсли ему́ при ётом казало́сь, что дру́гие подтя́-
гивают пло́хо, то он да́же хму́рился, начина́л нетер-
пели́во прито́пывать ного́й и серди́то погля́дывал на
тех, кто пел не так, как на́до.

Но на ётот раз он оста́лся дово́лен: все пе́ли с та-
ким же увлече́нием, как и он.

По́сле изве́стных революцио́нных пе́сен пришёл
черёд задорной пе́сенке: «День наста́л весёлый ма́я,
песнь разда́йся уда́лая».

А когда́ уже́ конча́ли припе́в, уви́дали: бегу́т к
приго́рку со сторо́ны Шу́шенского дво́е ребя́тишек.
Это бы́ли сыновья́ ша́почника. О́ни ещё́ изда́ли кри-
ча́ли:

— Гоп-га́! Гоп-га́!

Вме́сте с ни́ми приска́кала и Же́нька, совсе́м мо́к-
рая, прямо́ из реки́. Она́ отряхну́лась, побрызгала́ на
всех холо́дной водо́й и, так как ёто нико́му не по́нра-
вилось, усела́сь виновато́ в сторо́нке.

— Вме́сте ра́зом! гоп-га́! гоп-га́! — попроси́ли ре-
бёта.

В уго́ду им все запели́ ещё́ раз:

...Полице́йские до по́ту
Пра́вят по́длую рабо́ту,
Нас хотя́т изловить,
За решётку поса́дить.

Мы плюём на ёто де́ло,
Ма́й отпра́зднуем мы сме́ло.
Вме́сте ра́зом:
Гоп-га́! Гоп-га́!

Вот это «Вместе разом: гоп-га! гоп-га» и нравилось ребятам больше всего. Припёв этот выходил хором очень дружно. Чем больше людей, тем лучше получалось.

Спели песенку сначала по-русски, потом по-польски, потом опять по-русски.

Когда пропели все песни, шапочник вынул из кармана большой платок и объявил:

— Начинается цирковое отделение!

Он разостлал платок на земле и стал на голову. Это называлось «поставить свечку».

Ребята, хотя и видели это представление не в первый раз, завопили от восторга.

А Женька прыгала вокруг и лаяла.

Путиловец сперва смеялся, как и все, а потом вдруг спросил Лёнина серьёзно:

— Владимир Ильич, а когда же мы будем праздновать Первое мая в свободной России?

— Скоро! — уверенно ответил Владимир Ильич и задумался, глядя вдаль.

А вдали виднелись высокие Саянские горы. Только в ясный день и можно было разглядеть их из Шүшенского. Они казались лёгкими, голубыми — чуть темнее неба.

Закончили встречу Первого мая на квартире у Лёнина.

Здесь опять составили хор; он получился сильней: голосов стало больше. К поющим присоединились мать Надежды Константиновны и одна шүшенская девушка, по имени Паша.

Вспомнили погибших товарищей и в их память запели любимую песню Владимира Ильича:

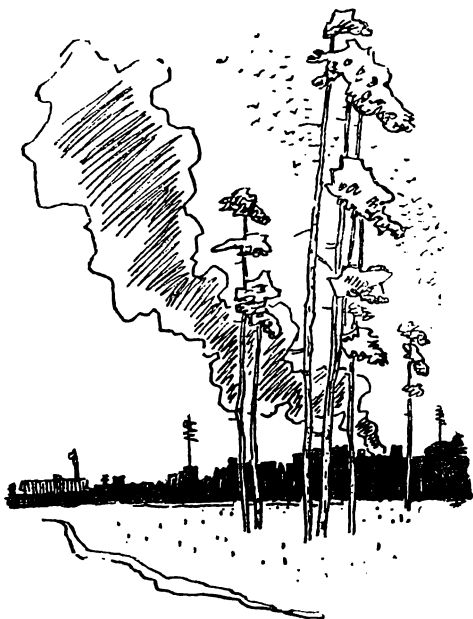
Замучен тяжелой неволей...

И долго ещё раздавались в тесной деревенской избе революционные песни.

А когда гости разошлись по домам, Владимир Ильич никак не мог уснуть.

Взволнованный, он всё ходил из угла в угол по комнате и до утра говорил с Надеждой Константиновной о том, каким прекрасным будет праздник Первого мая в свободной России.

А. Кононов

Ленинская бумага

Лесов в Сибири много. Есть там такие леса, что идёшь день, идёшь два, а конца-краю не видно.

И у сибирских крестьян ещё с давних времён заведён был такой порядок: когда земли для посева не хватало, они вырубали участок леса, раскладывали там весной большие костры, выжигали огнём старую траву, пни, сучья. А потом распахивали этот участок. Получалось поле, и на этом поле сеяли хлеб.

Так дѣлали и шушенские крестьяне. И вот один раз произошёл такой случай: принялись крестьяне на своих участках жечь прошлогоднюю траву и сухой хворост, а огонь разгорелся и перекинулся в казённый лес. И в этом казённом лесу сгорело много сосен.

Приехал лесной объездчик — он казённый лес караулил — и стал разузнавать, кто виноват. Но ничего не узнал и уехал.

Через некоторое время прослышали в Шушенском: донёс объездчик начальству, что лес загорелся будто бы по вине одного шушенского крестьянина, Дмитрия Даниловича.

Видно, не хотелось объездчику признаться, что он ничего не знает, вот и указал он на кого попало.

Крестьянин этот жил недалеко от той избы, где поселился Ленин.

Вот идёт однажды Дмитрий Данилович по улице невесёлый. А навстречу ему — Ленин.

— Что невёсел, Дмитрий Данилович?

— Да что ж... горе одно, Владимир Ильич.

И рассказав он Ленину про своё горе: решило начальство взыскать с него все убытки от лесного пожара. А это значит, что и он и дети его нищими станут.

Выслушал его Владимир Ильич и говорит:

— Без суда решать это дело не имеют права. Я тебе, Дмитрий Данилович, бумагу такую напишу, а ты её в город свезёшь, главному лесничему.

— А ну-козь он у меня не возьмёт бумагу-то?

— На стол ему положи.

— А он её со стола скинет.

Владимир Ильич поглядёл на Данилыча, головой покачал:

— Всё равно дела этого оставлять нельзя. Скинет начальник бумагу — ты её подыми.

— Да он меня вон выгонит.

И ведь верно: мог выгнать вон. Знал про это и Владимир Ильич.

— Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик. Дойдёт бумага к начальству по почте — ему трудней будет от неё отказаться.

На том и порешили. Владимир Ильич написал нужную бумагу, и Дмитрий Данилович уехал с ней в город.

Вернулся Дмитрий Данилович из города — и опять что-то невеселый.

Позвал его Ленин к себе в избу:

— Ну, как дела?

— Да что ж дела... горе одно, Владимир Ильич.

Говорит, а сам на Ленина и не глядит. Видит Владимир Ильич — что-то неладно.

— А бумага где? Возил ты её в город?

Закашлялся Данилыч, в карман зачём-то полёз. Да ничего не подделаешь, на прямой вопрос надо ответ давать.

Покраснел он.

— Да нет... жена её куда-то сунула.

Уж потом Данилыч рассказывал: рассердился Ленин.

Рассердился, вскочил, по комнате заходил. Но не

стал бранить Дмитрія Даниловича. Видел Лёнин: побоялся крестьянин начальства, побоялся отдать бумагу.

Помолчал Владимир Ильич. А потом говорит:

— Дмитрий Данилович! Надо учиться защищать себя. Ты зайдё ко мне завтра утром.

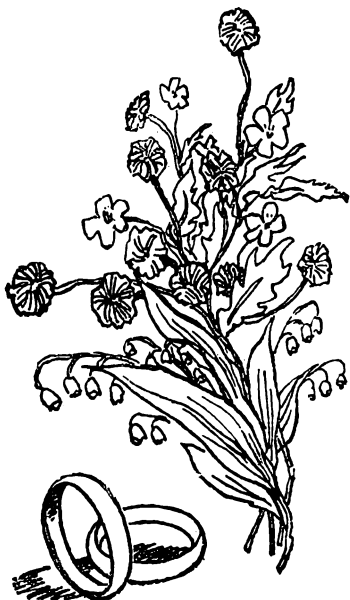
Заходит тот поутру, а у Лёнина новая бумага написана. Дал он её подписать Данилычу. И отправил в город её на этот раз сам.

Прошёл после этого год, потом другой. Видят крестьяне: не трогает начальство Дмитрия Даниловича, не разоряет его хозяйство.

Уж и Лёнин уехал из Шүшенского, а крестьяне всё вспоминали про тот случай с лесным пожаром:

— Помогла ленинская бумага.

А. Кóнонов

Кольца дружбы

Наступил май. Чёрные пашни вокруг села Шушенского покрылись нежной зеленью. Редкий, наполовину вырубленный лесок прихорошился. Дороги высохли.

Оскар сидел на завалинке и угрюмо наблюдал, как быстро мелькают спицы в руках старой хозяйки.

— Что, недужится¹, сыно́к? — спросила женщина.

¹ Не ду́жится (разговóрное) — нездо́ровится.

Оскáр ничегó не отвéтил. Да и что бýло отвéчать? Он сам не знáет, чтó с ним. Недáвно Владíмир Ильíч цéлый час расспрáшивал егó: где болíт, как болíт? Оскáр тóлком обьяснítь не мог. Пропáли сíлы — и всё, и éто в двáдцать два гóда! С рукáми бедá, мешáют. Ляжет спать — рукá под бóком как кáмень, идёт — рúки по сторонáм болтáются, сядет — не знáет, кудá их деть.

— Большáя помéха для человекá рúки, — жáловался Оскáр.

А Владíмир Ильíч смеётся:

— Вýлечим вас, Оскáр Алексáндрович, непременно вýлечим.

Удивítельный он человек, Владíмир Ильíч. Всегдá вéсел, и ссы́лка ему́ нипочём. Рабóтает мнóго, пíшет, а успеvает и на охóту сходить, и какíе-то мудрёные шáхматные задáчи решáть. Вечерáми Оскáра просвещáет: читáют вмéсте политíческие кнíги.

Мíмо пробежáл сосéдский парнíшка Лёнька с холщóвой шкóльной сýмкой через плечó. Взметну́л босýми ногáми óблако пы́ли.

Был Оскáр чуть побóльше Лёньки, когдá отéц — фíнский рабóчий — повёл егó отдавáть в лýди¹. Останóвились на Нёвском у витрíны. За зеркáльным стеклóм на лилóвом бáрхате бýли рассыпаны не-смётные сокровища: тóнкие золотýе цепóчки с подвёсками, тяжёлые браслётý, кóльца и брóшки с крóхотными букéтами из драгоцённых камнёй. Бýли по-

¹ Отдавáть в лýди — отдавáть в учёнье.

хóжи э́ти ка́мни то на ка́пли мёда, то на у́треннюю росу́... «Вот и ты та́кие шту́чки бу́дешь де́лать, — сказа́л о́тец, — я о́предели́л теб́я к зо́лотых дел ма́стеру». Ма́льчик да́же за́жму́рился от ра́дости. Он предста́вил се́бе, как бу́дет сиде́ть на ба́рхатном сту́ле, в ба́рхатном ко́лпаке́ и ка́ким-то необы́кновенным ши́льцем масте́рить э́ти ска́зочные ве́щи.

Пе́рвое, с чем познако́мился О́скар, был ри́гель — дли́ннющий ста́льной па́лец, на ко́тором пра́вят ко́льца. Ско́лько ши́шек на голо́ве О́скара насажа́л э́тим ри́гелем ма́стер Та́йфер — не сосчита́ть. Та́йфер ни́когда́ не называ́л его́ по и́мени, оклика́л презри́тельно: «Э́й ты, чухна́!»

Че́тыре го́да присма́тривал О́скар за хозя́йскими деть́ми, бе́гал за си́тным, за во́дкой, уры́вками обуча́лся ювеля́рному реме́слу, а в ше́стна́дцать лет распро́щался с хозя́ином и наня́лся на Пути́ловский заво́д.

Был ювеля́ром, стал то́карем. Был про́сто учени́ком, ко́торого вся́кий оби́деть мог, стал сме́лым революцио́нером. Хли́пкий¹ парни́шка вы́ровнялся в ла́дного пи́терского масте́рового. О кре́пости его́ кулако́в мог расска́зать провока́тор, ко́торого разобла́чили на заво́де. Из-за э́того провока́тора и угоди́л О́скар в ссы́лку на три го́да.

...О́скар подня́лся с зава́лилки и поше́л в изб́у, к се́бе в ко́мнату. Лежа́л, заки́нув ру́ки за го́лову: не то дрема́л, не то о че́м-то ду́мал.

¹ Хли́пкий — сла́бый, некре́пкий.

Очнўлся от телѣжнаго скріпа и ребячьего гóмoна¹. Подошёл к окнў. Напрóтив, у дóма Зыряновых, остановилась телёга. На ней сидѣли две жѣнщины в городских плáтьях, в шляпках. Орава² ребятішек облепила телёгу, и Лѣнька был среди них.

— Да ведь ёто невеста Владімира Ильича приѣхала! — áхнул Оскáр, выбежал из избы и в три прыжкá перемахнул через ўлицу.

— Вы — Надѣжда Константиновна? Здравствуйте! — привѣтствовал Оскáр дѣвушку с тонкой тáлией, в сѣренькой блўзке.

Дѣвушка посмотрѣла на него смѣлыми свѣтлосѣрыми глазáми, и её пўхлые гўбы дрогнули в весѣлой усмѣшке.

— А вы, навѣрное, и есть болящий Оскáр Александрович? Чтó-то не похоже! Здравствуйте! — Она протянула ему рўку. — Познакомьтесь с моѣй мáмой Елизавѣтой Васільевной. А почему Владімир Ильич нас не встречáет? Он не бóлен?

— Оні на охóту ушли, — разгребáя пыль ногóй, доложил Лѣнька.

Мальчйшки хóром подтвердили.

— Владімир Ильич óчень вас ждал, волновáлся, а вот сего́дня, как нарóчно, уѣхал на охóту, — попытáлся Оскáр смягчить огорчйтельную вѣсть.

— Чтó же нам дѣлать? — улыбнўлась Надѣжда Константиновна. — Неужѣли уезжáть обрáтно?

¹ Гóмoн — крик, шум.

² Орава — мнóго нарóду, толпá.

— Ника́к нельзя́, — решительно возразил Лёнька, — онѣ к вѣчеру верну́тся.

Оска́р с мальчи́шками помо́г же́нщинам перетащи́ть ве́щи в дом и уше́л к себѣ.

А вѣчером Лёнька постуча́л в окно́ и сказа́л, что его́ зоветъ Влади́мир Ильи́ч. Оска́р стал приводи́ть себѣ в пара́дный вид.

В до́ме Зыря́новых бы́ло шу́мно, вѣсело. Сия́ющий Влади́мир Ильи́ч помога́л Наде́жде Константи́новне расставля́ть ча́шки и упрáшивал её поскорѣе вы́дать подáрки, а гла́вное — не тай́ть кни́ги.

— Ну уж нет, — отрицáтельно качáла головой Наде́жда Константи́новна. Она́ пыта́лась вы́глядеть серди́той, но глаза́ у неё смея́лись. — За такую́ встречу подáрки отменя́ются. Подáрки полу́чат то́лько Лёня и Оска́р Алекса́ндрович, онѣ нас хорошо́ встрéтили. — И Наде́жда Константи́новна протяну́ла Лёньке но́вую блестя́щую кни́жку с яркими карти́нками. — А вот лека́рство от ва́шей болéзни, — показáла она́ Оска́ру на плетёную корзи́ну.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилю́ли, — подтверди́л Влади́мир Ильи́ч.

Оска́р нерешительно подошёл к корзи́не, присёл на корточки и стал её распаковывать. Развяза́л ве́рёвки, по́днял кры́шку. Видит — корзи́на напо́лнена какими-то свёртками в си́ней прома́сленной бума́ге. Разверну́л оди́н — и глаза́м не пове́рил: шпе́рак — ма́ленькая накова́льня для ювели́рных рабо́т. Разверну́л друго́й, трéтий, четвёртый — по́лный набо́р ювели́рных инструме́нтов, и на са́мом дне — ри́гель.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич. — Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке, — возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи верст везли такую тяжёлую корзину. Одних пересадок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты, — сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу, — я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего было, а вот ювелирной работы у здешних богачей было много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок, — сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

Утром Оскар прибрал комнату, как к большому празднику: вымыл пол, выскоблил стол, постелил на нём кусок чистой холстины и разложил свой сокровища.

Он уже знал, с чего начать.

Вынул из кармана пятак, посмотрел на него: двуглавый орёл. Сразу вспомнил — полицейская кокарда¹, герб Российской империи. В правой лапе орёл

¹ К о к а р д а — жестяной значок на форменной фуражке.

сжимал скипетр¹, напомиавший Оскáру рíгель в руке мастера Тáйфера.

Положил пятáк на наковáльню и со злóстью хватил по нему молотком. Монéта расплющилась. Оскáр сбил монéту в бесформенный комóк красной мéди и зажéг паяльную лáмпу. Скóро металл в лúnке из углá расплавился и задрожáл, как ртуть. Оскáр вылил его в фóрму, сýнул в ведрó с водóй и забыл обо всём на свéте... Он пилил, шлифовáл, правил на рíгле малёнькое мéдное колéчко, заблестéвшее красным зóлотом. В полдень хозяйка пришлá звать Оскáра обéдать, но он тóлько рукóй махнул. Нéкогда! Тепéрь у него былá рáбота. Он глянул на свои рúки. Жíлы на них чуть-чúть вздúлись, но рúки стáли лёгкие, живые и совсём не лишние. Растопырил пáльцы и сжал их, растопырил и снóва сжал. Вёсело!

Он рáботал, напевáя какúю-то фíнскую пёсенку. К вéчеру сдéлал и вторóе кольцо. Вычертил замысловáтый орнамент на листóчке бума́ги и оклéил им спичечную корóбку.

По úтренней росé побежáл на бéрег Шúши. В то ма́йское úтро там цвели лáндыши, одувáнчики, курóслéп. Оскáр набрáл цветóв и связáл их нítкой. Вынул колéчко из корóбки, солнце так и сéло на нём бриллиáнтовой кáплей. Никогдá он не ви́дел кольца чудёсней.

Оскáр мéдленно пошёл к дóму Зыряновых. Потóм не вытерпел, сорвáл с головы картúз и побежáл.

¹ Скипетр — жезл, украшенный драгоценными камнями и резбой — знак царской власти.

Ему хотѣлось поскорѣе отнесті свой подарок Влади́миру Ильичу и Наде́жде Константи́новне.

Сибі́рский ве́тер разно́сил по степи́ слова́ приду́манной Оскáром пѣсни о чі́стых озёрах, о души́стых леса́х и о са́мом большо́м сча́стье для челове́ка — имѣть хоро́ших друзѣ́й.

*

Эти ко́льца храня́тся в Центра́льном музе́е Влади́мира Ильича́ Ле́нина. От вре́мени ко́льца потемне́ли, но онѣ́ по-пре́жнему прекра́сны. Потому́ что сде́ланы по велѣ́нию се́рдца рука́ми, стоскова́вшимися по рабо́те. Это дар челове́ческой любви́. Это ко́льца дру́жбы.

З. Воскресе́нская

Минька

Солнце встало румяное, морозное. Оно осветило заснеженные вершины Саян, бескрайнюю тайгу с вечнозелёными ёлями, вековыми кёдрами, пихтами и лиственницами, необъятные степные просторы Сибири. Луч солнца пришёл и в большое село Шушенское. Заглянул в необычный для здешних мест дом с высокими окнами. Смотрит, а там уж гость появился.

Хлопнув, как всегда, дверью, гость весело, с добром сказал:

— А вот и я!

Гость махонький, нахохленный и похож на весеннего воробья-забияку. Это Менька, юный друг Владимира Ильича Ленина, сыншкa соседа, поселенца.

На маленькой, худенькой фигурке мальчика — яркая стёганая кофта матери, барашковая отцовская шапка и огромные валяные сапоги. Тонкая, вытянутая, словно у гусенка, шея мальчика замотана шарфом. Длинные концы шарфа скрестились на груди поверх кофты и туго подпоясывают мальчика.

Менька стоит посреди комнаты, устланной чистыми домоткаными дорожками.

Первой встретила гостя охотничья собака Женька. Она выскочила из соседней комнаты и, радостно взвизгивая и виляя хвостом, запрыгала вокруг своего приятеля, пытаясь лизнуть его шершавым языком.

Менька уклоняется и длинным рукавом кофты отгоняет Женьку.

— Доброе утро, Менька! — говорит Надежда Константиновна, занятая у русской печи приготовлением завтрака.

Она рада юному гостю.

Менька кивает головой так, что с него едва не слетает отцовская шапка, и выжидаяще смотрит на боковую дверь, откуда только что выскочила Женька.

Он ждёт, когда войдёт в комнату Владимир Ильич и спросит, как всегда: «А кто там пришёл? Что за шум?».

У Миньки изо дня в день «серьёзные дела» к Ленину.

Владимир Ильич заранее знает, о чём пойдёт разговор. Он делает вид, что для него важны сообщения Миньки. И, чтобы никто не мешал, откладывает разговор до окончания завтрака.

После завтрака Ленин и Минька уходят в соседнюю комнату.

Владимир Ильич садится на стул у конторки, которая заменяет ему письменный стол. Минька взбирается ему на колени. Нетрудно догадаться, что и Женька молча следует за ними. Она ложится на подстилку в углу и смотрит то на своего хозяина, то на мальчика.

Разговор, по обыкновению, начинает Владимир Ильич.

— Я к вашим услугам, сударь... — серьёзным тоном говорит он.

Минька тянется к уху Ленина и так, чтобы не слышала в соседней комнате Надежда Константиновна, произносит:

— Пойдём гулять.

— У тебя, оказывается, сегодня не только серьёзный, но и секретный разговор? — смеётся Владимир Ильич.

Минька понимает шутку, утвердительно кивает головой и упорно повторяет:

— Пойдём гулять.

— Не могу, дружок, у меня сегодня много работы.

- Хочешь, помогу́, а пото́м пойдём?
- Спаси́бо, то́лько моя́ рабо́та тру́дная.
- Я и тру́дную умею́ де́лать. Спроси́ ма́мку...

А мать легка́ на помы́не. Стои́т в дверя́х и укори́женно смóтрит на сы́на. Она́ не пуска́ет Ми́ньку к Влади́миру Ильичу́ и Наде́жде Константи́новне, что́бы он не меша́л им рабо́тать. Но ра́зве за Ми́нькой уследи́шь? Стои́т ей отверну́ться — он за ша́пку и был тако́в¹. На все упрёки ма́тери Ми́нька дока́зывает своё: он Влади́миру Ильичу́ не меша́ет, он ну́жен Влади́миру Ильичу́. А называ́л Ле́нина Ми́нька не ина́че, как Влади́миром Ильичём. Так его́ зва́ли все крестья́не села́ Шу́шенского и де́ти, с кото́рыми Ильи́ч дружи́л, ходи́л на прогу́лки, устраи́вал на ре́чке като́к, ката́лся на конька́х.

Вот и на э́тот раз, уви́дев сы́на на колéнях Ле́нина, мать всплесну́ла рука́ми и смущённо сказа́ла:

— Опа́ть ты уже́ здесь?.. Влади́мир Ильи́ч, не приви́живайте¹ его́!

— Что вы! — улыба́ется Ле́нин. — У нас с ним то́лько деловы́е отноше́ния...

Мать Ми́ньки уходи́т. Ми́нька сно́ва повто́ряет:

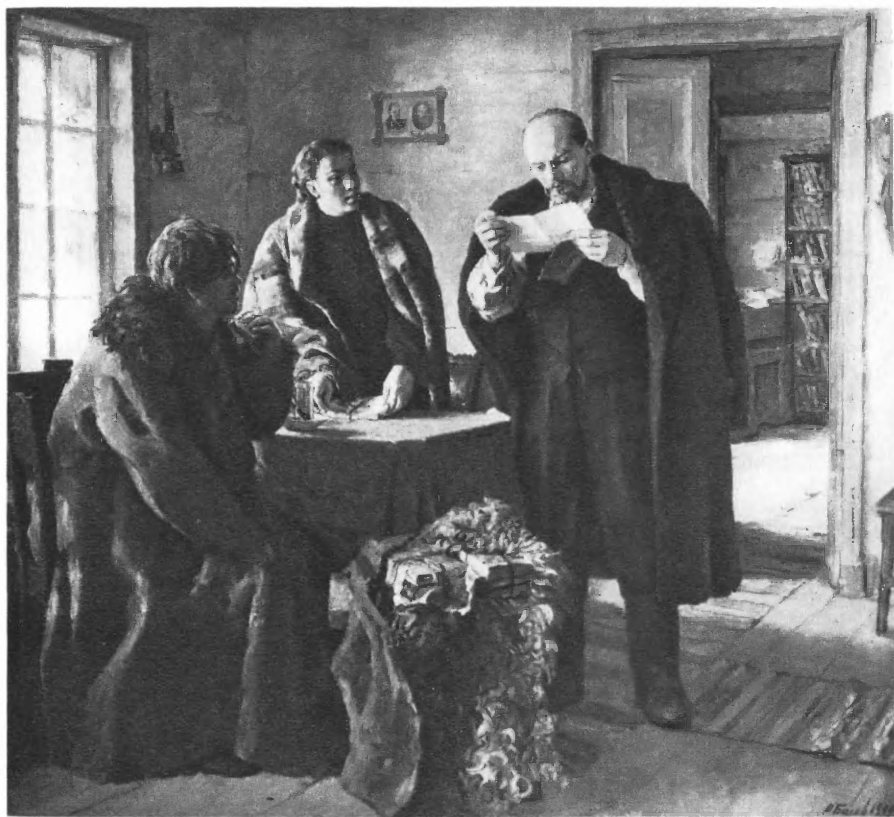
— Пойдём гуля́ть. Хотя́ ма́лость, вот сто́лечко...

Для убедите́льности ма́льчик пока́зывает ко́нчик своего́ кро́хотного мизы́нца.

— Ну, е́сли такую́ ма́лость, отказа́ться не могу́, — говори́т Ле́нин и поднима́ется со сту́ла.

¹ Был тако́в — исче́з, убежа́л.

² Прива́живать (разговóрное) — здесь: возбу́ждать симпа́тию, располага́ть к себе́, привлека́ть, балава́ть.

В. Басов. Письма из Росси́и. Ле́нин и Кру́пская в селе́ Шу́шенском.

Са́мая срóчная рабо́та откла́дывается в сто́рону. Ра́зве мо́жно отказа́ть ма́льчику!

— Пошли! Пошли! — говори́т реши́тельно Влади́мир Ильи́ч и щеко́чет Ми́ньку.

Тот дово́лен и залива́ется счастли́вым сме́хом.

Же́нька вска́кивает и направляется к вы́ходу.

Влади́мир Ильи́ч, Ми́нька и Же́нька выхо́дят в сад. На я́рком у́треннем со́лнце снег и́скрится и осле́пляет.

На стебля́х хме́ля, кото́рый обви́л бесе́дку, постро́енную э́тим ле́том Влади́миром Ильиче́м и Наде́ждой Константи́новной, моро́з сплёл и́скусные кружева́. Ку́сты сире́ни и жи́молости запо́рошены чи́стым пуши́стым сне́гом и ка́жутся каки́ми-то возду́шными, ска́зочными.

Миновáв око́лицу¹ села́, Ле́нин и Ми́нька оказа́лись на бере́гу замёрзшей реки́.

Как все́гда во вре́мя таки́х прогу́лок, Ми́нька забрасывает Влади́мира Ильича́ са́мыми неле́пыми вопро́сами. Почему́ то, почему́ э́то. И сего́дня, предложив Влади́миру Ильичу́ пойти́ на Журавли́ную го́ру, Ми́нька вдруг спроси́л:

— А почему́ го́ра так называ́ется? Там журавли́ живу́т?

— Журавли́ там не живу́т, а во вре́мя перелёта в жа́ркие стра́ны оста́навливаются на горе́ на́ ночь.

— Оста́навливаются на́ ночь? Э́то что́б спатъ?.. А как о́ни спят?

¹ Око́лиц а — изгоро́дь вокру́г села́ или при вы́езде из него́.

— Об этом тебе лучше, пожалуй, расскажет сам Иван Осипович. Смотри, он идёт к нам навстрёчу...

Минька встаёт на цыпочки и кричит:

— Сосипаты-ы-ыч!..

Крестьянина Ивана Осиповича Ермолаева в Шушенском все почему-то звали просто Сосипатычем. Он был постоянным спутником Лёнина на охоте, интересным собеседником.

Зимой он ходил в старых подшитых валенках, облёзлом заячьем треухе¹ и овчинной шубе с многочисленными заплатами. Подпоясывался верёвкой, за которую засовывал меховые рукавицы. А если шёл в лес за дровами, засовывал за пояс и топор.

У него доброе лицо с редкой бородой и умными светлыми глазами. Старый крестьянин после первой же охоты всей душой привязался к Ленину и всегда старался сделать ему что-нибудь приятное. Сосипатыч любил природу, любил наблюдать за журавлиными стаями во время их перелёта и при случае поговорить о них.

Однажды он подарил Владимиру Ильичу молодого журавля. Журавль был слаб и плохо держался на длинных ногах. Принимая подарок, Ленин хотел было погладить птицу, но журавль сердито зашипел и, вытянув шею, попытался ущипнуть Ленина за руку.

Вскоре журавль привык к новому своему хозяину, смело бродил по двору и ходил с Лениным на прогулки.

¹ Треух — мужская тёплая шапка.

Но наступили осенние холода, и Жúrка, как его лáсково назывáли, забеспоко́ился, стал грóмко и трево́жно курлы́кать. Сто́я на одно́м ме́сте, он то и де́ло взма́хивал окрѣпшими крýльями, как бóдто прове́рял, смо́жет ли улетѣть.

И кáк-то ўтром, услыхáв тру́бный призы́в летя́щей ста́и журавлѣй, Жúrка разбежа́лся и, рассекáя во́здух крýльями, полетѣл вдогóнку за сво́ими собрат́ьями.

С тех пор журавля́ бо́льше не ви́дели.

Сосипáтыч поздорóвался с Лѣниным и Мíнькой за руку и угостíл кедрóвыми орѣшками, доставáя их из глубóких карма́нов своѣй залáтанной шу́бы.

— Ива́н Осипович, — с улы́бкой обра́щается к крестья́нину Влади́мир Ильи́ч, — наш ю́ный друг интере́суется, как журавли́ спят. Расска́жите, пожа́луйста.

— Жура́вль — пти́ца осторо́жная, — ме́дленно и тайнственно начина́ет Сосипáтыч. Чувству́ется, что он рад э́тому разгово́ру. Обня́в ма́льчика за плѣчи, Сосипáтыч шага́ет ря́дом с Влади́миром Ильи́чем. — Ста́я останáвливается на́ ночь не ина́че как на откры́той ме́стности, что́бы за́рание уви́деть опа́сность. А одно́го како́го-нибу́дь журавля́ обяза́тельно остав́ляют часовы́м, что́бы зóрко смотре́л да предупреди́л во́время, е́сли хитра́я лиса́ и́ли друго́й како́й зверь ста́нет подкра́дываться. Дежу́рный жура́вль в клюв возьме́т ка́мень и стои́т то на одно́й, то на друго́й но́ге.

Мíнька сме́ется:

— Зачём журавлю камень? Чтобы в лису запустить?

— Нет, чтобы не заснуть, — серьёзно говорит Сосипатыч. — Смотрит часовый, как его товарищи сладко спят, и самого в сон клонит. «Засну хоть одним глазом», — думает он. Только зажмурит один глаз, а другой сам закрывается. Едва часовый задремлет, камень из клюва и выпадает. Хлопнется на землю — дежурный вздрагивает. Остальные журавли тоже просыпаются и поднимают крик: «Курлы! Курлы!» Ты что, мол, зеваешь?.. Часовой снова берёт камень в клюв и ещё зорче смотрит по сторонам.

— А где журавль камень возьмёт, если его близко нет? — спрашивает недоверчиво Менька.

— Камень журавль с собой приносит. Рассказать тебе про гнездо журавля, так ты и совсем не поверишь, — продолжает Сосипатыч и поглядывает на Ленина: слушает ли? — Иная птица строит себе дом из прутьев, ласточки лепят гнездо из глины, пичуги разные роют ямку в земле и выкладывают её сухой травой и волосом. А журавль гнездится что ни на есть в чистом поле. И даже под кусты не прячется. Отложит на голой земле пару крупных яиц с бурыми пятнами, а вокруг них разложит речную гальку. Вот и всё. Камушки для гнезда иной раз за десяток километров приносит.

Ленин любит рассказы Сосипатыча. А на этот раз решил, что он шутит, и, прищурив один глаз, спрашивает:

— Это вы, Иван Осипович, начали уже из области

«охóтничьих» рассказов? Мíнька подúмает, что у журавля и впрáвду такое гнездó.

— Тóчно говорю, сам вíдел.

Мíнька довóлен журавлиной хитростью. Он шагáет по бéрегу, дёржится за руку Владíмира Ильичá и, чтóбы лúчше слýшать рассказ Сосипáтыча, задирáет гóлову квéрху.

Шли, да так и не замéтили, как оказáлись на льду рекí. Лéнин смóтрит на своих друзéй и смеётся:

— Что я вам сейчáс покажú!..

— Что покажешь? — спрашивает Мíнька, поправляя спóлзшую на глазá ша́пку.

— Посмотри вниз.

Мíнька смóтрит, а под их ногáми прозрачный, как стекло, лёд. Сквозь него вíдно дно с бéлыми, жёлтыми, рóзовыми кáмушками. Виднá берёзовая вётка с тёмно-зелёными и слéгка пожелтévшими лúстьями. Она зацепíлась за корягу¹ да так и лежít подо льдом, слóвно вырósла на дне рекí. Вокрúг вётки вьётся стáйка рыбок с крáсными плавникáми.

Скáзочная картинá поразíла Мíньку. Он застыл от изумлénия и спросíл:

— Рекá зимóй тóже течёт?

— Конéчно, — отвечает Лéнин. — Слýшишь её гóлос: «Шу-шу-шу!» Оттого она́ и назывáется Шúша.

Мíнька прислúшивается и разочарóванно отвечает:

— Нет, не слýшу.

¹ Коряга — суковáтое дéрево, затонúвшее в водé.

Но Лёнин и сам не слышит шума воды подо льдом, он только любит о нём говорить. Когда-то он пытался сочинить о рекé стихи и написал даже первую стрóчку:

В Шúше, у подно́жья Сая́на...

«...да́льше пе́рвого стиха́ ниче́го, к сожа́лению, не сочи́нил!» — пи́сал потóм Влади́мир Ильи́ч своёй ма́тери.

Увлёкшись разгово́рами о журавля́х, подво́дном ца́рстве, Влади́мир Ильи́ч, Сосипа́тыч и Ми́нька за́были про Же́ньку. Она́ мета́лась из сторо́ны в сто́ро-ну, обню́хивала ка́ждый ку́стик: не притаи́лся ли там зайчи́шка? И действите́льно, спугну́ла бе́ляка. Косо́й вски́нулся со своёй ле́жки и дал стрекача́¹ через ре́чку в за́росли куста́рника...

Одна́жды э́тот по́рядок был неожи́данно нару́шен. Утром, как и всегда́, Ми́нька появи́лся чу́ть свет и, по обыкнове́нию хлопну́в две́рю, крикну́л на весь дом:

— А вот и я!

Из сосе́дней ко́мнаты ему́ никто́ не отве́тил. Будь Ми́нька наблю́дательней, он заме́тил бы отсу́тствие Влади́мира Ильича́ сра́зу, по одному́ поведе́нию Же́ньки. Она́ не вы́скочила навстре́чу ма́льчику, не вы́разила ра́достного востóрга по по́воду его́ при-хо́да, а то́лько подняла́ на него́ гру́стные глаза́ и оста́лась лежа́ть на пре́жнем ме́сте.

¹ Дать стрекача́ — удрать, бы́стро скры́ться.

Миньке сказали, что Владимир Ильич уехал по делам в Красноярск и вернётся не скоро. Но у мальчика свой счёт времени. Через час он пришёл в дом к Ленину и спросил:

— Владимир Ильич приехал?

И снова Миньке пришлось вернуться домой...

Тосковала без хозяина и Женька. Она неотступно ходила за Надеждой Константиновной из одной комнаты в другую. При малейшем шуме на улице Женька вскакивала передними лапами на подоконник и смотрела в окно. На улице, кроме маячившего¹ Миньки, никого не было.

В сибирской ссылке было тогда много революционеров — товарищей Ленина. Они жили в разных сёлах, терпели лишения и нужду. Владимир Ильич всё время искал случая встретиться с ними, поговорить о делах, поддержать тех, кто пал духом или заболел.

Однажды Ленин добился разрешения поехать в Красноярск «зубы полечить». А сам воспользовался этим случаем и заехал по пути к товарищам.

Так, даже находясь в ссылке, Ленин продолжал руководить революционным движением в России.

Вернулся Владимир Ильич ночью. Минька уже крепко спал. Но только рассвело, а он тут как тут. Всё в той же отцовской шапке и мамкиной кофте. Не вошёл, а вбежал в дом:

— А вот и я!

¹ Маячивший; маячить — виднеться вдаль.

Из сосѣдней комнаты вышел Владѣмир Ильичъ. В рукахъ он держалъ лошадку. И хотя Мѣнька давно мечталъ о такой игрушкѣ, он не бросился къ ней. Он былъ рад, что снова видитъ Владѣмира Ильича.

Весь день Мѣнька не отходилъ отъ Владѣмира Ильича, а вечеромъ отказался идти домой спать.

На другой день он вынесъ дорогой подарокъ на улицу — похвалиться передъ сосѣдскими ребятами.

Но оказалось, что Владѣмир Ильичъ привѣзъ подарки и имъ.

Прошелъ годъ. Мѣнька подростокъ и еще больше сдружился съ Владѣмиромъ Ильичемъ. И какъ забеспокоился мальчикъ, когда однажды въ домѣ Лѣнина вмѣсто обычнаго строгaго порядка онъ увидѣлъ сдвинутыя съ привычныхъ мѣстъ вещи, разбросанныя на полу бумажки!

Надѣжда Константиновна укладывала вещи въ сундукъ. Владѣмир Ильичъ снималъ съ полокъ книги и связывалъ ихъ пачками. На лавкѣ сидѣли грустные шушенскіе ссыльные — знакомые Лѣнина. Былъ здѣсь и крестьянинъ Сосипатычъ.

Увидѣлъ Мѣнька эту картину да такъ и остановился у порога, не сказавъ обычнаго привѣтствія.

Беспокойство мальчика разделяла и Жѣнька. Она уныло бродила изъ угла въ уголъ, тихонько скулила и растягивалась у дверей, словно загораживала кому-то дорогу.

Постоявъ нѣсколько минутъ, Мѣнька понялъ — въ домѣ сейчасъ не до него, и сталъ молча подбирать съ полу разбросанныя бумажки.

Пёрвой Мíньку замéтила Надéжда Конста́нтинов-на и подарíла ему́ мно́го цветны́х карандаше́й, карти́нок и перье́в. Не подозрева́я бли́зкой разлу́ки, Мíнька суе́тился и перета́скивал к себе́ домо́й неждан́ные да́ры.

Ссы́льные ста́ли выно́сить из до́ма ве́щи и укла́дывать их в са́ни. Мíнька забеспоко́ился сильнее́. Он подошёл к Влади́миру Ильичу́.

— Проща́й, друг мой, уезжа́ю из Шу́ши наве́гда́, — сказа́л Ле́нин. — Вы́растешь — уви́димся, быть мо́жет. Я бу́ду всегда́ по́мнить тебя́. — Он наклонíлся и кре́пко поцелова́л ма́льчика.

Мíнька смотре́л на са́ни, в кото́рые се́ли Влади́мир Ильи́ч и Надéжда Конста́нтиновна, смотре́л на Же́ньку, уже́ лежа́вшую в саня́х, и всё ждал, что и его́ приглася́т с собо́й.

Мíнька не знал, что Влади́мир Ильи́ч о́тбыл свой срок ссы́лки и возвра́щается домо́й, что́бы сно́ва продо́лжать борьбу́, за кото́рую он был со́слан ца́рским пра́вительством в далёкую Сиби́рь.

Са́ни уката́ли...

На сле́дующий день Мíнька встал по привы́чке ра́но, торопли́во оде́лся и побежа́л к до́му, в кото́ром жил Ле́нин.

Мíнька не хоте́л ве́рить, что его́ друг Ле́нин уе́хал. Он ду́мал, что сейча́с его́ встрéтят, как всегда́, привéтливо, что он услы́шит ла́сковые слова́ Влади́мира Ильи́ча:

«А кто э́то там прише́л?..»

Мíнька ми́гом взбежа́л на крыльцо́, привы́чным

жѣстом открыл дверь и хотѣл ужѣ крикнуть: «А вот и я!» Но из сосѣдней комнаты не послышалось ласкового гóлоса Владíмира Ильичá, навстрѣчу ему не выскочила собáка Жѣнька. Стоявшая у пѣчки незнакомая жѣнщина спросила:

— Тебѣ что нýжно, мáльчик?

— Владíмир Ильич не вернóлся?

— Так он же уѣхал навсегдá!

Тóлько тепѣрь Мíнька пóнял всё, что случíлось...

Он мóлча вы́шел из дóма, сел на ступѣньку и горько заплакал.

П. Макрушѣнко

В тёмную ночь

Это было давно. В 1907 году. В Финляндии.

Стоял декабрь, а настоящей зимы ещё не было. Юго-западный ветер взламывал неокрепшие льды Ботнического залива. Тысячи небольших островов и островков — шхеры, покрытые снегом, были похожи на вздыбленные и застывшие волны.

По дороге, ведущей из города Або по островам,

лѡшадь тащѣла сѧнки. На облучкѣ¹ сидѣл финн Вѣктор Кѧрлсон. Он вѣз на ѡстров Лѣлльмѣло человѣка, про которѡго Кѧрлсону сказѧли, что ѣто враг рѣсского царѧ и что он скрываетсѧ от царской полицѣи. Вот и всѣ, что знал о своѣм седокѣ Кѧрлсон.

А седокѡм был Владѣмир Ильѣич Лѣнин.

Рѣсские жандѧрмы получилѣи прикѧз разыскѧть и арестовѧть Лѣнина, поѣтому Владѣмиру Ильѣичу нѣжно было немѣдленно вѣехать за гранѣцу.

На закѧте дорѡга привелѧ к одинокѡму красному дѡмику на скалистѡм холмѣ.

— Приѣхали, — вѧжно сказѧл Кѧрлсон.

Он слез с облучкѧ, привязѧл лѡшадь и с сѣлой толкнул ногѡй дверь.

Небольшѧя кѡмната-кѣхня, в которѣую онѣ вошли, блестѣла чистотѡй. На полу были разѡстланы свѣтлые половики, самодѣльные кѡврики украшѧли бревѣнчатые стѣны, на пѡлке у большѡй пѣчки сияли начищенные мѣдные кастрѣюли. От пѣчи до стен под сѧмым потолкѡм тянѣлись тѡнкие шестѣ с нанѣзанными на них кру́глыми, плѡскими, как лепѣшки, ржанѣими хлебѧми.

Стоѧ у порѡга, Кѧрлсон о чѣм-то вполголѡса поговорѣл с хозяином дѡма Бѣргманѡм, попрощѧлся со своѣм пассажѣром, кивнул хозяйке и ушѣл.

Владѣмир Ильѣич сел рѧдом с хозяином на ширѡкую скамѣю и, положив рѣку емѣ на плечѡ, сказѧл:

— Друг, мне нѣжно скорѣе попѧсть в Стокгольм. Как ѣто сдѣлать?

¹ Облучѡк — мѣсто, на которѡм сидѣт кѣчер.

Рыбáк коричневым, как сук, пáльцем набивáл трúбку. Он молчáл, потому́ что не мог дéлать два дéла рáзом: набивáть трúбку и разговáривать. Наконéц трúбка разгорéлась, рыбáк затынúлся, окíнул мéдленным взглáдом приéзжего, слóвно оцéнивая егó силы, и произнёс:

— Не пойдёт! Нет дорóги. Ни пешкóм, ни на лóдке. Нáдо ждать, пока́ стáнет лёд.

— Вы говорíte: «Ни пешкóм, ни на лóдке». А ёсли и пешкóм и на лóдке? Идтí по льду, а лóдку толкáть перед собóй? — жíво подхватíл Владíмир Ильíч.

— Не пойдёт, — упрýмо повторíл рыбáк. — Лёд не вýдержит челovéка. Лóдка не пробьётся сквозь густóй лёд.

Утром Владíмир Ильíч поднялся вмéсте с хозяíном. Умы́вшись, он с́разу сел за стол у окнá и развернúл тетрáдь.

Из мáленького окóнца бýли видны́ невысо́кие грáды скали́стых островóв, порóсших рéдкими деревья́ми. Какáя сíла удéрживала деревья́ на го́лых и глáдких скáлах? Семенá их находíли присы́панные землёй щербíнки, ко́рни нащúпывали трéщинки, росли́ и крéпли, вгрызáясь в гранít. Тепéрь ужé ника́кие штóрмы не могли́ свалítь éти деревья́.

Бéргман из кúхни поглáдывал в приоткры́тую дверь спáльни и, вспомиnáя словá Кáрлсона, думáл: «Неужéли éто и есть сáмый сýльный враг царя́? А с вíду — обыкновéнный челovéк. Вот он сидít у столá, опу́стив лéвое плечó, чуть склонíв náбок большúю

голову, и быстро-быстро пишет, не обращая внимания ни на вой ветра, ни на рокот волн. Потом просматривает какие-то таблицы, греет руки под мышками и снова пишет».

Семья садится завтракать. Хозяйка ставит на стол медный кофейник, снимает с шести круглые хлебы.

— Пожалуйста, к столу, — приглашает хозяин.

Владимир Ильич выходит в кухню, приветливо улыбается, и вот он уже полон доброжелательного внимания и интереса к жизни этой семьи, их заботам. Он спрашивает, как Бергман умудряется сеять на скалах, какие культуры выращивает, интересуется уловом рыбы, даже молчаливую хозяйку вовлекает в разговор.

*

Несколько дней Владимир Ильич живёт у Бергмана. А медлить нельзя — его ждут большие, неотложные дела. Во что бы то ни стало надо скорее попасть в Стокгольм и затем в Швейцарию, чтобы оттуда наладить связь с рабочими России, с партией и готовиться к будущим революционным боям.

Прошло ещё два томительных дня.

Утром, после обычного вопроса «как лёд?», Бергман ответил:

— Лёд ещё не стал. Ветер не переменялся. Раньше нового года отсюда не выбраться. На следующей неделе начинаются рождественские праздники¹, а кто в праздники отправляется в путешествие?

¹ Зимние церковные праздники в дореволюционной России.

— Нет, — твёрдо сказа́л Влади́мир Ильи́ч. — Мне на́до быть в Стокго́льме до рождё́ственских пра́здников. За́втра мы долж́ны вы́ехать. За́втра!

Рыба́к молча́л, продолжа́я занима́ться свои́ми дела́ми.

Но по́сле обе́да он вы́ташил из-под навёса не-
большу́ю плоскодо́нную ло́дку и на́чал её осна-
ща́ть: впе́реді уклю́чин приби́л про́чные сто́йки высо-
то́й в полме́тра, а на них, попе́рёк ло́дки, прикрепи́л
шест.

Ве́чером Бе́ргман сообщи́л, что к отъё́зду всё
гото́во. Отправля́ться на́до до рассвёта, что́бы в тем-
ноте́ миновáть¹ населённые места́ и во́время добра́ть-
ся до водяно́й доро́ги, проло́женной ледоко́лом. Он
неодобри́тельно посмотре́л на хро́мовые сапоги́² го́стя
и по́сле обе́да куда́-то ушёл. Верну́лся с огро́мными
рыба́цкими сапога́ми.

До конца́ но́чи остава́лось ме́нее двух часо́в.
Хозя́йка пода́ла на стол жа́реную ры́бу, хлеб,
кофе.

Влади́мир Ильи́ч отхлебну́л не́сколько глотко́в и
подойдя́ к хозя́йке, кре́пко пожа́л ей ру́ку:

— Большо́е спáсибо! Большо́е спáсибо за всё!

Скупáя, как зима́нее се́верное со́лнце, улы́бка освe-
ти́ла лицó же́нщины.

¹ Миновáть — здесь: прое́хать.

² Хро́мовые сапоги́ — сапоги́, сде́ланные из мя́гкой то́нкой ко́-
жи (хро́ма).

С моря доносились тревожные гудки парохóдов. Лунá, выбира́ясь из тумáна, освещáла тёмную по-вёрхность Ботни́ческого зали́ва.

Держáсь с обéих сторо́н за шест, пúтники двíгали лóдку вперёд. Она́ громыхáла деревя́нным днищем по нерóвной повёрхности льда, нóги спотыкáлись о замёрзшие кóмья снéга. Влади́мир Ильи́ч пра́вой руко́й держáлся за шест, а в ле́вой нёс рыба́цкий фона́рь.

Бе́ргман вёл ка́ким-то хи́трый, изви́стым, одно-му́ ему́ извёстным путём. Ка́ждые пятьдесят — сто шаго́в он останáвливался, брал из лóдки багóр с о́стрым наконéчником и си́льным движе́нием с воз-гласом «я-гха!» вбивáл его́ впереди́ лóдки, проверя́я, наско́лько прóчен лёд.

Се́верный ве́тер уси́ливался, стегáл по воспали́-ным ли́цам, ми́мо фона́ря проноси́лись густы́е ко́смы игóльчатого снéга.

Прошли́ не бо́льше двух киломе́тров, а уже́ уста́-ли, пот залива́л глаза́.

Наме́тился му́тный рассвёт, се́рый и немо́щный¹. Каза́лось, он никогда́ не преврати́тся в бе́лый день.

Ледяны́е простра́нства ме́жду остро́вами стано-ви́лись всё ши́ре. Перед одни́м остро́вком была́ огро́мная полы́нья². Пúтники в пе́рвый раз забра́лись в лóдку и в не́сколько взма́хов вёсел подвели́ её к

¹ Не́мо щный — сла́бый.

² По́лы нья — незаме́рзший уча́сток повёрхности моря, реки.

ледяной кромке. Потом волоком перетащили лодку через островок.

— Теперь надо перебраться на тот остров. — Бёргман показal рукавицей прямо перед собой.

Впередí виднелись ледяные торосы, запорошённые снегом.

Держась за шест, который вырывался из руки, стараясь согласовывать свои движения с Бёргманом, Влади́мир Ильи́ч всматривался в даль.

— Много ли мы прошли? — спросил он.

— Самое длинное — позади, самое трудное — впередí, — загадочно отвéтил Бёргман.

Он всё чаще останавливался, произнося своё «я-гха». Оно звучало то как тревога, то как вопрос, а то и как яростное ругательство.

На большой плоской льдине Влади́мир Ильи́ч хотел перевести дыхание, расправит ру́ки и но́ги. Но не успел он сделать и двух шагов, как льдина накрепчилась и левая нога скользнула в воду.

Влади́мир Ильи́ч ещё крепче ухватился за шест и широко занёс правую ногу, чтобы опереться ёю на ребро прозрачной льдины, выпиравшей из-под снега. Но едва он ступил на неё, ледяная глыба нырнула, вода залила сапог, шест затрещал...

Льдины, зловеще шурша, стали расходиться в разные стороны, лёд уходил из-под ног: велика́ была́ опасность!

Влади́мир Ильи́ч взглянул на своего спутника: лицо Бёргмана потемнело, глаза округлились; гулко ухая, он проваливался по пояс в воду.

— В лóдку! Скорée в лóдку!

Кто сказа́л э́то? Мо́жет быть, Бе́ргману почу́дилось?

Бы́стро перехва́тывая рука́ми шест, оба прибли́зились к лóдке. Шест гну́лся и скрипéл. Спу́тники схватили́сь за уклю́чины и рывко́м, однове́менно с обе́их сторо́н, перебро́сились в лóдку.

Влади́мир Ильи́ч почувствовал внеза́пный озно́б. Не в си́лах сдержáть дробно́го сту́ка зубо́в, он неожида́нно грóмко рассмея́лся:

— А вода́ дово́льно прохла́дная...

Бе́ргман трясу́щимися рука́ми разверну́л большо́й тук во́йлока. Он вы́нул оттуда́ сапоги́ Влади́мира Ильича́. Сапоги́ бу́дто сняли с пéчки — они́ бы́ли со-всём тёплые, а внутри́ лежа́ли шерстяны́е носки́, за-су́нутые туда́ заботливой хозяйко́й. Рыба́к пойма́л весёлый благода́рный взгляд своего́ спу́тника и отвёл глаза́ в сто́рону.

Держá в руках носки́, Влади́мир Ильи́ч спроси́л, не промо́к ли Бе́ргман. Нет, не промо́к. На нём был брезéнтовый комбинезо́н с прита́ченными сапога́ми. Влади́мир Ильи́ч смени́л носки́ и сапоги́ и стал де́лать энерги́чные движе́ния рука́ми, что́бы согреться.

Бе́ргман тем вре́менем извлёк из во́йлока фла́гу и осторо́жно открути́л кры́шку. Из посу́дины пова́лил пар горя́чего ко́фе.

— Чуде́сно! — с восхище́нием сказа́л Влади́мир Ильи́ч, отпивáя из кру́жки горя́чий напíток.

Подкрепи́вшись, двину́лись в путь. Добра́лись до ледяно́й кро́мки и сно́ва потащи́ли лóдку.

Теперь уже не более полукилометра отделяло путников от острова Нагу, у которого проходила водяная дорога. Там нужно было дожидаться шведского парохода, идущего из Або в Стокгольм.

Эти сотни метров, казалось, были самыми трудными.

Но вот блеснула узкая лента воды, проложенная ледоколом. Ещё немного усилий, и оба путника, забравшись в лодку, стали ждать пароход.

Бергман отбил стойки от бортов. Больше они не нужны. Лодку он оставит у знакомого рыбака, а сам вернётся домой на пароходе.

Туман рассеивался. Ледяные просторы из серых стали зеленовато-голубыми. Наступил день.

Сидя в лодке, Владимир Ильич и Бергман смотрели на северо-восток, откуда должен был прийти пароход.

И вот над высоким островом показался движущийся султан серого дыма. Пароход! Он казался огромным на узкой водяной дороге. Путники энергично замахали шарфами... Их заметили.

С борта спускали шлюпку с матросом.

Владимир Ильич обеими руками сжал руку Бергмана, потом привлёк его к себе и обнял за плечи.

— Счастливого пути! Счастливого пути! — тихо повторял Бергман.

Мочёные яблоки

Гудит по лесу ветер, гнёт высокие сосны, силится сломить их. Пружинят золотистые стволы, не поддаются ветру.

Низко над лесом несутся тёмные облака.

Настя идёт против ветра. Руки засунуты в рукава. Вздвигает под ногами снег. Гулко и тревожно бьётся сердце.

На вид Нáсте лет пятнáдцать: мáленькая и лёгкая, тогó и глядí, вéтер унесёт. Кóльца волóс над больш́ими встревóженными глазáми и платóк вокрúг лицá опуш́ились íнеем. Дл́инная юбка хлéшет по ногáм. Корóткий мáтерин жакёт не придаёт соли́дности. Девчóнка, как есть девчóнка. Сегóдня у Финля́ндско-го вокзáла остано́вил её како́й-то дед: «Скажи́, де-вочка, как мне добра́ться до Нёвского проспéкта?» Нáстя объясня́ла совсём по-взрóслому, а старíк на прощáние сказа́л: «Дай бог тебе́ здоро́вья, де́вочка», — так и не призна́л за взрóслую.

Нáстя шага́ет по пло́хо укáтанной, засне́женной доро́ге и про себя́ отмеча́ет: вот забóр с на́дписью «Во дворе́ злáя соба́ка». И впрямь, к забóру кíнулся огро́мный пéгий пёс.

На всякий слúчай Нáстя перешлá на друго́ю сто́рону.

Миха́йл Степа́нович говори́л, что потóм должнá быть кра́сная дáча в два окнá на úлицу, а там неда-леко́ и до дáчи «Вáза».

Навстрéчу мч́ится парни́шка на фи́нских саня́х. Одно́й ного́й бежи́т по доро́ге, друго́й стои́т на дл́инном по́лозе саней. Смешно́. Кивну́л ей голово́й, бúдто знако́мой.

Вот показáлась острове́рхая крýша двухэта́жной дáчи с разноцвётными стёклышками на верáнде. Вокрúг дáчи мохна́тые ёли. Это и есть «Вáза». Де́вушка оглянúлась. Нака́з ей дан строжа́йший: зайти́ в дом никéм не замéченной, не приве́сти, чего́ до́брого, за собо́й шпика́. На úлице ни душ́и, то́лько вéтер но́сится

и ревёт как оглашённый¹. Хотела уже свернуть на тропинку, как послышался грозный окрик:

— Эй, поберегись!

Настя вздрогнула и заматалась по дороге, побежала назад, словно и не собиралась сворачивать на тропинку, оступилась на обочине² и увязла в снегу по колёно. Мимо проехали сани, и на девушку глянули из-под башлыка³ недружелюбные глаза. Сердито топорились заиндеветшие усы.

«Откуда он взялся? Какой сердитый! Уж не шпик ли?» Настя долго следила за санями, и чем дальше они удалялись, тем спокойнее становилось на сердце.

Теперь можно повернуть к даче. Сделала два шага и видит: из калитки вышли двое — мужчина и женщина. Женщина в белых валенках впереди, мужчина в чёрных валенках сзади. Рванул вихрь, женщина отвернула лицо в сторону, мужчина подошёл к ней, заботливо поднял воротник её пальто, взял под руку, и они пошли прямо по снежной целине в лес. Настя пригнулась и сделала вид, что зашнуровывает ботинок. Выждала, пока они скрылись в лесу, осмотрелась вокруг и побежала к калитке, потом — через двор. Дощатая дверь с широкой щелью во всю длину легко открылась. В сенях вторая дверь, обитая войлоком. Постучала в планку, ответа нет. Дёрнула за ручку — дверь заперта. «Значит, это они вышли по-

¹ О г л а ш ё н н ы й — здесь: сумасшедший.

² О б о ч и н а — край дороги.

³ Б а ш л ы к — тёплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки.

гулять. Боялась опоздать, приехала раньше, вот теперь и жди».

Настя стояла, переминаясь с ноги на ногу. Звякнуло кольцо на калитке. «Вернулись!» И Настя стала вспоминать, что сказать. «Не надо ли вам мочёных яблок? Не надо ли вам мочёных яблок?» — твердила она шёпотом пароль и отвечала себе: «Если недорого, возьмём фунта два».

Девушка прильнула¹ к щели в двери и тотчас отпрянула²: по расчищенной дорожке, между высоких снеговых стен, шёл высокий человек с заиндевевшими усами, в башлыке.

«Тот самый... Сердитый... Высмотрел... Вернулся...» Настя кинулась подальше от двери, натолкнулась на большой ларь³. Приподняла крышку — на дне несколько поленьев. Подумать не успела: некогда было. Прыгнула в ларь и осторожно опустила над собой крышку. Хотела устроиться поудобнее, но сердитый уже вошёл в сени. Настя сжалась в комок, ей сразу стало жарко. Человек постучал в дверь и стал ходить по сеням взад-вперёд, взад-вперёд, потом подошёл к ларю и остановился. Настя замерла: «Сейчас откроет... Выскочу и выцарапаю проклятому глаза! Самá привела, самá с ним и расправлюсь». Крышка ларя затрещала. Настя зажмурилась. Нет, не открыл, а просто уселся на ларё. Стучит ногой об ногу: наверно, ему тоже холодно. Ну и пусть, хоть бы

¹ Прильнуть — плотно прижаться.

² Отпрянуть — отскочить, отпрыгнуть.

³ Ларь — деревянный ящик для хранения вещей.

совсѣм закоченѣл! «Дура, дурѣха, — думала горестно Нѣстя, — ни рѣстом, ни умѣм не вышла. Вот и сиди тепѣрь, как разнесчѣстная мышь в мышелѣвке. Вот тебѣ и первое партійное поручѣние...»

Клѣнит в сон. Нет, спать нельзя, соображать надо, как усѣтого выпроводить. «Закричу. Он испугается и соскочит с ларя. Я открою крышку и побегу. Схватить не успеет, а как опомнится, я буду бѣжать в другую сторону от лѣса. Догонит? Пусть, а беду от этого дома я отведу».

Нѣстя набрала вѣздуху, чтобы крик получился погромче, пострашнѣе, но в это время в сенях заговорили.

— Здравствуйте, Надѣжда Константиновна! Дѣбрый день, Владѣмир Ильич!

Владѣмир Ильич? Лѣнин? Да не ослышалась ли Нѣстя? Так, значит, и человек на ларѣ не шпик, а свой!..

— Вы нас долго ждете? — спросила Надѣжда Константиновна.

— Минут двадцать. Привѣз вам почту.

— Вот хорошо, что мы раньше вернулись, а то вы совсѣм замѣрзли бы...

Это гѣлос Владѣмира Ильича.

Это он, он! Вот кого могла бы она погубить, вот почему так строго предупреждал Михайл Степанович об осторожности!

— Заходите обогрѣться. — Это опять Владѣмир Ильич.

— Нет, нет, я спешу. Вѣзле вѣшего дома болта-

лась какая-то подозрительная девчонка. Мне пришлось проехать до конца посёлка, я там оставил лошадь. Благополучно оставаться!

— Спасибо, до свидания!

В замочной скважине заскрежетал ключ. Настя собралась с силами:

— Мочёные яблоки... Не нужно ли вам яблок... мочёных?.. — Прозвучало это и глухо и жалостливо.

В следующий миг открылась крышка, и над девушкой склонилось встревоженное лицо Владимира Ильича. Прищуренные глаза всматривались в ларь.

— Владимир Ильич... Мочёные яблоки... — всхлипнула Настя.

— Надюша, поддержи-ка почту. — Владимир Ильич подхватил девушку на руки и вынул из ларя. — Не плачьте, пожалуйста, не плачьте! И мочёные яблоки мы возьмём — фунта два, если недорого. Боюсь, что это слишком дорого вам обошлось.

Надежда Константиновна спешила открыть дверь.

Владимир Ильич внёс девушку в комнату, усадил на диван, осмотрел её руки.

— Ай-яй-яй, мочёные яблоки стали совсем мороженые!

— Я сейчас вскипачу чай. — И Надежда Константиновна, как была, в пальто и шапке, стала разжигать примус. Вскоре под чайником задрожала синяя астра огня.

Надежда Константиновна быстро сняла пальто,

переобулась, поставила вáленки на пéчку и принялась разувáть дéвушку.

Владíмир Ильíч вынул из карма́на ва́режку и стал растира́ть На́стины ру́ки.

На́стя не могла́ говорить, и её ни о чём не спрашивали. А слёзы, протíвные, са́ми катíлись по щека́м, и не сто́лько от бо́ли, ско́лько от доса́ды и стыда́.

Наде́жда Константи́новна посмотре́ла На́стины но́ги и покача́ла голово́й.

— Ещё бы немно́го и бы́ло бы совсе́м ху́до, но, ка́жется, отде́лались сча́стливо.

Па́льцы на рука́х пока́лывало горя́чими иго́лками, а мизíнец распу́х и бо́лел.

Владíмир Ильíч встал:

— Уфф! Тепе́рь объясните, пожа́луйста, для чего́ вам потре́бовалось забира́ться в ла́рь?

На́стя рассказа́ла. Владíмир Ильíч смея́лся до слёз, и На́стя смея́лась.

— А наш вели́кий конспира́тор¹ вас перепуга́лся. Кака́я-то, говори́т, подозри́тельная ли́чность ходи́ла перед да́чей, — сквозь смех говори́л Владíмир Ильíч.

«И во́все не ли́чность, а девчо́нка, и глу́пая при-то́м», — ду́мала На́стя.

— А ско́лько вам лет? — поинтере́совале́сь Владíмир Ильíч, гля́нув на распу́хшее от слёз и хо́лода ли́цо дéвушки.

¹ Конспира́тор — челове́к, стро́го соблюда́ющий како́ю-нибудь та́йну.

— Восемна́дцатый, — не совсѣм увѣренно отвѣтила Нѣстя и покраснѣла.

— Я так и думал.

И Нѣстя не могла́ понять, что хотѣл сказа́ть э́тим Влади́мир Ильи́ч.

— Так вы приѣхали за моёй ста́тьей в «Пролета́рий»? Я так по́нял?

— Да, да, Михаи́л Степа́нович велѣл её доста́вить к ве́черу, и я должна́ немедленнó ѣхать. Я уже́ могу́...

— А ста́тья-то у меня́ ещё не гото́ва, да-с, не гото́ва, — сказа́л виноваты́м го́лосом Влади́мир Ильи́ч. — Мне пона́добится ещё часа́ два-три, не меньше. Как ты думаешь, Надю́ша?

Наде́жда Константи́новна взгляну́ла на пунцо́вые но́ги де́вушки и сказа́ла:

— Да, я думаю́, часа́ три.

— Как же не гото́ва? — недове́рчиво спроси́ла Нѣстя. — Михаи́л Степа́нович сказа́л, что должна́ быть гото́ва.

— Непредви́денные обстоя́тельства, — пожа́л плеча́ми Влади́мир Ильи́ч. — За́мешкался...¹ Прогуля́л... Пока́ я зако́нчу, вы мо́жете поспáть. Вам архинеобхо́димо² вздремну́ть. Как то́лько я справлю́сь, мы вас разбу́дим.

Нѣстя се́ла пить чай с Наде́ждой Константи́нов-

¹ За́мешкаться — задержа́ться, запозда́ть, промѣдлить.

² Архинеобхо́димо; а́рхи — приставка. Обознача́ет вы́шую ме́ру призна́ка: очень, кра́йне необходимо́.

ной. Влади́мир Ильи́ч устро́ился в сосе́дней ко́мнате писа́ть.

«Зна́чит, и впра́вду не зако́нчил», — поду́мала На́стя.

Её отта́явшие во́лосы завива́лись ко́льцами на лбу, шпи́льки из пучка́ вы́пали, и две коро́тенькие ко́сы болта́лись по плеча́м.

А пото́м На́стя покóрно положи́ла го́лову на поду́шку, подсу́нутую ей Наде́ждой Константи́новной, с наслажде́нием вы́тянула но́ги под тёплым одея́лом и не по́мнила, как засну́ла.

Разбуды́л её Влади́мир Ильи́ч:

— Вам пора́ е́хать. Если то́лько но́ги не бо́лят.

— Нет, нет, — вскочы́ла На́стя.

— И, кста́ти, — продолжа́л Влади́мир Ильи́ч, — я не то́лько э́ту статью зако́нчил, но и написа́л второ́ую, ве́сьма́ и ве́сьма́ ну́жную.

На́стя шла по у́лице. Ве́тер дул ей в спи́ну и сло́вно подгона́л её. Бе́лые и такие тёплые ва́ленки похру́стывали по́ снегу. Па́льцы в тех са́мых ва́режках, кото́рыми ей растира́л ру́ки Влади́мир Ильи́ч, чуть пощы́пывало, но не от хо́лода, а от тепла́. Вот то́лько бо́лел забинто́ванный мизи́нец на пра́вой руке́.

За забо́ром ла́ет пе́гая соба́ка, гро́мко ла́ет, но не стра́шно.

— Вы, де́вушка, не бо́йтесь, она́ не куса́ется! — кричи́т ей кто́-то из-за забо́ра.

— А я и не бою́сь, — отвеча́ет На́стя.

Ей не страшно. Вот идёт мужчина с сундучком железнорóжника в руках. «Навёрно, со смéны идёт. Ну и пускай себе идёт. Он по своим делáм, я по своим. Не все же шпикí на свéте, хороших людéй кудá бóльше».

Под сукóнным жакéтом на грудí у Нáсти прижáты две статьи Ильичá для большевíстской газéты «Пролетáрий».

3. Воскресéнская

Большое и малое

Однажды группа московских пионéров пришлá в Музéй Революции. Бýло éто úтром. Ребýта — онé учéлись во вторóй смéне — дóлго ходéли по гýлким, пустýнным в такóе рáнное врéмя зáлам, рассмáтривали картéны, стáтуи, докумéнты.

Экскурсовóд подвёл их к портрétам стáрых большевикóв.

— Вот éто — Григорéй Ивáнович Петрóвский,

боевой соратник Лёнина, — сказал экскурсовод, под-
няв указку к пожелтевшей фотографии.

Со снимка пристально глядел на пионеров про-
стой парень, по виду рабочий, с зачёсанными наверх
волосами и густыми усами.

Экскурсовод оглянулся и, заметив, что в зал во-
шёл невысокий седой мужчина в синем костюме,
улыбаясь, шёпотом сказал:

— А это — заместитель директора нашего му-
зея...

Пионеры удивились: почему экскурсовод ни с
того ни с сего вдруг заговорил о нём?

Но тут же всё разъяснилось.

— Его зовут Григорий Иванович Петровский, —
также шёпотом добавил экскурсовод.

Ребята даже растерялись. Им казалось — всё, о
чём рассказывает экскурсовод, было давным-давно.
Ведь со времени первой русской революции прошло
уже больше пятидесяти лет! А Петровский стал рево-
люционером ещё задолго до того, ещё в прошлом
веке! И вдруг — вот он!..

— Тот самый? — недоверчиво воскликнула Катя
Свиридова, маленькая девочка с косичками, уложен-
ными крендельками.

— Тот самый, — подтвердил экскурсовод.

Ребята во все глаза смотрели то на пожилого
мужчину, стоящего в зале, то на его фотографию на
стенё.

Григорию Ивановичу уже, вероятно, лет восемь-
десять; волосы у него седые, маленькая острая борода-

ка и усы — тоже седые. Нет, на портрете он совсем не такой! И только глаза за толстыми стёклами очков поблёскивают по-прежнему молодого и пытливого. И усы тоже уцелели, хоть и стали седыми.

— А нельзя ли... — торопливо спросила Катя Свиридова, — нельзя ли нам поговорить с... — она от волнения, очевидно, забыла имя и, совсем смутившись, быстро закончила: — с товарищем Петровским...

— Вот уж не знаю... — замаялся¹ экскурсовод.

— С товарищем Петровским? Отчего же нельзя? — раздался мужской голос. Это был сам Петровский. Он, улыбаясь, разглядывал пионеров.

Вскоре ребята сидели на широком кожаном диване и в глубоких кожаных креслах. Кабинет Григория Ивановича был большой, но ребят было ещё больше. Поэтому в каждое кресло сели по двое. А на диване уместилось сразу двенадцать пионеров.

Григорий Иванович сказал секретарю, что он занят, пусть к нему никто не входит. Он долго беседовал с ребятами. Рассказал о своём друге — известном революционере Бабушкине, о встречах с Лениным...

— Ещё что-нибудь, — попросила Катя.

— Ну, слушайте. — Григорий Иванович задумался. — Было это в самом начале 1913 года. Я в то время был депутатом от рабочих в Государственной думе. Во всей этой царской Думе нас — большевиков — было всего шесть человек.

¹ Замаяться; маяться — испытывать нерешительность, смущение.

Однóй из глáвных нáших задáч было помогáть гáзете «Прáвда». И вот однáжды, зимóй, Лéнин вýзвал нас — всю большевístскую фрáкцию¹ Дúмы, — а тáкже руководящих рабóтников «Прáвды» в Крáков, на совеща́ние.

Лéнин тогдá в Крáкове жил. Да и совеща́ться там было удо́бнее: вдáли от ца́рских сы́щиков и жан-да́рмов.

Приéхали мы в Крáков. Идём по úзким úлочкам, у прохо́жих спра́шиваем дорóгу.

Лéнин встрéтил нас у подъёзда: навéрное, из окнá уви́дел. Очень обра́довался. Он всегда ра́довался товáрищам из Росси́и.

Вошли́. Квартíрка ма́ленькая, неказíстая². И ме́бель óчень простáя, ста́ренькая. Но мы не удивíлись: знáли, что Лéнин скрóмно живёт и в деньгáх óчень нуждáется. Надéжда Константи́новна Кру́пская по-каза́ла нам, где раздева́ться. Сняли мы пальто́.

«Ого́, — улыба́ясь, говори́т Лéнин. — Каки́е фрáнты³ пожа́ловали!»

Мы смути́лись. Приéхали мы, рабóчие-депутáты, в чёрных, хорошо́ сши́тых костю́мах, в туги́х накрахма́ленных бе́лых мани́шках⁴. В Дúме нам приходи́лось фасóн держа́ть! Хо́чешь не хо́чешь — напáйливай⁵ мани́шку!

¹ Фрáкция — организо́ванная гру́ппа чле́нов ка́кой-нибудь па́ртии.

² Неказíстый — некраси́вый, невзра́чный.

³ Фра́нт — нарядно, мо́дно одéтый челове́к.

⁴ Мани́шка — нагрудник из бе́лой тка́ни, пришíтый и́ли пристёгиваемый к сорóчке.

⁵ Напáйливать (разговóрное) — надева́ть.

А Лёнин рядом стоит в понюшенном пиджачкѣ. Рукава́ на локтя́х блестя́т. Под пиджако́м — синяя са-ти́новая косоворо́тка. И Кру́пская — в про́стеньком, гла́дком пла́тье.

Уви́дел Лёнин, что мы смути́лись, засмея́лся и го-ворит:

«Да я не в укор! Молодцы́! Так и на́до!..»

Прошли́ мы в столо́вую. Эта ко́мната то́лько назы-ва́лась столо́вой. На са́мом де́ле там повсю́ду лежа́ли кнѣ́ги, бума́ги: тут Лёнин и рабо́тал. Чу́вствую я — холодно́вато в э́той столо́вой. В сосѣ́дней ко́мнате — ещё подхо́дящая темпе́ратура. А здесь пра́мо-таки мура́шки по ко́же бе́гают.

«Неужѣ́ли у Лёнина де́нег на дрова́ нет? — ду-маю. — Ведь он тут це́лые дни сидѣ́т, просты́нет...»

Шепну́л я об э́том Бада́еву — това́рищу моему́, то́же депута́ту. Тот у Наде́жды Константи́новны бу́д-то бы ме́жду про́чим насче́т дров осве́домился.

«До тако́го мы ещё не дожи́ли! — засмея́лась На-де́жда Константи́новна. — Дрова́ есть. То́лько Влади́мир Ильи́ч не лю́бит, когда́ си́льно нато́плено. На хо-лодкѣ́, говори́т, лу́чше рабо́тается...»

Вскóре должнó́ бы́ло нача́ться совеща́ние. Лёнин не любѣ́л зря теря́ть вре́мя. Да и нам то́же бы́ло не-когда́.

На́до бы́ло обсу́дить, как нала́дить рабо́ту «Пра́в-ды», где доста́ть де́ньги на опла́ту типогра́фских расхо́дов и поку́пку бума́ги, как увели́чить число́ под-пи́счиков... Ну, и други́е вопро́сы.

На пе́рвом же заседа́нии Лёнин нам предло́жил:

«Столу́йтесь¹ у нас. Что вам вре́мя зря трати́ть: на о́бед куда́-то е́здить».

Наде́жда Константи́новна — она́ протоко́л велá — отложи́ла перо́ и то́же говори́т: «В са́мом де́ле, столу́йтесь у нас!»

Мы не зна́ем, что и де́лать. Вообще́-то, коне́чно, э́то о́чень удо́бно для нас. И хо́чется нам побольше́ с Ильичём побы́ть, погово́рить обо всём. Но, с друго́й сторо́ны, чу́ствуем, что ли́шней копе́йки в до́ме нет. А тут — така́я свóра нахле́бников!..

Бада́ев пе́рвый нашёлся: «Спаси́бо, — говори́т. — С удо́вольствием принима́ем ва́ше приглаше́ние...» А сам мне подми́гивает: «Не беспоко́йся, мол. Всё бу́дет в поря́дке».

В перерыве подхо́дит он ко мне и шёпчет: «Ско́лько у тебя́ де́нег с собо́й? Всё выкла́дывай! То́лько на о́братный биле́т оста́вь...»

Я, поня́тно, вы́ложил. И други́е — то́же. А Бада́ев все э́ти де́ньги Кру́пской переда́л. С трудо́м, но всё же уговари́л её взять: ина́че, заяви́л, мы вы́нуждены́ бу́дем о́бедать в рестора́не. Хоть и накла́днее², а приде́тся...

И вот, сиди́м мы у Ле́нина за столóм, о́бедаем, и о́чень дово́льны, что так благополóчно ко́нчилось э́то щекотли́вое де́ло³.

И то́лько одно́й «ме́лочи» мы не учли́. Из-за э́той-то «ме́лочи» и пришло́сь нам пото́м красне́ть.

¹ Сто́ловаться — пита́ться.

² Накла́дно. — до́рого, невы́годно.

³ Щекотли́вое де́ло — де́ло, тре́бующее о́собого подхо́да, та́кта

Так вот... Я не стану подробно рассказывать о самом совещании. Скажу только, что прошло оно быстро и организовано. Ленин не терпел болтунов. Всю жизнь. Многие из старых большевиков помнят, что даже на заседаниях Совнаркома выступавшим в прениях полагалось всего три минуты. Как хочешь, так и укладывайся. А если кто «разговорится», Ленин сразу на часы показывает: мол, ваше время истекло...

...Прошло несколько дней. Совещание наше кончилось.

Был уже поздний вечер. Сидим мы в «столовой», беседуем. Завтра утром — уезжать.

Вышел я в коридор, мимоходом случайно заглянул в кухню. Дверь туда была приоткрыта, вижу: Надежда Константиновна в переднике, закатав рукава, стоит у плиты и тряпкой с песком чистит кастрюлю.

Вот так так! Стою не шевелясь. А Надежда Константиновна меня не замечает, кончила кастрюлю надраивать, отставила в сторону и за другую, медную, посудину принялась.

Стою я и чувствую — краснею.

«Простофили¹ мы, — думаю. — Дали деньги и решили — всё в порядке. Совсем забыли, что у Надежды Константиновны прислуги в доме нет. Всё сама делает. И теперь, значит, она днём вместе с нами заседает, выступает, протокол ведёт, а вечером для наших милостей кастрюли чистит...»

¹ Простофиля — глупый, несообразительный человек.

Сты́дно мне ста́ло. И за мани́шку свою́ крахма́льную сты́дно, и за хоро́ший костю́м сты́дно.

«Выхо́дит, — ду́маю, — пона́ехали «фра́нты», а Наде́жда Константи́новна нас должна́ обслуживать. Позо́р!»

Подошёл я к Бада́еву. Он в это вре́мя с Ле́ниным и други́ми това́рищами в столо́вой бесе́довал. Отозва́л я его́ в сторо́нку, рассказа́л, как Кру́пская кастрю́ли чи́стит.

Бада́ев то́же смути́лся.

«Я, — говори́т, — ещё́ вчера́ это заме́тил. И не то́лько это...»

И расска́зывает мне, что вчера́ он ви́дел, как Наде́жда Константи́новна по́сле заседа́ния, когда́ Ле́нин увё́л нас всех на прогу́лку по Кра́кову, мы́ла по́лы в столо́вой и коридо́ре.

«Одно́ к одному́», — поду́мал я.

Посмотре́л на́ пол. Полови́цы ста́рые, рассу́хшиеся, кра́ска с них почти́ слезла. Тако́й пол мыть — одно́ муче́ние.

И предста́вил я себе́, как Наде́жда Константи́новна в своём скро́мном пла́тье, с гла́дко причёсанными волоса́ми, стои́т, согну́вшись в три поги́бели, с ведро́м и тря́пкой, грязь за на́ми смыва́ет.

«Скве́рно», — ду́маю.

А Бада́ев говори́т:

«Зна́ешь что? Помо́жем ей по хозяй́ству. А то, выхо́дит, мы вро́де белоруче́к...»

Это он здо́рово придумал. То́лько чем, как помо́чь?

«Дровѣц наколѣм», — предложѣл Бадѣев.

«В темнотѣ-то?» — говорю я.

«Ну и что? А лампа зачѣм?..»

Скинули мы хомуты наши — манѣшки крахмальные, взяли топор один на двоих и пошли в сарайчик.

Надежда Константиновна не пускает, смеется:

«Да там почти все дрова уже расколоты. Только чуточку осталось...»

Но мы всё равно пошли. Проверим, какой величины эта «чуточка».

В сарае вдоль стены лежала полѣнница дров, но уже расколотых. И лишь в углу — кучка чурбаков. Мы с ними в два счёта расправились. Хотя и немного поработали, а всё-таки на душе поспокойнее стало.

Вернулись в дом.

«А эту полѣнницу вы что — сами кололи?» — спрашивает Бадѣев Крупскую.

«Нет, — говорит. — Это Владимира Ильича работа...»

Легли мы спать. А на завтра чуть свет встали. Пора на вокзал.

На столе уже чай стоит, еда. Значит, опять Надежда Константиновна раньше всех поднялась. Успела уже и завтрак приготовить, пока мы спали.

Поели мы, стали прощаться. Подошёл я к Надежде Константиновне, хочу ей сказать что-то очень хорошее, но... не получается. Только жму ей руку и повторяю:

«Спасибо вам, Надежда Константиновна. Большое спасибо! От всей души спасибо!..»

А сам чувствую в своей ладони её руку, кожа на её руке жёсткая, шершавая и в ссадинках.

Но мне в тот момент казалось, что руки у неё — самые что ни на есть прекрасные: умелые, сильные.

Скажу прямо: с большим уважением смотрел я на эти руки, которые никакой, даже самой чёрной работы не гнушаются¹.

Она, конечно, не понимает, почему я её руку всё не отпускаю и с таким волнением повторяю: «спасибо» да «спасибо».

Улыбается и говорит:

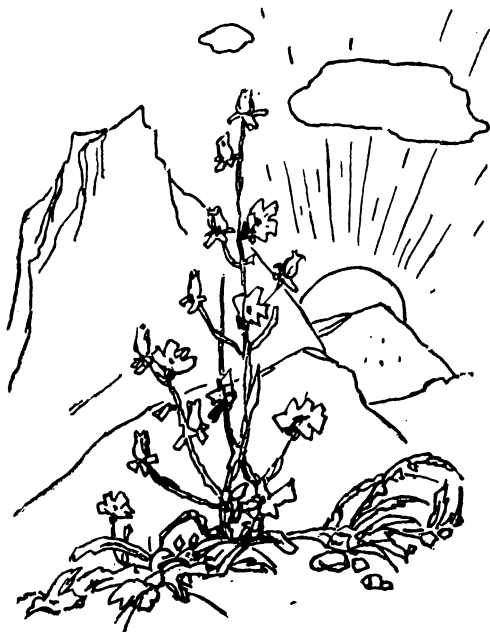
«Да не за что меня благодарить!..»

А я думаю:

«Нет, есть за что...»

¹ Г н у ш а т ь с я — считать для себя унижительным, противным, постыдным.

Борис Раёвский

В горах

Это случилось ещё при царё. Лёнин тогда скрывался от царской полиции и жил за границей, в посёлке Порóнино.

Посёлок Лёнину нравился. Он был окружён высокими, красивыми горами, а Лёнин всегда любил бродить по горам.

И вот однажды Лёнин решил отправиться в горы.

Об этом узнал один польский революционер и сказал Ленину:

— Позвольте мне сопровождать вас, Владимир Ильич. В этих горах я бывал не раз и знаю здесь все тропки и дорожки.

Ленин обрадовался, что у него будет такой хороший спутник. А польский революционер — его звали Багоцкий — начал рассказывать:

— Здесь есть такая одна вершина... такая вершина... Вот бы нам туда взобраться!

— Чем же хороша эта вершина? — спросил Ленин.

— С неё открывается удивительный вид, ну просто сказочный! Особенно при восходе солнца.

— Решено! — сказал Ленин. — Воскресное утро мы встретим на этой вершине! И увидим восход солнца в горах!

В субботу под вечер Ленин и Багоцкий подошли к подножию горы и начали подъем. Багоцкий сказал:

— На полдороге мы заночуем в туристской хижине. А утром, чуть свет, продолжим своё путешествие.

Поначалу всё было хорошо. Ленин и Багоцкий благополучно добрались до хижины и расположились на ночлѐг.

— В четыре утра начнѐм подъем, — сказал Багоцкий. — Тогда к восходу солнца мы достигнем вершины.

— Только бы не проспáть, — беспокоился Ленин.

— Не проспим, — успокаивал Багоцкий. — Я до-

говорился со сторожем, Он разбудит нас около четырёх часов.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Влади́мир Ильи́ч...

Пёрвым просну́лся Ле́нин. Нея́сный су́меречный рассве́т едва́-едва́ пробива́лся в кро́хотное окóнце хи́жины. За то́нкой перегородко́й слы́шался безмяте́жный храп сто́рожа. Ле́нин взгляну́л на часы и мгнове́нно вскочи́л:

— Проспа́ли! Безобра́зие! Уже́ пяты́й час!

Вскочи́л и Баго́цкий. Руга́я сто́рожа, он поспе́шно натягива́л на себя́ оде́жду.

Подъём нача́лся с опозда́нием. Ночно́й тума́н ещё не рассе́ялся, иди́ти приходи́лось ме́дленно.

Вско́ре Баго́цкий остано́вился и сокруше́нно развёл рука́ми:

— Бою́сь, к восхо́ду не успе́ть. Подвёл нас сто́рож. Все́ из-за него́.

— Не сто́рож, а мы виновáты! — серди́то возра́зил Ле́нин. — Не могли́ са́ми просну́ться во́время! Срам!

— Пусть не сто́рож, пусть са́ми, — гру́стно согла́сился Баго́цкий. — Но восхо́да со́лнца мы сего́дня не уви́дим. Не успе́ем подня́ться...

— А нет ли ино́го пу́ти к э́той верши́не? Поко́роче?

— Есть. Я три́жды ха́живал по нему́, но... вас я не могу́ вести́ по э́тому пу́ти.

— Э́то поче́му же?

— Очень опа́сная доро́га! Там, вблизи́ одно́го пе-

рева́ла, есть тропá... Шагóв три́дцать на́до и́дти по кра́ю про́пасти...

— Но вы́-то, вы́-то ходи́ли по э́той тропе́?

— Ходи́л...

— Тогда́ не бу́дем теря́ть вре́мени. И́дёмте к пе-
рева́лу!

— Нет, я не допу́щу, что́бы вы риско́вали жи́знью!

— Я и сам не ста́ну риско́вать жи́знью по пу́стя-
ка́м. Прóсто мне хо́чется посмотре́ть на э́ту необык-
новённую тропу́.

— Тогда́ — друго́е де́ло, — успоко́ился Баго́ц-
кий. — С удово́льствием покажу́ вам её...

Вскóре о́ни подошли́ к тропе́. Дви́гаться по ней
мо́жно бы́ло то́лько бо́ком, ме́лкими шажка́ми, при-
жима́ясь спиной к отвёсной ска́ле.

— Ви́дите кака́я? Здесь вам не пройти́, — сказа́л
Баго́цкий.

— А вам? Вам пройти́?

Баго́цкому почу́дилось в слова́х Ле́нина недо́ве-
рие.

— А вот смотре́йте, е́сли сомнева́етесь!

Не успе́л Ле́нин поня́ть, что случи́лось, как спут-
ник его́ пусти́лся в опа́сный пу́ть.

Прижа́вшись спиной к ска́ле, поверну́в го́лову,
что́бы не смотре́ть в про́пасть, Баго́цкий е́два заме́т-
ными шажка́ми двину́лся по у́зенькой тропке́.

«Хорошо́, что я отговори́л Влади́мира Ильича́, —
поду́мал Баго́цкий. — Тепе́рь он сам уви́дит, что ему́
не пройти́ здесь...»

Когда́ Баго́цкий миновáл са́мое тру́дное ме́сто, он

облегчённо вздохнул, оглянулся... и от ужаса чуть не свалился в пропасть: вслед за ним по тропинке двигался Лёнин. Он прошёл уже несколько шагов, но вперёд лежал ещё долгий опасный путь.

Вдруг Лёнин остановился и плотнее прижался спиной к скале. От страха у Багоцкого перехватило дыхание. Он понял, что случилось: Лёнин забыл, как рискованно в горах смотреть в пропасть. От этого начинает кружиться голова. И сейчас, заглянув в бездну, Лёнин почувствовал головокружение.

— Назад! Возвращайтесь назад! — кричал Багоцкий.

Но Лёнин не подал и виду, что слышит возглас своего спутника. Он постоял ещё несколько секунд и снова двинулся вперёд. Не спеша, осторожно, шаг за шагом, приближался он к концу тропы.

И вот опасное место осталось позади. А ещё через несколько минут Лёнин стоял уже рядом с Багоцким.

— Теперь мы успеем к восходу? — озабоченно спросил Владимир Ильич.

— Теперь успеем, — заверил Багоцкий. И, глядя с восхищением на Лёнина, добавил: — Когда я впервые прошёл по этой тропе, то от страха больше часа лежал вон под тем кустом.

— Ну, уж это вы оставьте, — усмехнулся Лёнин. — Не для того мы здесь карабкались, чтобы нежиться под кустами. Пошли!

И они двинулись дальше.

Едва ступили они на вершину, как нежные лучи

солнца вдруг разом пронзили предутренний туман, растопили его, и вдали ослепительным блёском засверкали голубые озёра. Снежные шапки гор мгновенно порозовели, на кустах и травах переливчато задрожали росинки, и, точно по команде, дружно, на все голоса запели в листве птицы...

Через час двинулись в обратный путь.

— Теперь спешить некуда, — говорил Багоцкий. — Возвращаться будем безопасной дорогой.

— Что касается меня, — сказал Лёнин, — то я намерен вернуться тем же путём, по той же тропе.

— Влади́мир Ильи́ч! — взмолился Багоцкий. — Теперь-то у нас нет никакой нужды в этом!

— У вас нет, а у меня есть...

— Да какая же, объясните!

— С удовольствием объясню. Только на той стороне.

Сколько ни отговаривал Багоцкий Лёнина — ничего не помогло. Влади́мир Ильи́ч, не сворачивая, шёл по старой дороге.

Вот и тропа над бездной.

— На этот раз первым пойду я, — заявил Лёнин и решительно двинулся вперёд.

Когда Влади́мир Ильи́ч приблизился к самому узкому месту тропы, Багоцкий от страха закрыл глаза. Когда же он вновь открыл их, Лёнин уже благополучно приближался к концу перехода.

— Ваша очередь! — крикнул он Багоцкому.

Переход Багоцкого также закончился благополучно. Влади́мир Ильи́ч пожал ему руку и сказал:

— Благодарю вас за чудёсную прогулку. Всё было прекрасно! Просто очаровательно!

— Теперь-то вы мне скажете, почему решили вернуться этой дорогой? Разве вам не было страшно?

— Я потому и возвращался по этой тропе, что мне было страшно. Только поэтому...

И, видя недоумение Бабоцкого, пояснил:

— Революционер не имеет права позволить страху взять верх над его волей. Нам, батенька, надо воспитывать в себе волю каждодневно, ежечасно... всюду... всегда...

Он помолчал немного, потом нагнулся и сорвал несколько простеньких голубеньких цветочков.

— Это — Надежде Константиновне, — негромко сказал Ленин. — Она любит полевые цветы...

Н. Х о д з а

Встреча

Лéнина в Петрограде ждáли давнó. Но никтó не знал тóчно, когдá он приéдет.

Наступила пáсха. На вторóй день пáсхи молодáя рабóтница швéйной фáбрики Кáтя Трофíмова вýшла из дому пóздно, ужé к вéчеру. И мéдленно пошлá по úлице.

На мостовóй синéли весéнные лúжи. По лúжам носýлись мальчýшки и гоня́ли шестáми голубéй.

Кáтя не спешá дошлá до ближáйшего проулка. И тут вдруг почувствовала — ктó-то схватил её сзáди за рука́в:

— Катю́ша!

Кáтя оберну́лась и уви́дела Натáлью Егóровну, ко́торая рабóтала вме́сте с ней на fáбрике.

— Скорéй бежи́м в комите́т! — сказа́ла Натáлья Егóровна. — К нам Ле́нин е́дет!

Райо́нный комите́т большеви́ко́в помеща́лся в ту по́ру в небольшо́м деревя́нном до́мике; занима́л он всего́ две ко́мнаты.

В пе́рвой ко́мнате сиде́л за сто́лом челове́к в ба́рашковой ша́пке.

Натáлья Егóровна закрича́ла ему́ второпя́х:

— Ну, оповести́л?

Челове́к в ба́рашковой ша́пке отве́тил сердито́:

— Да как же — оповести́шь тут! Сама́ зна́ешь: па́сха. Заво́ды и fáбрики на замке́, по́чта и та не рабóтает. Вот и придума́й, как оповести́ть наро́д...

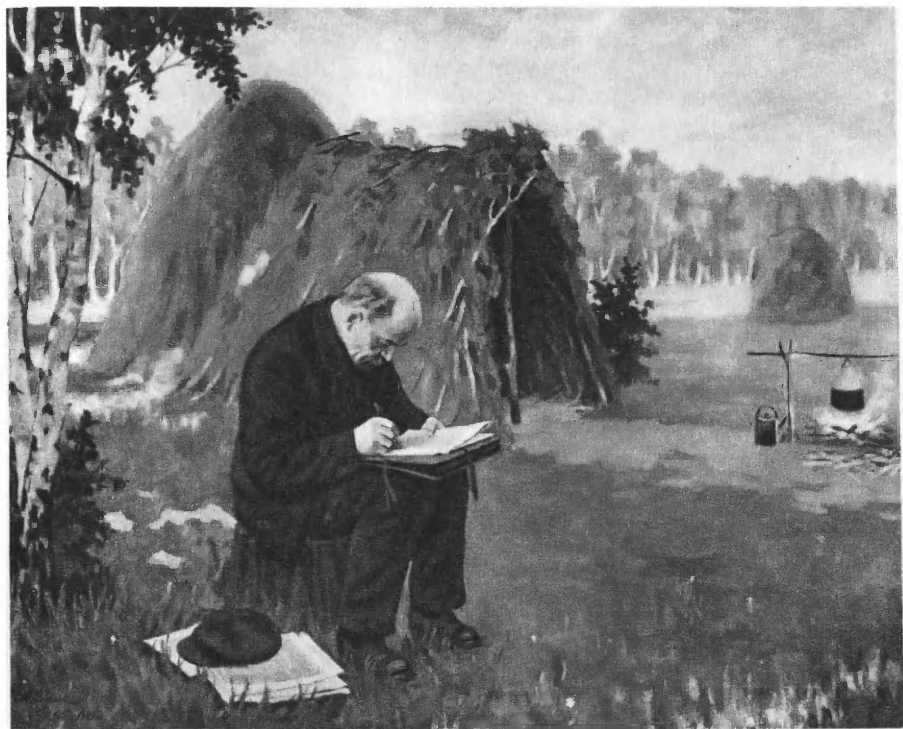
Натáлья Егóровна се́ла у сто́ла и задума́лась. По́том спроси́ла Трофи́мову:

— Кáтя, ты уме́ешь краси́во писа́ть?

Не дожидáясь отве́та, она́ пошла́ в друго́ю ко́мнату и сейча́с же верну́лась оттуда́ с поло́ской краси́вого си́тца.

— Вот тут пиши́, — сказа́ла она́ Кáте. — Пиши́!.. — Она́ подума́ла с мину́ту. — «К нам е́дет Ле́нин. Иде́м встреча́ть!» Все́.

На подокóннике сто́яла жестя́нка с бе́лой краси́кой, лежа́л мел,

М. Соколов. Лénин в подпóлье.

Ка́тя приня́лась выче́рчивать бу́квы ме́лом, стара́ясь, что́бы оні́ вы́шли как мо́жно ровне́е. Егоровна в э́то вре́мя разводила ма́слом кра́ску, иска́ла кисть.

Пото́м вспо́мнила:

— А на чём понесём? На́до ведь шесты́ доста́ть. И бы́стро пошла́ на у́лицу.

По мостово́й всё ещё бе́гали мальчи́шки, свисте́ли, гоня́ли шеста́ми голубе́й. А го́луби лета́ли неохот́но: вече́рело и оні́ норови́ли¹ верну́ться в свои́ голу́бятни. Лу́жи уже́ покры́лись то́нким ледко́м и звене́ли под нога́ми у ребя́т. Ната́лья Егоровна подошла́ к мальчи́шкам и попроси́ла:

— Ребя́та, да́йте мне оди́н шест.

Те да́же отбежа́ли на вся́кий случа́й подальше. Шесты́ у них бы́ли замеча́тельные: ро́вные, дли́нные и до того́ гла́дкие, что каза́лись покры́тыми же́лтым ла́ком. Ясно, что с таки́ми шеста́ми расстава́ться ни́кому́ не хоте́лось.

— Ребя́та, — повто́рила Егоровна, — мне для де́ла на́до... Ну как мне вас угово́рить?

Она́ да́же рука́ми взмахну́ла: ра́зве упрóсишь э́тих ребя́т! Шесты́ им сейча́с, мо́жет, доро́же всего́ на све́те. И прода́ть не прода́дут!

Егоровна всё-таки сказа́ла негро́мко:

— Ви́дите, како́е де́ло... това́рищ Ле́нин к нам е́дет...

Ка́тя Трофи́мова уже́ ко́нчила свою́ рабо́ту, обве-

¹ Норови́ть — насто́йчиво стара́ться сде́лать что́-нибудь.

ла буквы белой краской. И надпись получилась ясная, видная, только некоторые буквы вышли немножко кривыми.

Катя спохватилась: куда же пропала Егоровна? И выглянула на улицу. Там у самого забора Наталья Егоровна сидела с мальчишками и толковала им о чём-то.

— Тётя Наташа, — крикнула ей Катя, — ну что ж ты?

— Я им про Лёнина рассказываю, — ответила Егоровна.

— Надо ведь рейки искать.

— Надо! — вздохнула Егоровна. — Ну, идём. — И она пошла прочь от ребят.

Но один из мальчишек догнал её и протянул свой шест:

— Бери!

Ребята провожали шест до самого комитета. Там они молча глядели, как Егоровна размеряла шест ладонью. Она измерила его на две равные части и сделала посередине надрез перочинным ножиком. Потом с размаху сломала шест о колёно. Кто-то из ребят ахнул: какая вещь пропадает на глазах у всех! А другой толкнул его и сказал:

— Не видишь, для дела надо!

Получились из шеста две рейки. Катя с Егоровной прибили к ним концы красного ситца. Теперь плакат был готов.

Они вынесли его на улицу.

Катя ожидала, что все прохожие будут удивлять-

ся на плакат. Но никто не удивлялся. Со всех сторон подходили люди, читали: «К нам едет Ленин» — и спрашивали:

— Когда ждут поезд?

И многие, толпясь, шли следом.

Один старик закричал Егоровне строго:

— Что ж не написано, с какого вокзала?

Та ответила:

— А ты сам соображай. С Финляндского.

Старик хлопнул себя по бокам рукавицами:

— Сыны у меня тут... Успею я за сынами сбегать?

Егоровна спокойно сказала:

— Успеешь.

Катя с Егоровной прошлись с плакатом по всему району. А потом пошли к центру города. Народу становилось всё больше. И, когда уже подходили к Невскому, Катя оглянулась: следом двигалась большая толпа; конца её не было видно.

Катя заметила старика, который бежал за сынами. По бокам его шагали два огромных парня — должно быть, это и были сыновья старика. А рядом шёл мальчишка, что отдал свой шест. Дальше она увидела знакомых работников со швейной фабрики, солдат, рабочих, студентов...

Кто-то в толпе сказал:

— Ну что ж, споем нашу боевую? — и первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Под пѣсню все пошли ровнѣе, в нѳгу, и незамѣтно выстроились по четыре в ряд. Это была ужѣ не толпа, ѣто была колонна людѣй, шѣдших встречать Лѣнина.

А когда подошли к Невѣ, увидели: и из других райѳнов идут такие же колонны. Идут со своими знамѣнами воинские чѣсти. Прошел отряд кронштадтских матросов. А за ним прогремѣли по мостовой броневикѣ.

У мѳста через Неву пришлось ждать: сперва пропустили путѣловских рабочих, потом воинскую часть, за ней матросов.

А когда подошли поближе к Финляндскому вокзалу, между колоннами ужѣ нѣ было промежутков. Все улицы и вокзальная плѳщадь были полны народу.

Теперь было ясно: ѣсли б правительство и захотѣло арестовать Лѣнина, онѳ не смогѳ бы сдѣлать ѣтого. Народ не дал бы.

Начинало темнѣть. И тут рабочие стали зажигать фѣкелы, которые онѣ припасли заранее. Пламя фѣкелов было космѣтое, красное. От вокзала к фѣкелам протянулись голубые лучѣ прожекторов. И от ѣтих красных и голубых огнѣй все кругѳм стало необыкновенным, праздничным.

Натѣлья Егѳровна и Катя стояли со своим плакатом в самом концѣ вокзальной плѳщади и боялись, что так и не увидят Лѣнина.

Все теснѣй становилось у вокзала: из разных райѳнов гѳрода приходили нѳвые колонны рабочих и солдат.

Потѳм слышался мѳщный рѳкот.

Народ колыхнулся, расступился в стороны, и к вокзалу тяжело прогремели броневики с красными флажками на башнях.

Народ дружно подался вперед за броневиками. Наталья Егоровна с Катей изо всех сил тянулись кверху: хотелось хоть что-нибудь увидеть. Но вперед, кроме черных спин и шапок, ничего не было видно.

И только далеко, у самого вокзала, возвышался теперь зеленый броневик. Он был ярко освещен прожектором.

Прошло еще немного времени...

Наталья Егоровна все прислушивалась, не идет ли поезд. Но не слышно было ни свистка паровоза, ни грохота вагонных колес.

И вдруг негромкий гул прошел по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин.

Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперед. Казалось, он вглядывается в надписи знамен и плакатов; их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко.

Луч прожектора упал на дальнюю полосу ситца, и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

К НАМ ЕДЕТ ЛЕНИН.

ИДЕМ ВСТРЕЧАТЬ!

Надпись держали на шестах две швей в красных платочках.

И Лѣнин уви́дел их.

Он уви́дел наро́д, пришѣдший встреча́ть его́.

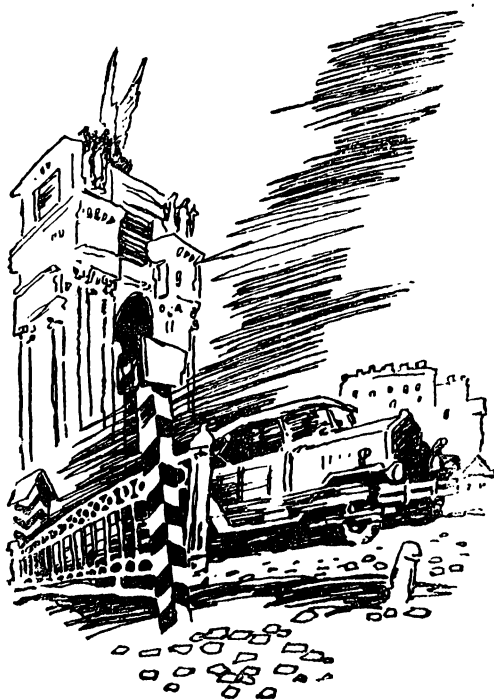
И, волну́ясь, высоко́ по́днял над голово́й фу-
ра́жку.

Пото́м бы́стро су́нул фура́жку в карма́н, протяну́л
вперѣд ру́ку и на́чал свою́ речь, никѣм в тот ве́чер не
запи́санную... И никѣм не забы́тую.

Все услы́шали слова́, кото́рые навсегда оста́нутся
в па́мяти наро́да на́шего, в па́мяти челове́чества:

«Да здра́вствует социалисти́ческая револю́ция!»

А. Ко́нонов

Погоня

Было это, как сейчас помню, в тысяча девятьсот семнадцатом году. В июне месяце. Я тогда в броневых частях служил. Шофёром.

Раз ночью подъехал я к Таврическому дворцу — там наши солдатские делегаты заседали, — выключил мотор, стою жду. Велено мне делегатов своих привезти в казарму.

Кончилось заседание, а у меня уже и мотор урчит — заведён: садись, поехали! Тут ко мне подбегает председатель нашего дивизионного комитета, козыряет и, с места в карьер, заявляет:

— Даю тебе партийный приказ.

— Какой, — спрашиваю, — приказ?

— А вот какой. Сейчас двенадцать часов. Так?

— Правильно, двенадцать. А дальше что?

— А вот что. Через десять минут посажу я в твой шарабан¹ одного товарища. И куда товарищ скажет, туда и поедешь. Ясно?

— Чего яснее, — отвечаю. — А как того товарища фамилия будет?

Тут наш председатель чего-то рассердился, даже голос повысил:

— Отставить разговорчики! Получил партийный приказ — выполняй. И помни: если с тем товарищем что случится, — отправляйся сразу в Исаакиевский собор!

— Это к чему же мне в собор? — удивляюсь.

— Панихиду² по себе закажешь, вот к чему! Теперь понял?

Отрезал³ так и исчез.

Подивился я, однако жду. Мотор урчит. Вскоро-сти⁴ вижу, идёт наш председатель, с ним гражда-

¹ Шар а ба н — открытый экипаж; здесь так насмешливо названа машина.

² Па ни х и да — церковная служба по умершим.

³ От ре за т ь — здесь: сказать коротко и вёско.

⁴ Пра в и л ь н о: в с к о р е.

нин — какой-то штáтский, в кéпочке. Подошли́ онí побли́же — я так и áхнул: штáтский-то — сам товáрищ Лéнин! Я ж его́ ви́дел и слы́шал. Он с балкóна дворцá Кшесýнской говорíл. Рáзве такóе забúдешь?!

Сел товáрищ Лéнин в машинóу, прóсит вéжливо: — Пожáлуйста, товáрищ, на Мóйку, а потóм — на Лйговку. Если мóжно — побыстрéе.

Тут рассказывать дóлго нéчего. Машíна у меня́ всегда́ в поряд́ке. Пустя́к врéмени прошлó — мы ужé на Мóйке. Там большеви́стская газéта «Прáвда» помещáлась.

Прóбыл Владíмир Ильи́ч недóлгие мину́ты в «Прáвде», вы́шел, сел в автомоби́ль, и поéхали мы в друго́й ко́нec гóрода — на Лйговку.

Мне, ко́нечное дéло, интере́сно посмотре́ть лиш́ний раз на товáрища Лéнина. Вот я огля́дываюсь и ви́жу вдруг: по пусты́нной у́лице мчи́тся за на́ми маши́на.

Поверну́л я налёво, она́ — налёво. Я — напра́во, она́ — напра́во. И огни́ на ней поту́шены, и на поворо́тах не сигна́лит. Не понрав́илось мне такóе дéло. Подпусти́л я ту машинóу побли́же — ви́жу: офи́церё в ней сидíт. Дáже за рулём ю́нкер!

Вот нáчал я петля́ть по у́лицам, а сам всё врéмя огля́дываюсь — не отста́ли ли?..

Замéтил Владíмир Ильи́ч, что я беспрестáнно огля́дываюсь, полюбопы́тствовал:

— Вы, кáжется, товáрищ, спроси́ть меня́ хотíte о чём-то?

Я отвечаю:

— Посмотрите наза́д, товарищ Лёнин.

Владимир Ильич огляну́лся, потом говорит:

— Ничего любопы́тного, кроме автомоби́ля, не вижу...

— За на́ми «ду́хи» увяза́лись, — поясняю.

— Какие «ду́хи»?

— Обыкновенные, — говорю. — Офицеры́ из охра́нки Ке́ренского. Не иначе, как за ва́ми следя́т.

Тогда́ Лёнин говорит:

— Я не сомнева́юсь, товарищ, что мы от них ускользнём. Я на вас наде́юсь...

После таких слов, са́ми понима́ете, что со мно́й ста́ло. Рвану́л я маши́ну так, что коле́са земли́ не касались! В во́здухе верте́лись! «То́лько бы, ду́маю, тормоза́ не отказали. Ина́че, на пе́рвом же поворо́те...» Ну, просто заледене́л я весь от у́жаса при тако́й мы́сли. Везу́-то ведь Лёнина! Лёнина!

Переста́л я огля́дываться. На тако́й ско́рости огля́нешься — о́дно желе́зо от автомоби́ля оста́нется. Слы́шу, вдруг Влади́мир Ильич говорит:

— Не отстаю́т... А ну-ка нажми́те ещё... Обста́вьте их...¹ Обяза́тельно на́до обста́вить!..

А я уже́ и так из маши́ны вы́жал что мо́жно. И хоть не огля́дываюсь, но чу́ю своим шофе́рским ню́хом — не мо́гут о́ни за на́ми угна́ться. Не мо́гут, а погоня́ всё-таки не прекра́щают. Тарахтя́т где-то по́близости...

¹ Обста́вить — здесь: уйти́ от пресле́дования.

Тут мы к Лїговке подкатїли. Сверну́л я сно́ва в какой-то переу́лок, ви́жу — посере́дке я́ма разрѣ́та. И обнесена́ она́ жиденькой перегоро́дкой, на перегоро́дке — фона́ришко ту́скло коптіт.

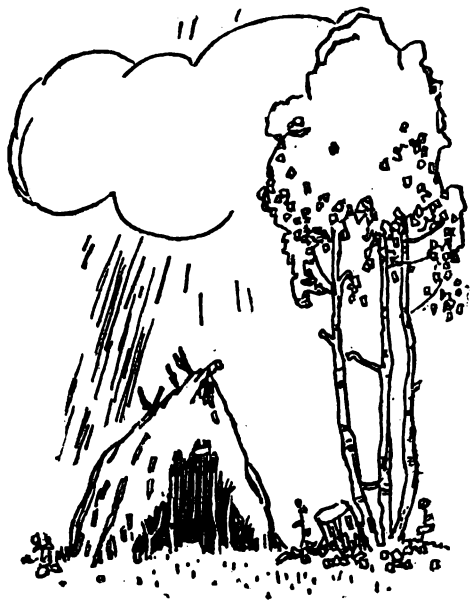
И пришла́ мне в го́лову одна́ мысль. Затормозі́л я маши́ну, вы́скочил, сшиб нога́м загоро́дку, заду́л фона́ришко. Потом — за руль, и — га́зу! Ну я́сно: ско́рости настоящей с ме́ста не возьме́шь. На вы́езде из переу́лка слы́шу — гро́хот. Так и есть! Угоди́ли охра́нники в я́му! На по́лном ходу́!

Завопи́ли ко́нтрики. Крича́т, о́хают, руга́ются! Шофёр гуди́т, дво́рники свистя́т! Ну, сло́вом, шум на весь Пі́тер. Ей-бо́гу!

Мы, конечно́, до́лго слу́шать ту о́перу не ста́ли, — по́ехали на тре́тьей ско́рости как ни в чём не быва́ло. А когда́ вы́ехали на Лїговку, реши́л я сно́ва посмотре́ть на Ле́нина. Огляну́лся, а он хохоче́т. Ну так хохоче́т, что и я не вы́держал — то́же засмея́лся.

Так мы, смея́сь, и до́ехали благополучно́ куда́ на́до. Во́время до́ехали. Без опозда́ния.

Н. Хо́дза

У озера Разлив

За Ленинградом есть станция Разлив. Недалеко от станции небольшое озеро... Весной, когда стает снег, озеро разливается, становится большим, затопляет луга. Потому и называется это место Разливом. Летом, к июлю, вырастает на лугах высокая трава. Наступает время косить её.

В такое время в 1917 году и приехал в Разлив Ленин. Теперь, после июльских дней, ему приходи-

лось скрываться от врагов, от шпионов Временного буржуазного правительства, политика которого была враждебна народу.

Владимир Ильич поселился за озером.

Ему приготовили жильё: в стог сена расчистили место, куда можно было укрыться от дождя, — получился шалаш.

Но Владимиру Ильичу такая квартира не очень нравилась. Он пошёл в лес, нарубил крепких сучьев, наломал веток и устроил шалаш по-своему: неподалёку от большой берёзы воткнул сучья в землю, накрыл их сверху зелёными ветками и обложил со всех сторон сеном. Стало просторней.

Хозяйство у Владимира Ильича было небольшое: жестяной чайник, котёл, топор, пила и коса.

Начал Ленин жить в шалаше. Самое любимое его место было у большого пня среди зарослей ольхи. Ленин садился там, клал на пенёк листы бумаги и писал. Кусты закрывали его со всех сторон.

Каждый вечер появлялась на озере лодка. Это верный человек вёз Ленину новые газеты и письма из Петрограда. Владимир Ильич читал письма, внимательно просматривал газеты и всё, что его интересовало, отмечал синим карандашом.

Враги в это время искали Ленина, но не могли найти. В своих газетах они писали, что Ленин улетел на аэроплане за границу, что он скрылся в море на подводной лодке.

Ленин читал и смеялся:

— Вот шуты горюховые!

В то время очень трудно было с питанием, и у Лёнина иногда не было даже хлеба. Впрочем, Ильич часто и забывал про еду; вспоминал, что очень голоден, только тогда, когда ему приносили со станции завтрак.

Однажды разливские ребята поймали в озере большую щуку и принесли её в шалаш. Перед шалашом у Лёнина висел на колышках котелок. Ребята хотели сразу же сварить для Лёнина уху из щуки. Но Владимир Ильич остановил их:

— Постойте-ка! Сегодня у меня есть ещё хлеб и чай. А завтра на обед ничего нет: оставим-ка щуку к обеду.

Владимир Ильич косил траву, сушил сено, а перед дождём складывал его в стог. Однажды поднялась из-за леса огромная туча и закрыла половину неба. Владимир Ильич заторопился: начал складывать сено в стог. Молния разорвала тучи, загремел гром. Но, когда полил дождь, сено было уже собрано.

После дождя стало свежо, запахло цветами, влажным сеном, землёй. Засверкало на солнце озеро.

А уже поздно вечером к берегу причалила лодка.

Это приехал товарищ Орджоникидзе. Он шёл по тропинке среди кустов и не видел Лёнина. Когда Владимир Ильич вышел к нему из-за кустов, Орджоникидзе нахмурился: неизвестный какой-то человек... Откуда он? Зачем он бродит около жилья Лёнина?

Владимира Ильича действительно трудно было узнать: борода и усы у него были сбриты, кепка низко надвинута на лоб.

Лéнин поздорóвался, но Орджоникíдзе всё ещё не узнавáл его. Тогда Владíмир Ильич вéсело хлопнул его по плечу́:

— Что, товáрищ Сергó, не узнаёте?

Тóлько тепérь Орджоникíдзе узнал Лéнина.

Онí пошли в шалáш. Сергó приёхал из Петрогрáда передáть Владíмиру Ильичу́ вáжные вéсти. Не всё мóжно бýло писáть в пíсьмах. Письмó моглó попáсть в рúки врагóв или предáтелей.

Дóлго говорíл в ту ночь Владíмир Ильич с товáрищем Сергó, а наúтро неожíданный гость уёхал. Он повёз с собóй отвёт и указáния Лéнина.

*

В концé áвгуста пошли дождí. Любíмое мéсто Лéнина — средí ольхóвых кустóв — ужé не годíлось для рабóты. Пень стоял мóкрый, скóльзкий; он покрýлся по краём мёлкими грибка́ми и дáже как бýдто распух.

Наступíла холóдная погóда. Центрáльный Комитét пáртии организовáл переёзд Владíмира Ильичá из Разлívа в Финлýндию.

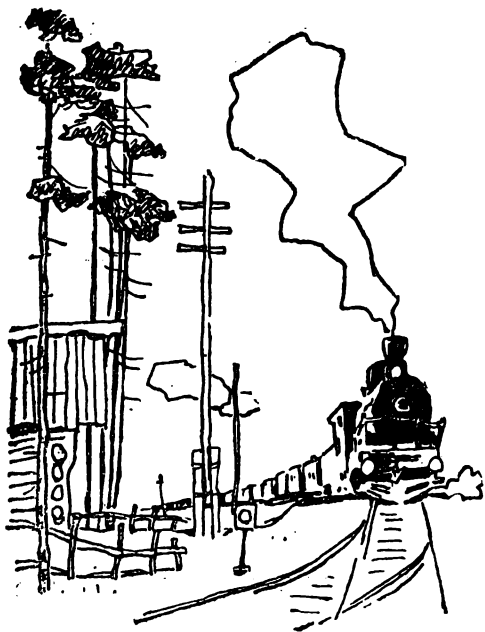
И шалáш опустёл. Лéнин уёхал.

Стоит тепérь на том мéсте пáмятник — шалáш, вы́сеченный из гранíта.

Зáросли ольхí ужé стáли дерéвьями. Не вíдно тóлько большóй берёзы, но из её кóрня вы́росли три молóденькие, тóнкие берёзки — её дóчери.

А в остальнóм совсём не измени́лись éти местá, дорогíе сёрдцу кáждого советского человекá.

А. Кóнонов

Кочегар поезда № 71

Ночью, в час десять минут, на станции Удельной за Петроградом должен был остановиться поезд № 71. С машинистом этого поезда было условлено: он поставит паровоз немного дальше, чем полагается, — в самом конце платформы, куда не доходит свет электрического фонаря. Кочегар сойдёт с паровоза, а его место займёт Владимир Ильич.

Машинист поезда № 71 никогда не видел Лёнина.

А если бы и видел, всё равно теперь не узнал бы: борода у Лёнина была сбрита, лоб закрыт накладными волосами — париком. Поверх парика был надёт чёрный картуз.

Но, когда поезд остановился и кочегар соскочил в темноте на землю, Владимир Ильич так уверенно поднялся по лесенке на паровоз, что машинист даже ничего не спросил: ясно было, что это и есть Ленин.

Место кочегара занял Владимир Ильич.

Паровоз отапливался дровами. Дрова были сырые. Их надо было подбрасывать в топку понемногу, чтобы огонь горел ровно.

Владимир Ильич отыскал на стенке гвоздик, повесил на него пальто, засучил рукава и принялся за работу.

Он кидал дрова в топку, ворошил горящие головешки.

Машинист всё оборачивался и смотрел с удивлением на Владимира Ильича.

Новый кочегар справлялся с работой без всякой посторонней помощи.

Так доехали до станции Белообстров. Тут проходила граница.

Дальше начиналась Финляндия.

У всех пассажиров начали проверять документы. Общескивали весь поезд.

Машинист бегом спустился по лесенке, подбежал к составу и отцепил паровоз. Потом погнал его к водокачке — набирать воду. А набирал её не спеша.

Ужé удáрил на стáнции трéтий звонóк, а паровóз всё ещё стоял у водокáчки.

К машинíсту бежáл, задыхáясь, глáвный кондúктор и показывал на свой свистóк: сейчáс отправлéние! Тогда машинíст бýстро подъéхал к пóезду и прицепил паровóз. Глáвный кондúктор дал свистóк.

На стáнции стоял офицёр и глядёл на машинíста. И, вíдно, чтó-то сообразíл: он махнóл кому́-то рукой. К паровóзу побежáли солдáты...

Но паровóз ужé рванóл с мéста и помчáлся вперёд.

А. Кóнонов

Ночь в Лесном

В Петрограде тщательно готовились к восстанию. Чтобы выяснить готовность партийных организаций, решено было на шестнадцатое октября собрать секретное заседание Центрального Комитета с активом. Но где его провести? В каком помещении?

Вспомнили, что председателем Лесновской думской управы стал активный деятель большевистской

партии Михайл Ива́нович Кали́нин. Нельзя ли воспользоваться помещением? Дом Ду́мы располо́жен на окра́ине Вы́боргской стороны́, он скрыт от посторонних взглядов деревьями па́рка и о́чень удо́бен для конспирати́вного заседа́ния.

*

Шестна́дцатого октября́ Михайл Ива́нович Кали́нин вы́звал к себе́ рабо́тницу заво́да «Айва́з» Ка́тю Алексе́еву, кото́рую он посели́л вме́сте с ма́терью в помеще́нии упра́вы, что́бы импе́ть под руко́й своих люде́й.

— Ка́тя, — сказа́л он, — ко мне се́годня ве́чером соберу́тся това́рищи... Заседа́ние о́чень ва́жное. На́до быть начеку́. Входны́х дверей не запира́й и сама́ никуда́ не уходи́.

— Хорошо́, — отве́тила Алексе́ева. Она́ по-хозяйски огляде́ла большо́й кабинéт и, уви́дев в углу́ на сту́ле каку́ю-то си́нюю ткань, спроси́ла: — А э́то заче́м?

— Ну́жно бу́дет заве́сить о́кна, — отве́тил Михайл Ива́нович. — У тебя́ никако́й ма́терии нет? Здесь мало́вато.

— Есть же́лтая.

— Же́лтая не годи́тся. На́до найти́ что́-нибудь друго́е.

В Лесно́вской ду́ме прие́м посети́телей за́канчивался в четы́ре часа́. Так бы́ло и в э́тот день: к пяти́ часа́м помеще́ния опу́стели, то́лько наверху́ поскри́пывало крэ́сло Миха́ила Ива́новича,

Звонокъ былъ очень громкій и могъ привлечь вниманіе двѣрника. Чтѣбы приходящіе не звонили, Катя закрепила защёлку замка и, оставивъ дверь чуть приоткрытой, стала из окна поглядывать на аллею, идущую от воротъ къ главному подъѣзду.

Весь день погода была по-осеннему дождливая и пасмурная.

Къ вечеру поднялся вѣтеръ. С раскѣчивающихся и шумящихъ въ саду деревьевъ облетѣли послѣдніе листья. Онѣ кружились и падали въ лужицу у освѣщеннаго входа.

«Надо погасить лампочку, а то двѣрникъ замѣтитъ, что много народу входитъ», — подумала Алексѣева.

Она выключила светъ не только у входа, но и во всехъ комнатахъ перваго этажа.

Садъ сразу погрузился во мглу. Катя даже не могла разглядѣть главную дорожку. Лишь постепенно еѣ глаза привыкли къ темнотѣ.

Она сидѣла въ тѣмной прихожей и ждала. Ждала долго. Но вотъ наконецъ стукнула калитка. Въ аллеѣ появилось двое мужчинъ. Онѣ шли увѣренно — значитъ, свой.

Катя поднималась навстрѣчу. Пришедшіе спросили, какъ пройти къ Михайлу Ивановичу. Она молча показала на лѣстницу.

Теперь черезъ каждыя пять минутъ въ аллеѣ кто-то появлялся. Стараясь не стучать тяжѣлыми, набѣхшими отъ грязи сапогами, поднимались навѣрхъ и там снимали свой пальто и плащи.

Наверху у Михайла Ивановича уже собралось че-

ловѣкъ вѣсьмь, и в ѳто время, как назло, на кѣхню ввалился двѣрник. Старѣкъ любѣлъ вечерѣми покаля-
кать¹ с мѣтерью Кѣти. Егѣ нѣжно бѣло немѣдленно
спровѣдѣть². Двѣрник мог сболтнѣть кому-нибудь о
ночномъ засѣданѣи в Дѣуме.

Кѣтя, бросив слѣдѣть за входной двѣрью, убежала
в кѣхню.

*

Связной Эино Рѣхья зашел за Владѣмиром Ильи-
чѣм в седьмомъ часу. Уже стемнѣло. Моросил мелкий
осенний дождь. Порывами дул шквалистый вѣтер.

На одномъ из перекрѣстков с Владѣмира Ильичѣ
сорвало шляпу и парѣк. Шляпа покати́лась по мокрой
панѣли. Еѣ с трудомъ поймали. К счастью, никогѣ из
прохожихъ вблизи не было. Владѣмир Ильич быстро
вытер носовымъ платкомъ парѣк и глубоко натянул егѣ
на голову, а Рѣхья встряхнул и очѣистил шляпу.

У Муринского проспекта их ждал Алексѣндр Шѣт-
ман. Он провел их в тѣмный переулѣк и сказа́л:

— Подождѣте тут, а я погляжѣ: нет ли когѣ подо-
зрѣтельного?

Всмѣтриваясь в темнотѣ, он пробрался к дому
районной Дѣумы, поднялся навѣрх и, узнав, что собра-
лось только человекъ дѣсять, вернулсѣ к Ильичѣ и
сказа́л:

— Рановѣато ещѣ, не все явились, лѣхше здѣсь по-
дождѣть.

Онѣ прошлись по тѣмному и пустынному переулѣ-

¹ Покаля́кать (разговѣрное) — поговорѣть.

² Спровѣ́дѣть — удалить когѣ-нибудь, избѣвиться от когѣ-нибудь.

ку и, вернувшись назад, послали на разведку Рáхью. Тот пропадал минут десять и, вернувшись, шепнул: — Пошли.

Втроем они пробрались через чёрный ход в дом, поднялись на второй этаж и остановились в комнате. Здесь Владимир Ильич снял с себя очки, парик и спрятал их в карманы пальто.

В зал заседаний он вошёл в своём обычном виде. Товарищи, не видевшие Ильича с лета, радостно кинулись пожимать ему руки. Они окружили его, засыпали вопросами. Владимир Ильич улыбался и отшучивался. Он также был рад видеть их невредимыми.

*

Дворник не торопясь набил трубку. Он, видимо, намеревался просидеть на кухне весь вечер. Катя попросила мать заняться стиркой, а сама занялась уборкой.

Дворник, видя, что сегодня ему не с кем будет посудачить¹, огорчённо раскурил трубку и, кряхтя, поднялся.

— Пойти спать, что ли? — ни к кому не обращаясь, спросил он.

В это время наверху задвигали стульями. Дворник прислушался.

— Чего это сегодня в Думе? — поинтересовался он.

— А ну их, работать остались... Ушли бы скорей,

¹ Посудачить — поболтать о том о сём.

а то опять придётся убирать ночью, — проворчала Катя.

Она проводила старика до дверей и, убедившись, что он поплёлся к себе, вернулась к главному подъезду. Дверь оказалась захлопнутой на замок. «Значит, все собрались», — решила она, и ей стало вдруг неспокойно.

«А что, если кто-нибудь проследил, как они собирались, и сейчас прячется в тёмном саду?»

На всякий случай она приоткрыла в первом этаже окно, через которое товарищи могли выпрыгнуть в глухой угол сада и через забор скрыться в переулке.

Сверху слышался шум отодвигаемых стульев. «Доклад кончился, — подумала Катя, — надо бы им чайку горячего, ноги-то у всех, наверное, промóкли на такой погоде».

Она вернулась в кухню, поставила чайник на плиту и ещё раз прошлась по пустым и тёмным комнатам.

На улице бушевала непогода, выл ветер. Чёрные ветки кустов скребли стекла окон. Всякие страхи лезли в голову — казалось, что за каждым кустом притаился враг.

Катя осторожно обошла комнаты нижнего этажа и, убедившись, что никого здесь нет, вернулась на кухню и стала разливать чай.

В те дни настоящий чай был большой редкостью. Только для Президиума Думы выдавался небольшой пакетик. Чай берегли, но Катя на свой риск решила заварить его собравшимся товарищам. Она приготовила душистый крепкий настой и наполнила им ста-

каны. Са́хару у неё было то́лько не́сколько кусо́чков. Ка́тя положи́ла са́хар в три и́ли че́тыре стака́на, взя́ла подно́с и осто́рожно понесла́ его́ наве́рх.

Ле́стница скрипе́ла, Ка́тя стара́лась лёгче ступа́ть. Она́ прошла́ по те́мному коридо́ру и остано́вилась у две́ри. Из ко́мнаты доно́сился че́й-то бас:

— Ору́жия у нас малова́то, Влади́мир Ильи́ч. А вооб́ще — на железноро́жников мо́жно рассу́дывать, не подве́дем...

«Влади́мир Ильи́ч... Ле́нин здесь, — обра́довалась Ка́тя. — Зна́чит, заседа́ние о́чень ва́жное».

Она́ постоя́ла немно́го и, как то́лько железноро́жник ко́нчил говори́ть, толкну́ла дверь и вошла́.

В ко́мнате было́ полуте́мно: горе́ла лишь вися́чая ла́мпа. Влади́мир Ильи́ч находи́лся в да́льном углу́ за ма́леньким сто́ликом. Вокру́г него́ сиде́ли и стоя́ли у стены́ това́рищи. Все о́чень обра́довались, уви́дев на подно́се дымя́щиеся стака́ны.

— То́лько без са́хару, — виновато́ сказа́ла Ка́тя.

— Ниче́го, ниче́го, у нас свой са́хар есть, — шу́тливо отве́тил кто́-то.

Со всех сторо́н ру́ки потяну́лись к стака́нам.

Несмотря́ на то что на всех ча́ю не хвата́ло, Ка́тя всё же успе́ла убере́чь о́дин стака́н с са́харом. Сму́щаясь, она́ поста́вила его́ перед Ле́ниным.

Ка́залось, что, за́нятый свои́ми мы́слями, Ильи́ч не заме́тит э́той ма́ленькой услу́ги, но он улы́бнулся Ка́те и поблагодарил её.

— Я вам ещё́ прине́су, — сказа́ла она́ и, ра́достная, побежа́ла вниз за но́вой пор́цией ча́ю.

Заседáние становилось всё бóлее шумным. Алексеева решила проверить, не виден ли со двора свет и не слышно ли; о чём говорят.

Накинув на себя платок, Катя вышла во двор.

Теперь уже шёл не дождь, а снег. Дорожка стала скользкой. С севера порывами дул ветер. Всё заволокла такая тёмь, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть.

Катя остановилась под окнами и прислушалась. Сверху доносились голоса, но о чём говорилось, понять было трудно. Окна были завешены хорошо, только в одном месте через узенькую щёлку проникла бледная полоска света. Катя, осторожно шагая, обошла вокруг дома.

Нигде никого. Даже сердитый сторожевой пёс спал, забившись в свою конуру.

Катя надумала оглядеть дом с улицы, вышла за калитку и пошла вдоль ограды. На углу она остановилась, прислушалась. Улица казалась вымершей, только впереди мелькнула и будто прижалась к забору какая-то тёмная фигура. Кате сделалось страшно. Она чуть ли не бегом вернулась назад, захлопнула тяжёлую, набухшую калитку и с колотящимся сердцем стала вслушиваться, не гонится ли кто за ней.

И вдруг до неё донёсся отчётливый голос Володарского. Горячась, он говорил громко, словно выступал на большом митинге.

Катя поспешила в дом, поднялась по лестнице и распахнула дверь. Михайл Иванович, видя, что она

задыхается и не может выговорить слова, в тревоге спросил:

— Что случилось?

— Нельзя говорить громко, на улице слышно.

Сразу раздалось несколько голосов:

— Тихе!

— Спокойней, товарищи, не горячиться.

Но голоса всё же повышались. Катя всё время снова́ла вокруг дома, вслушиваясь в вой ветра и всматриваясь в темноту.

«Скоро начнёт светать, — подумала она. — Не забыли ли они об опасности?»

Катя пошла предупредить товарищей. Затянувшееся собрание уже кончилось, но люди почему-то не расходились.

Катя разыскала Ленина. Он ходил по коридору у лестницы, беседуя с каким-то военным.

— Владимир Ильич, светает, — робко напомнила девушка. — Вам бы уйти пораньше.

Ильич, как бы недоумевая, посмотрел на Катю, потом, поняв, о чём она говорит, устало провёл рукой по лицу и заспешил:

— В самом деле, пора, товарищи!

В пустующей комнате Владимир Ильич надел на себя парик, очки и, став похожим на старика букиниста¹, ушёл из дому с молчаливым Рахьей.

¹ Б у к и н и с т — торговец редкими, старыми книгами.

На мосту

Восста́ние нача́лось но́чью.

Ночь была́ чёрная, гро́зная. Фонари́ на у́лицах не горéли. На Невé тёмной грома́диной вы́сился большеви́стский кре́йсер «Аврора́». Огни́ на нём были́ погáшены, а ду́ла ору́дий повер́нуты к Зи́мнему дворцу́.

В темнотé раздава́лись далёкие вы́стрелы, трещá-ли мото́циклы, с гро́хотом носи́лись по мостово́й гру-

зовики; на них стояли с винтовками солдаты и матросы.

Горели костры на улицах. Красногвардейцы грелись у огня, негромко переговаривались, ждали приказа наступать. Отряды вооружённых рабочих к этому времени уже заняли все мосты через Неву.

На одном мосту стоял молодой петроградский рабочий Андрей Крутов. Вместе с ним охраняли мост ещё восемь бойцов — красногвардейцев и матросов. Командовал ими старый большевик, которого все они звали Василием Ивановичем.

Два раза за ночь мост обстреливали юнкера, но красногвардейцы отогнали их выстрелами, не сходя с места. Через мост можно было пройти только по особым пропускам.

Но у одного человека пропуска не было, и всё-таки его пропустили. Когда он подошёл близко к заставе, Василий Иванович шагнул к нему с револьвером в руке и спросил строго:

— Ваш пропуск!

Человек остановился и отогнул поднятый воротник пальто. Щека у него была туго обвязана платком. Он негромко сказал что-то Василию Ивановичу. Тот посторонился и взял под козырёк. Человек с подвязанной щекой прошёл быстрыми шагами мимо Андрея на мост и скрылся в темноте.

А начальник заставы вернулся на своё место, стал рядом с Андреем. Он не сказал ни слова и всё поглядывал в ту сторону, куда ушёл незнакомец. Там, за рекой, по временам глухо гремели выстрелы.

Наконѣц Кру́тов не вы́терпел и спроси́л:

— Что ж, показáл он тебѣ про́пуск?

Васи́лий Ива́нович отве́тил ме́ленно:

— Нет. Он не успе́л его́ получи́ть. Он скрыва́лся всё вре́мя... Сперва́ в Финля́ндии, пото́м здесь. А сейча́с вот идёт в Смо́льный.

Пото́м доба́вил, и Андре́ю почу́дился в его́ го́лосе страх:

— Поду́мать то́лько: он прошѣ́л сюда́ ми́мо вра́жеских отря́дов. Его́ ж могли́... ты понима́ешь, его́ могли́ уби́ть!

В пе́рвый раз слы́шал Андре́й, что его́ команді́р говори́л та́ким го́лосом.

Он загляну́л Васи́лию Ива́новичу в лицо́ и спроси́л:

— Да кто э́то был?

И команді́р красногварде́йской заста́вы отве́тил:

— Влади́мир Ильи́ч Ле́нин.

А. Кононов

Началось

Два́дцать четвёртого октября, в день восста́ния, Влади́мир Ильи́ч с утра́ стал волноваться. Он знал, какие си́лы со́браны, куда́ бу́дут напра́влены, и всё же не мог споко́йно ждать: «Решительно́ ли там де́йствуют това́рищи?» Хотéлось ежемину́то знать, как развива́ются собы́тия.

Утром он не́сколько раз посыла́л Марга́риту Васи́льевну в Вы́боргский райко́м па́ртии и проси́л при-

глядываться ко всему происходившему на улице, чтобы по внешним признакам определить состояние дел.

Но что ему могла рассказать Фёфанова? Вторник — день будничный. По-обычному работали учреждения и предприятия, открыты были магазины, парикмахерские, кинематографы. Разве только трамваи ходили хуже да больше сновало на улицах военных.

Днём стало известно, что разведён Николаевский мост. Маргарита Васильевна, служившая на Васильевском острове, сделала большой крюк, чтобы пройти на Выборгскую сторону по Гренадёрскому мосту. Все остальные проходы были закрыты.

Через Неву пешеходов перевозили на яликах лодочники.

Владимир Ильич, заложив руки за спину, возбуждённо расхаживал по коридору без парика.

— Ну, как в городе? Что творится? — встретил он хозяйку.

Но Маргарита Васильевна не могла дать вразумительных ответов. Она видела только вооружённых людей и ни от кого, конечно, не могла узнать, с какой целью и по чьему приказу разведены мосты на Неве.

— Не раздевайтесь, пожалуйста, — попросил Ильич. — Отнесите в райком записку.

Это было письмо, предназначенное Центральному Комитету. Придя в Выборгский райком, Фёфанова отдала его товарищам. Те, видимо, связались со

Смольным, потому что вскорѣ сообщили: Централь-
ный Комитѣтъ не разрешает Ильичу покидать квар-
тиру.

— Не разрешают?.. — удивился Ильич. — Чего
же они боятся за меня? Вот чудакѣ! Нет, я так не
оставлю. Их надо переубедить.

Владимир Ильич торопливо написал очень корот-
кую, но, видимо, резкую записку, потому что, когда
Фófанова пришлѣ в райком и передала её секретарю,
то из комнаты, где шло засѣданіе, вышла обес-
покоенная Надѣжда Константиновна.

— Владимир Ильич очень гнѣвается? ¹ — спросила
она.

— Очень.

— И всё же передайте ему: пока ещё нельзя вы-
ходить, пусть ждѣтъ.

Вернувшись, Маргарита Васильевна в точности
передала отвѣтъ и сразу почувствовала, что Лѣнин не-
довóлен.

— Идите к ним снова! — попросил он. — Нельзя
ждать, можно потерять всё.

— Хорошó, я пойду, — согласилась Фófанова, —
но только при одном условіи: вы должны сестъ за
стол и пообѣдать. Я готовила, старалась, а вы даже
попрóбовать не хотите...

Владимир Ильич улыбнулся:

— Хорошó, я поѣм, но вы обязательно ещё раз
сходите. Я сейчас напишу в ЦК.

¹ Гнѣ в а т ь с я — сердѣться, возмущаться, негодовать.

Он ушёл, а Маргарита Васильевна поспешила на кухню разогреть обед.

«Товарищи! — быстрым почерком вывел на бумаге Ильич. — Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Закончив письмо, он вынес его на кухню и поторопился хозяйку:

— Отнесите и возвращайтесь поскорее. Если к одиннадцати часам не вернётесь, волен действовать сообразно своему разумению¹.

Фófанова ушла и долго не возвращалась. Вместо неё в дверь постучал Эйно Рáхья. Владíмир Ильич обрадовался гóстю. Он пригласил его поужинать и начал расспрашивать о том, что делается в центре гóрода.

Но что мог рассказать Рáхья? Он ведь не был членом Военно-революционного комитета. Обо всём знают лишь в штабе революции — в Смóльном.

У Рáхьи было два пропуски в Смóльный. Но как сейчас туда доберёшься? Трамваи не ходят, а пешком далеко — вёрст десять будет.

— Ничего, как-нибудь доедем, — успокоил его Владíмир Ильич.

Он написал записку Фófановой и стал одеваться. Без маскировки выходить Ильичу было опасно. Пришлось надеть парик и очки, повязать щеку платком,

¹ Действовать сообразно своему разумению — действовать так, как сам найдёт нужным.

как это делают, когда болят зѹбы, и на го́лову надѣть старую, завалѣвшуюся кѣпку.

— Ну довѣльно маскироваться — в путь! — наконец сказа́л Влади́мир Ильи́ч. — Тушите свет.

Ра́хья загаси́л ла́мпу. Онѣ́ вы́шли на ле́стницу и спусти́лись вниз.

Улицы были безлю́дны. В парк спешѣ́л послѣ́дний трамва́й. Влади́мир Ильи́ч нагна́л его́ и вскочѣ́л на подно́жку. Ра́хья едва́ успѣ́л прицепѣ́ться ря́дом.

В ваго́не пасса́жиров не́ было. Влади́мир Ильи́ч сел напра́тив кондѹ́кторши и нача́л расспра́шивать её, куда́ идѣ́т трамва́й. А та с трево́гой погла́дывала в темноту́ за о́кнами.

— Молчи́те, — шепну́л Ра́хья. — Если она́ когда́-либо слы́шала ваш го́лос, узна́ет.

Но Влади́мир Ильи́ч не унима́лся.

— В парк е́дете? — допы́тывался он у кондѹ́кторши.

Той, ви́димо, надо́ели расспро́сы пасса́жиров, и она́ сердѣ́то бу́ркнула:

— В парк.

— А почему́?

— А ты кто тако́й, что тебѣ́ всё на́до знать?

— Рабо́чий.

Кондѹ́кторша с недо́верием огляде́ла пасса́жѣ́ра и сказа́ла:

— То́же мне рабо́чий! «Куда́», «почему́»! — передразни́ла она́. — Или не чу́ешь, что де́лается? Буржу́ев би́ть бу́дем, вот куда́ е́дем!

Её отве́т Влади́миру Ильи́чу о́чень понра́вился.

Дли́нная и пряма́я у́лица то́чно вы́мерла. Ворóта домо́в бы́ли на́глухо за́перты. Впе́реді — ни дво́рников, ни пешехо́дов. Каза́лось, никако́й опа́сности до са́мого Смо́льного бо́льше не бу́дет. Но вдруг из-за угла́ показáлись дво́е верховы́х. О́ни проскака́ли мй-мо и о чём-то на́чали перегова́риваться. Это бы́ли юнкера́ артилле́рийского учи́лища.

— Иди́те бы́стрей впе́ред, — шепну́л Ра́хья Влади́миру Ильичу́. — А я их задержа́ю.

Юнкера́ действите́льно поверну́ли наза́д и, догна́в Ра́хью, остано́вили его́:

— Про́пуск!

— Како́й тако́й про́пуск? — сло́вно не понима́я, пья́ным го́лосом допы́тывался Ра́хья.

А Влади́мир Ильи́ч тем вре́менем уходíл все́ да́льше и да́льше.

— Про́пуск, и́ли...

Юнкер замахну́лся нага́йкой.

— А ну, дай, дай! Если ты тако́й ло́вкий! — пока́чиваясь, пья́но вы́крикнул Ра́хья и, засу́нув одну́ ру́ку в карма́н, где был револьве́р, вызыва́юще шагну́л к коню́.

Конь пугли́во ша́рахнулся в сто́рону.

— Брось э́того пья́ницу! — трусли́во сказа́л второ́й верхово́й.

— Ну его́ к шу́там... по́ехали!

Юнкер хлестну́л нага́йкой по во́здуху и, кру́то поверну́в ло́шадь, поскака́л за това́рищем к Лите́йному проспекту́.

Шпалёрная кончилась. Вот показалось длинное здание Смольного. Все окна бывшего Института благородных девиц ярко сияли. Под деревьями виднелись броневики, горели костры. Значит, штаб действует!

У центрального входа толпились приехавшие из дальних губерний делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Оказалось, что меньшевики, засевшие в мандатной комиссии¹, в последний час изменили цвет пропусков: вместо белых они выдали своим сторонникам красные и строго приказали часовым пропускать делегатов только с новыми мандатами.

Собравшиеся шумели, ругались.

Какой-то рабочий, потрясая своим белым пропуском, спрашивал:

— То есть как не пропустите?.. Делегата задержите?

И он напирал грудью на растерявшихся часовых. Стоявшие рядом поддерживали его:

— Что за безобразие! Напугают, а потом не пропускают. А ну, посторонитесь!..

И толпа хлынула в вестибюль², увлекая за собой и Владимира Ильича.

Поднимаясь по лестнице, он смеялся:

— Где наша не берёт!

¹ Мандатная комиссия — комиссия, выдающая или проверяющая мандаты — официальные удостоверения.

² Вестибюль — помещение при парадном входе в здание.

Владимир Ильич поднялся на третий этаж, прошёл в комнаты Военно-революционного комитета.

Товарищи сразу же доложили ему, как действуют революционные отряды по разработанному им плану.

В эту ночь Красной гвардией были захвачены важнейшие пункты в городе: вокзалы, банки, мосты, телефонная и телеграфная станции. В Смольный то и дело прибывали связные с радостными вестями о вновь занятых мостах, налаженных переправах, об удачном продвижении к последнему убежищу Временного правительства — Зимнему дворцу.

К рассвету весь город был в руках восставших. Временное правительство владело лишь площадью Зимнего дворца и частью прилегающих улиц.

Владимир Ильич, почти не отдыхая, к утру написал обращение ко всем гражданам России.

Восстание в Петрограде победило, и государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета.

Впервые в истории восставшие воспользовались радио и передали своё обращение по эфиру всем народам.

В то же утро Владимир Ильич пришёл на непрерывавшееся уже более суток заседание Петроградского Совета.

Матросы, рабочие и солдаты, увидев похудевшего, с ещё не отросшей бородкой, родного Ильича, восторженно встретили его бурными аплодисментами и криками «ура».

Вождь пролетариата, взойдя на трибуну, дождался тишины и ясным, громким голосом сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась!

На другой день Владимир Ильич Ленин был избран на Всероссийском съезде Председателем Совета Народных Комиссаров.

П. Капица

В СМОЛЬНОМ

Из далёкой сибірской деревни ёхал в Петрогра́д старі́к крестья́нин. В доро́ге он всем рассказывал, что ёдет к Ле́нину. Ему́ на́до погово́рить с Ле́ниным о крестья́нской жи́зни.

До́лго старі́к был в пу́ти. Наконе́ц приёхал в Петрогра́д.

Гляди́т, на у́лицах сто́ят рабо́чие с винто́вками.

Прошёл с музыкой полк солдат; впереди полка несли громадное красное знамя.

Старик подошёл к красногвардейцу и спросил:

— Это как следует понимать?

Тот ответил:

— А так: теперь у нас — Советская власть.

Пошёл старик по улице, стал расспрашивать, где найти Лёнина.

Говорят:

— В Смольном.

Долго шёл он через весь город и пришёл к громадному дому.

Около дома горели костры, стояли пулемёты. У пулемётов прохаживались матросы и солдаты.

Это и был Смольный.

Понравился старику один молоденький матрос. Он всё постукивал каблучками о мостовую, похлопывал рукой об руку — грелся: было холодно, с моря дул сильный ветер.

Старик сказал ему:

— Мне бы Лёнина повидать...

Матрос оглядел его с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем надо к Лёнину?

— Пришёл рассказать ему про свою жизнь.

— Иди, старик, к коменданту за пропуском, — сказал матрос и показal, куда идти.

На лестнице стояла очередь к коменданту. Широкие ступеньки были скользкие, грязные — видно, много народа прошло по ним за день.

Комендант писал пропуска медленно: рука его

привыкла к винтовке, перо он держал всеми пятью пальцами, неуверенно, с опаской. Получил у него старик пропуск, пошел искать Ленина.

В первом этаже Смольного рабочие и матросы получали оружие. Они поодиночке подходили к высокому веселому солдату, брали винтовку и патроны, расписывались и выходили во двор. Там стрелились в отряды и уходили.

Где-то далеко гроыхали пушки: под Петроградом шли бои.

Старик спросил высокого солдата, где Ленин.

Солдат улыбнулся и ответил:

— В тридцать шестой комнате.

У дверей тридцать шестой комнаты стояли на часах¹ два красногвардейца: старый усатый рабочий в черном пальто и молодой парень в полушубке.

Старик сказал им:

— Мне б Ленина повидать.

Усатый рабочий поглядел на старика и сказал:

— Ступай прямо по коридору. Ленин в большом зале будет выступать.

Только тут старик заметил, что все шли по коридору в одну сторону. Он пошел туда же и увидел в конце коридора белые, широко раскрытые двери. В дверях толпился народ.

Старик стал пробираться вперед. И только протиснулся² в зал, как раздался страшный шум. Старик

¹ Стоять на часах — стоять в карауле, на посту.

² Протиснуться — с трудом пройти, пробраться сквозь толпу.

не сразу понял, в чём дело. Пригляделся: кругом кричат, хлопают, машут шапками. И народ в этом нарядном зале всё больше простой: в шинелях, в полушубках, в матросских бушлатах.

И все кричат:

— Лёнин! Лёни-и-ин! Лёнин!

Старик приподнялся на цыпочки и увидел в другом конце зала Лёнина.

Владимир Ильич стоял на небольшом возвышении. Он ждал, когда стихнут крики. Потом поднял руку — требовал тишины.

Но зал шумел, не утихал:

— Лёнин!.. Да здравствует Лёнин!

Владимир Ильич нахмурился. Потом не выдержал — улыбнулся. Крики усилились ещё больше.

Лёнин развёл руками. Подождёт немножко. И опять поднял правую руку. Потом, видно, решил не обращать больше внимания на шум, наклонился вперёд и начал говорить. И тогда сразу в зале стало тихо.

— Товарищи! — сказал Лёнин. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась...

Лёнин говорил о новой жизни, о Советской власти, о том, что войнѹ надо кончать, что земля будет отнята у помещиков и отдана крестьянам.

Старик слушал. Каждое слово Владимира Ильича было ему понятно.

Кончил Лёнин речь. Старик вспомнил о своей деревне: надо там рассказать о ленинских словах. И он

пошёл по коридору — искать широкую лестницу, что ведёт на улицу.

Кто-то окликнул его. Это был молодой матрос, который стоял раньше около Смольного.

— Ну что, папаша, говорил ты с Лениным про свою жизнь? — спросил он, засмеявшись.

— Нет, — ответил старик. — Это Ленин говорил со мной про мою жизнь.

А. Кóнонов

Гражданин Российской республики

Жил Дани́лка в подва́ле вы́сокого до́ма в Пíтере, на Лите́йном. Родíлся здесь Дани́лка, вы́рос и всех жильцо́в знал напечёт и в ли́ца.

Пёрвый эта́ж занима́ла графи́ня Щербáцкая. На второ́м — ко́мнаты кня́зя Пирого́ва-Пища́ева. Ещё эта́жом вы́ше — та́йный сове́тник Горóхов. А на са́мом верху́ — ста́тский сове́тник¹ Арда́тов. Жильцы́

¹ Та́йный сове́тник, ста́тский сове́тник — гражда́нские чины́ в дореволюцио́нной Росси́и.

все именитые, разных важных чинов и званий. И лишь Данилкин отец, Данилкина мать да и он сам, Данилка, из простого народа.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну, — проговорил, — отныне ты гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики — не совсем ему понятно.

— А это важнее, чем статский советник? — спрашивает он у отца.

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше, — смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к друзьям своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, — зачастил мальчик, — важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики!

В газéтах про ёто написано. Сам Владíмир Ульянов-Лéнин декрёт подписáл!

Побежáл Дани́лка дáльше, встрéтил Лёбу Козýлину.

— А у меня́ звáние высóкое-высóкое, вáжное-вáжное...

Мно́гих повстречáл в ётот день Дани́лка и всем про однó и то же. Наконéц утомíлся, сел вóзле дóма.

Сидíт, дúмает; и откúда ёто Ульянов-Лéнин узна́л про негó, Дани́лку? Кто бы ёто мог Лéнину расска-зáть? Дúмает и вдруг вíдит: мчит к немú ры́жий Ки́рюха. Подлетéл Ки́рюха, перевёл дыхáние и срáзу же:

— Знáешь, кто я? Я — гражда́нин Росси́йской респúблики!

Дани́лка дáже икну́л от неожíданности.

— Какóй же ты гражда́нин? — произнёс он с на-смéшкой. — Это я гражда́нин. Это про меня́ в газéтах написано.

— Про тебá! — присвístнул Ки́рюха. — Стáнут на тебá изводить бумáгу.

Сжáлись от обíды в кулаки́ Дани́лкины рúки. Подступíл он к Ки́рюхе. Вы́брал момéнт и — раз!

Началáсь дрáка.

— Я — гражда́нин!.. — пытáется перекричáть Дани́лка Ки́рюху.

— Нет, я — гражда́нин!.. — вопíт на всю úлицу ры́жий Ки́рюха.

Проходíл в ёто врéмя по úлице рабóчий пáрень.

Он и разня́л ребят. Те до́лго молча́ли, не говори́ли, в чём де́ло. А пото́м рассказа́ли. Усмехну́лся па́рень, полёз в карма́н, вы́нул газету́. Ста́ли ребята по скла́дам разбира́ть.

«Декре́т об уничто́жении сосло́вий и гражда́нских чино́в», — прочли́ они́ заголо́вок. А да́лее сообща́лось о том, что вся́кие зва́ния: дворяни́н, купе́ц, мещани́н, а та́кже все ва́жные титу́лы: князь, граф, та́йный сове́тник, ста́тский и про́чие — уничто́жаются и устана́вливается одно́, о́бщее для всего́ населе́ния Росси́и назва́ние — гражда́нин Росси́йской респуб́лики.

Внизу́ шла по́дпись: «Председа́тель Сове́та На́родных Комисса́ров Вл. Улья́нов (Ле́нин)».

— Так что, выхо́дит, вы оба пра́вы, — заяви́л па́рень. — И ты гражда́нин Росси́йской респуб́лики, — показа́л он на Дани́лку, — и ты, — показа́л на Ки́рюху, — и я — все тепе́рь гра́ждане Росси́йской респуб́лики. Для всех простых люде́й Влади́мир Ильи́ч Ле́нин написа́л э́тот декре́т.

Понача́лу, коне́чно, Дани́лке было́ обидно́, что декре́т напи́сан для всех, а не то́лько для него́ одно́го. Одна́ко вско́ре он по́нял, что так да́же лу́чше. Получа́ется, что Влади́мир Улья́нов-Ле́нин нико́го не забы́л: ни Дани́лкиного отца́, ни Дани́лкину ма́ть, ни дру́жков его́, ни прия́телей — всех вспо́мнил. Молоде́ц Ле́нин!

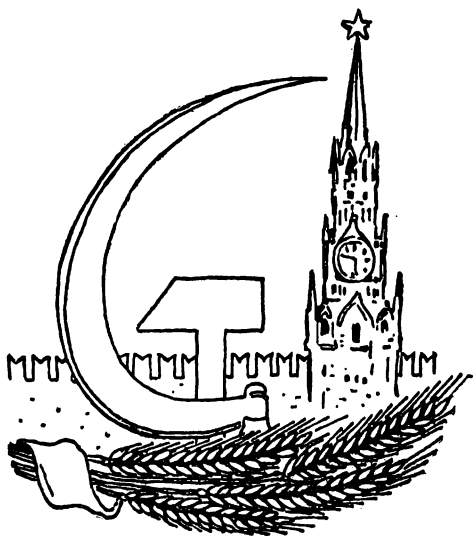
Зато́ гра́фине Щерба́цкой, кня́зю Пирого́ву-Пища́еву, та́йному сове́тнику Горóхову и ста́тскому сове́тнику Арда́тову, ви́димо, ле́нинский декре́т не

В. Серов. В Смольном.

понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо! Ну и скатертью дорожка! Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

Сергей Алексеев

Советский герб

Всё создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого ещё никогда не существовало в истории народов, — герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понёс его Влади́миру Ильичу.

Влади́мир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Миха́йловичем Свердло-

вым, Фёликсом Эдмундовичем Дзержинским и ещё целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть! — И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамлённые снопами пшеницы, внутри перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно!.. — сказал Владимир Ильич. — Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на всех нас. — Мы бьёмся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны и белогвардейцев и интервентов. Но насилие не может главенствовать у нас. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема. Мы должны крепко держать его в руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда... Когда будет провозглашено и осуществлено братство народов во всём мире, меч нам не будет нужен... Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч... — И Владимир Ильич тонко очиненным карандашом перечеркнул меч на рисунке. —

А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и ещё раз обсудим в Совнаркóме¹. Надо это сделать поскорей...

И он поставил на рисунке свою подпись.

Я передал проект герба художнику Андрееву, находившемуся в кабинете Лёнина. Он в то время лепил Владимира Ильича, тихонько сидя на диване. Андреев перерисовал герб, сделал всё как-то рельефней, выразительней и, конечно, удалил меч.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исправленный по замечаниям Владимира Ильича, и был утверждён 19 июля 1918 года.

В гербе Советского Союза тоже есть и серп, и молот, и золотые снопы в лучах восходящего солнца. Под этими счастливыми символами мира и труда живёт советский народ, с ними он идёт в коммунизм.

¹ Совнаркóм — сокращение слов: Совет Народных Комиссаров.

В. Бонч-Бруевич

Рождение Армии

В ту ночь злой февральский вѣтер дул с моря. На всех заводах гудѣли без отдыха гудки. Это Лѣнин звал к Смольному всех, кто готов был сражаться за свою страну. Отечество было в опасности: немцы шли на Петроград.

Лѣнин работал всю ночь. Он писал воззвание к народу.

Иногда он вставал, подходил к окну. Во дворе Смольного горели костры, стояли пулемёты, бойцы в серых шинелях переносили куда-то связки сабель, винтовки.

У одного костра стоял матрос в чёрном бушлате с поднятым воротником. Он всё отворачивался от ветра, присел над костром, грел руки. И, видно, никак не мог согреться. Тогда он выпрямился и пустился в пляс.

Ленин любовался на матроса и вернулся к письменному столу. Он ещё раз перечитал своё воззвание, крупно написал сверху: «Социалистическое отечество в опасности» — и быстро вышел из комнаты в коридор. И тут только вспомнил, что ещё очень рано, ещё ночь и вряд ли он найдёт кого-нибудь из Совнаркома.

Тогда, отдыхая после своего двадцатичасового рабочего дня, он не спеша пошёл по коридору. Коридор был совсем пустой в этот час, и шаги в нём звучали гулко.

У лестницы Ленин остановился. Там, на площадке, стоял около пулемёта молодой солдат, караульный.

— А что, товарищ, можем мы победить врага этим пулемётом? — спросил его Ленин.

— Безусловно побьём, Влади́мир Ильи́ч! — весело ответил солдат.

— Нёмца?

— Нёмца!

— А у него броневики, пушки... сила.

— Всё равно побьём, Влади́мир Ильи́ч!

— И я, товарищ, тако́го же мнѣнія... Вот именно: всё равно побьём.

Лѣнин поверну́лся и тем же ша́гом, не спеша́, пошёл в свою́ ко́мнату. У са́мой ла́мпы всё ещё лежа́ла послѣдняя военная свѣдка: нѣмцы подходили к Пско́ву, гото́вили уда́р по Петрогра́ду.

Если бы имѣть побольше́ таких бойцо́в, как э́тот пулемѣтчик, как матро́с у костра́! А ра́зве их ма́ло? Ну́жно то́лько вре́мя, что́бы собра́ть их, созда́ть свою́ а́рмию.

Но вре́мени ма́ло, враг рвѣтся к сове́тской столи́це.

Чѣрное окно́ в ко́мнате ста́ло се́рым: наступало́ утро. Трево́жных гудко́в бо́льше не́ было слы́шно. Лѣнин прислу́шался. Отку́да-то изда́лека́ донесла́сь му́зыка. Через мину́ту она́ ста́ла гро́мче. Ме́дные тру́бы во́енного оркѣстра игра́ли марш. Раздала́сь кома́нда, в широ́кие воро́та Смо́льного входила́ во́инская часть.

Лѣнин вгля́дывался, сто́я у окна́: бойцы́ были одѣты в корѳткие полушубки, в кру́глых ша́почках.

Оде́жда э́та показáлась ему́ знако́мой. И он вспо́мнил: в тако́й оде́жде встреча́ли его́ сестроре́цкие оруже́йники в ма́рте про́шлого го́да, когда́ он возвра́щался из-за гра́ницы. То́лько тогда́ у них не́ было винто́вок.

Не́бо светле́ло всё бо́льше.

В коридора́х Смо́льного слы́шались ша́ги, го́лоса́.

Дверь скри́пнула, в ко́мнату вошёл секрета́рь.

— Это товарищи из Сестрорёцка? — спросил Лёнин, всё ещё глядя в окно.

— Красногвардейцы, рабочие с Сестрорёцкого оружейного завода. Их девять тысяч восемьсот человек.

Сколько же всех?

По тревожному гудку шли ночью к Смольному кронштадтские матросы, питерские красногвардейцы, верные революции солдаты...

Шли, гремя колёсами, поезда с красными войсками на Нарву и Псков.

23 февраля 1918 года немцам был нанесён первый удар. Их наступление было остановлено.

Этот день стал днём рождения нашей армии.

А. К о н о н о в

Солдатский хлеб

Партия большевиков, взяв власть в свои руки, занялась самыми неотложными делами. Надо было дать народу мир, прекратить войну с Германией, начать царём. Надо было дать крестьянам землю, отобрать её у помещиков. Надо было наладить положение с продовольствием, а положение это к 1917 году стало трагическим¹: люди в городах голодали. Не-

¹ Трагическое — здесь: очень трудное, бедственное.

обходíмы бы́ли срóчные ме́ры, и пра́вительство при́няло их.

Бы́ли неме́дленно отóбраны у капита́листов эше́лоны с муко́й и зерно́м, кото́рые стоя́ли на желе́зно-доро́жных пу́тях в Петрогра́де. Большо́е запáсы муки́ бы́ли обна́ружены в го́роде у круп́ных мукомóлов и владе́льцев бу́лочных.

Благода́ря э́тим ме́рам нам ста́ли выдава́ть по ка́рточкам фунт¹ хлéба в день. Но подвóза из провínции² всё ещé не́ было, и вско́ре сно́ва пришло́сь эконо́мить, уменьша́ть паёк. Так в Петрогра́де мы дошли́ до восьму́шки³ хлéба. И вот наступи́л печа́льный день, когда́ коменда́нт Смо́льного, где находи́лось тогда́ Сове́тское пра́вительство, това́рищ Ма́льков сообщи́л мне, что у нас все запáсы ко́нчились, да́же восьму́шку хлéба нельзя́ вы́дать.

Я заторопи́лся в Управле́ние дела́ми Сове́та На́родных Комисса́ров. Туда́ должны́ бы́ли прийт́и телегра́ммы о том, когда́ Петрогра́д смо́жет получи́ть хлеб из провínции.

Бы́ло о́коло семи́ часо́в утра́. Немно́го спу́стя в Управле́ние дела́ми пришёл демобилизо́ванный солда́т. В то вре́мя уже́ был заклю́чен мир с Герма́нией, и солда́ты ча́сто заходи́ли к нам перед отъё́здом домо́й. Мы снабжа́ли их отпеча́танным в ви́де кни́-

¹ Фу́нт — ру́сская едини́ца ве́са— 409,5 гра́мма.

² Провínция — ме́стность, находя́щаяся вдалеке́ от сто́лицы и́ли круп́ных це́нтров.

³ Восьму́шка (разговóрное) — $\frac{1}{8}$ часть ка́кой-нибудь ме́ры ве́са; здесь — 50 гра́ммов ($\frac{1}{8}$ часть фу́нта).

жечки декрѣтом о землѣ, принятым Совѣтской властью.

Я просматривал почту и попросил солдата обождать меня. Он стоял за барьером, отделявшим большую комнату Управления делами от приёмной, и с любопытством всё рассматривал. В это время ко мне подошла наша буфетчица Маня:

— Как же быть, Владимір Дмѣтриевич? Ведь у нас ничего нет: ни куска сахара, ни ломтя хлѣба, только вот и есть, что чай да соль. — И она показала поднос, на котором стояли два стакана чая и блюдечко с солью. — Как же я понесу это Владиміру Ильичу? Ведь он голодный! — говорила она чуть не плача.

Солдат прислушивался к нашему разговору.

— Ну уж нет! — вдруг громко сказал он. — Кого-кого, а Владиміра Ильича мы прокормим!

И он поворотом плеча скинул со спины солдатский мешок, вынул из-за голенища складной нож, быстро раскрыл его, развязал мешок, достал круглую буханку хлѣба, прижал её к груди и одним взмахом разрезал пополам. Половину буханки он сунул обратно в мешок, а другую, подойдя чётким, солдатским шагом к Мане, положил на поднос, проговорив:

— Вот этот хлѣбушек Владиміру Ильичу.

— Спасибо тебѣ, солдатик! — обрадовалась Маня и тотчас же пошла в кабинет Владиміра Ильича.

Через несколько минут Владимір Ильич отворил дверь своего кабинета и громко, на всю комнату, сказал, обращаясь к солдату:

— Спасібо вам, дорогóй товáрищ! Такóго вкúсного солдáтского хлéба я никогдá ещё не ел...

— Это он? Сам Владíмир Ильíч?.. Ну и ну!.. — растéрянно произнёс солдáт. — Вот какóй он есть, Лéнин... Лáсковый... За такúю бездéлицу, а как сердéчно благодарít!.. Наш он, Владíмир Ильíч-то!..

В. Бонч-Бруевич

Обыкновенные варежки

У дедушки Андрея есть деревянный сундучок.

Много разных интересных вещей в этом сундучке. Есть тут и красноармейский шлем, в котором дедушка когда-то защищал от врагов свою молодую Советскую страну, есть и старая, прокуренная трубка — солдатская радость, и разный плотничный инструмент.

И вдруг среди этих интересных вещей — обыкновенные деревенские варежки. Из грубой овечьей

шёрсти, простой вязки, да ещё заштопанные. Зачем он их бережёт?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да расскажи.

Вот однажды дедушка и говорит им:

— Ну, слушайте. Расскажу вам, какие это варежки... Не простая у них история.

Вскóрости пóсле Октя́брьской револю́ции, зимо́й ты́сяча девяты́сот семна́дцатого го́да, сто́ял я на посту́ у Смо́льного, где помеща́лось пёрвое Советское правительство.

Сто́ял я на посту́ и го́лыми рука́ми держа́л винтовку. Не́ было тогда́ у часовы́х ни варежек, ни перчаток. Трудное́ было́ вре́мя — холо́дное и голо́дное. То́лько что свёргли мы буржу́ев. Зло́бились о́ни на на́шу наро́дную вла́сть.

— Смотри́ зóрче, солда́т, — предупреди́л меня́ карау́льный нача́льник, бра́вый матро́с, — в э́том до́ме сам това́рищ Ле́нин. Понима́ешь, как его́ беречь на́до!

Понима́ю, как же. Я солда́т молодóй, но в Октя́брьских боя́х уча́ствовал, с юнкера́ми сража́лся. Винтовка́ у меня́ на боево́м взво́де. Смотрю́ в оба. А ночь студёная. С чёрного не́ба бе́лая крупá сы́плется. Ве́тер, колю́чий, злой, за по́лы шине́лки рве́т. Ру́ки зноби́т.

Дро́жь меня́ пробира́ет. Топчу́сь, ёжусь, па́льцы дыха́нием гре́ю, а сам ду́маю: «Мне́-то ещё́ ниче́го, каково́ тепе́рь солда́там в око́пах да в чи́стом по́ле!» Замеча́лся я о тёплой родно́й ха́те, о ми́рной жи́з-

ни. Вдруг как фы́ркнет на меня автомоби́ль да как освети́т глази́щами электри́ческими, так я в сто́рону, а штык впе́рёд.

Из автомоби́ля выхо́дит како́й-то челове́к в штáтском пальти́шке, посма́тривает на меня прищу́рившись. За́метил, как я маши́ны напуга́лся, улыба́ется и хо́чет пройти́ в Смо́льный.

Рассерди́лся я. Хочу́ спроси́ть пострóже:

— Ваш-ш про́пуск?

А губы́ замёрзли, и вме́сто грóзных слов проши́ёл я что́-то непоня́тное, как рассерди́вшийся гусь.

Одна́ко незнако́мый челове́к по́нял, что я про́пуск тре́бую. В оди́н карма́н, в друго́й. Ищет — не найдёт. А злю́щий ве́тер и за по́лы пальто́ и за рукава́ так и рве́т, со всех сторо́н холо́дом продува́ет. Зя́бко ему́.

Нашёл всё-таки.

Протя́гивает бума́жку, а я не могу́ как по́ложено рассмотре́ть печа́ть и по́дпись. Па́льцы не разжи́маются, к винто́вке присты́ли.

За́метил он э́то и говори́т сочу́вственно:

— Очень вам хо́лодно здесь, това́рищ.

Поднёс про́пуск побли́же, что́бы я разгляде́л печа́ть.

Показа́л и проше́л по ле́стнице вверх.

Вот и всё.

Он уше́л, а мне не по себе́ ста́ло: заче́м я так до́лго держа́л челове́ка на тако́м злом ветру́? И пальто́ на нём холо́дное, и боти́нки без кало́ш...

Вдруг ви́жу — бежи́т ко мне сам карау́льный нача́льник. Матро́сик наш боево́й. В бескозы́рке. В рас-

пахнутом бушлате. На одном боку револьвер, на другом шашка, а за поясом две гранаты.

— Найманов Андрей, ты что — совсем замёрз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству жаловался?

— Никому я не жаловался...

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй¹ из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах мёрзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы ещё у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток!

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан... Ещё бы! Царя сверг... миллион буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это всё так — сила в нём необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Вождя революции! Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушёл в караулку.

На крыльце обернулся и крикнул весело:

¹ Нагоняй — строгий, сердитый выговор.

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушёл матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и зажглось. Как же это я Ленина на морозе держал, на студёном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки-солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ульянову-Ленину!

Иду, а ноги заплетаются.

Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие — красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: провинился, мол, солдат.

Не помню, как вошёл, как доложился. Приставил руку к папаше, по-военному. Только вижу — лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет-нет, рассматривает меня добрым взглядом. Достает вот эти самые варежки, протягивает мне и говорит:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Это мне одна добрая женщина подарила. Сама связала.

Смотрю — хорошие варежки. Плотные, тёплые. Два пальца отдельно на правой связаны, чтобы удобно было из винтовки стрелять. Для нашего брата солдата очень гожи. Завидую, а брать стесняюсь.

Заметил это Ленин.

— Ничего, — говорит, — берите, берите. Они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

А сам вкладывает эти варежки мне в руку, ласково так, что у меня душа потеплела.

Сказал я спасибо и повернулся кругом...

Дед Андрей умолк, прикрыв ладонью глаза, словно хотел ещё раз увидеть эту милую сердцу картину.

Вздохнул и сказал:

— Давно это было, а вот как сейчас помню... Да, такой-то вот получил я от товарища Ленина подарок. Душевный. Бесценный...

— Бесценный, а не сберёг! — воскликнула внучка Наташа, пионерка. — Все варежки заштопанные. Как же ты мог изорвать ленинский подарок, дедушка?

— Солдатское дело. Они рвались, а я их штопал.

— Ты бы их лучше спрятал, дедушка! — так и всплеснула руками внучка Марisha.

Дед Андрей усмехнулся:

— Зачем их прятать, разве это бриллианты какие? Обыкновенные варежки. Ленин мне их не зря подарил, а для пользы дела.

— Чтобы винтовку лучше в руках держать да врагов бить, непонятные! — крикнул сестрёнкам внучок Яша.

— Так я и делал, — сказал дед Андрей, убирая варежки в сундук. — Врагам спуска не давал, а всем добрым людям был защитой.

Я. Пинясов

Не по уставу

Как-то шёл Влади́мир Ильи́ч ми́мо часово́го и обрати́л внима́ние, что тот бле́ден, едва́ стои́т. Это был курса́нт Алексе́й Булы́чёв. Накану́не он вме́сте с други́ми курса́нтами, свобо́дными от карау́ла, е́здил в лес за дрова́ми и не сумёл как сле́дует отдохну́ть, да и не поёл до́сыта.

Пита́лись курса́нты нева́жно: похлёбка да ржаная́ каша, иногда́ посыпанная са́харом. К тому́ же часть

своего небольшого пайка будущие красные командиры отдавали сиротам, детям погибших бойцов. Эти ребята жили в детском доме.

Курсанты знали, что и Владимир Ильич питается так же.

В казармах Кремля было холодно. Но и в кабинете Ильича было не теплее, чем в казарме. Приложишь руку к изразцам печки — ладонь остаётся холодной. Часовые старались даже виду не показывать, что испытывают невзгоды.

Стоит часовый на посту, дом вспоминает, а под ложечкой сосёт — есть хочется.

А услышит шаг Владимира Ильича, вытянется в струнку и скажет как можно веселее:

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Так сделал и Булычёв.

Владимир Ильич остановился и спросил курсанта:

— Что с вами? Вы больны?

Булычёв ответил ему как ни в чём не бывало:

— Спасибо, Владимир Ильич, ничего, это я так...

— Как это — так? — уже строго сказал Ленин курсанту.

Владимир Ильич пошёл в кабинет и тут же вернулся со стулом в руках.

Поставил стул возле часового и распорядился:

— Садитесь. Вы очень плохо выглядите!

Булычёв растерялся.

— Владимир Ильич, — взмолился он, — часовый на посту не имеет права сидеть. Даже разговаривать не имеет права.

Лéнин улыбну́лся и споко́йно объясни́л Булычёву:
— Вот вы устáв и нару́шили — разговáриваете со мной.

Принёс кусо́к чёрного хлéба с повíдлом и застáвил Булычёва съесть тут же, в его́ прису́тствии.

Часовóй не смел ослу́шаться Председáтеля Совéта Нарóдных Комиссáров, сел на стул и съел хлеб.

Булычёв доложíл о происшédшем карау́льному начальнику и ждал наказáния за нарушéние устáва.

Карау́льный начальник, котóрый отлíчно знал устáв, успоко́ил курсáнта:

— Счита́йте, что никакóго нарушéния не произошлó: вы вы́полнили указáние Председáтеля Совéта Нарóдных Комиссáров Лéнина. А выполня́ть ука́зания Лéнина, — добáвил карау́льный начальник, — обязáн кáждый.

Евгéний Мар

Выстрел врага

В главных мастерских завода уже начался митинг, а во дворе всё ещё стояла огромная толпа народа. Ждали Владимира Ильича.

Наконец в воротах показалась машина. Она остановилась у входа в мастерские. Дверцы машины открылись, и все увидели Ленина.

Владимир Ильич поздоровался с рабочими и про-

шёл своей быстрой походкой в двери мастерских. Все устремились вслед за Лениным, и двор опустел.

Шофёр повернул машину в сторону ворот, оставил её шагах в пятнадцати от мастерских и стал ждать.

Через несколько минут к нему вдруг подошла женщина в чёрном. Она спросила:

— Что, кажется, товарищ Ленин приехал?

Шофёр ответил:

— Не знаю, кто приехал.

Женщина усмехнулась:

— Как же так? Вы шофёр — и не знаете, кого везёте?

Шофёр взглянул на неё: какая настойчивая!

— Не знаю! — повторил он нахмурившись.

Женщина круто повернулась и зашагала к мастерским.

Через полчаса митинг кончился, и двери мастерских распахнулись. На пороге показался Владимир Ильич.

Вслед за ним во двор вышли несколько работников. Остальные рабочие задержались у выхода. Какой-то мужчина в матросской форме остановился в дверях и расставил руки.

— Не напирай! Не напирай! — бормотал он хрипло.

Лицо у матроса было пухлое, глаза беспокойные. На матроса он походил только одеждой.

Упершись руками в косяки дверей, он всё оглядывался на двор.

Рабо́чие подумали, что матро́с охраня́ет Ле́нина, и са́ми ста́ли заде́рживаться у дверёй.

В э́то вре́мя Ле́нин подошёл к маши́не.

Он уже́ взя́лся руко́й за двéрцы, но тут рабо́тницы за́дали ему́ како́й-то вопро́с, и он поверну́лся к ним, что́бы отве́тить.

Вдруг грянул вы́стрел, пото́м сразу́ друго́й. Ле́нин упáл.

Рабо́чие отбро́сили матро́са в сто́рону и рвану́лись к Ле́нину.

Шофё́р вы́скочил из маши́ны с нага́ном в руке́. Он заме́тил у ле́вого крыла́ маши́ны же́нщину — ту са́мую, что спра́шивала про Ле́нина. Он кину́лся к ней, це́лясь из нага́на. Же́нщина побежа́ла и скры́лась в толпе́. Шофё́р бро́сился бы́ло за ней, но, огляну́вшись, уви́дел: Ле́нин лежа́л на земле́.

Шофё́р подбежа́л к нему́, стал на ко́лени, нагну́лся к Влади́миру Ильичу́.

Кто́-то сказа́л:

— Скорéй на́до в больни́цу...

Ле́нин припо́днял го́лову и сла́бым го́лосом проговори́л:

— Нет, домо́й... домо́й...

Шофё́р объя́вил рабо́чим:

— Везу́ домо́й. Ни в како́ю больни́цу не поеду́!

Рабо́чие наклони́лись к Ле́нину, хоте́ли его́ внести́ в маши́ну, но он приподня́лся и сказа́л е́ле слы́шно:

— Я сам...

Лицо́ его́ бы́ло блéдно. С большо́м трудо́м он встал и вошёл в маши́ну. Но сиде́ть не мог и повали́л-

ся бо́ком на сиденье. Шофёр захло́пнул двёрцы и то́тчас же погна́л маши́ну.

А в это время поймали женщину, стрелявшую в Лёнина. Она́ хоте́ла скры́ться в толпе́, но ребя́тшки на дво́ре заме́тили её:

— Вот, вот она́! Это она́ стреля́ла!

Бы́ло это в 1918 году́, 30 августа́.

Рабо́чие и крестья́не Советско́й Росси́и, тру́дящиеся всего́ ми́ра с трево́гой и наде́ждой сле́дили по га́зетам за здоро́вьем Лёнина.

В га́зетах писа́ли, что же́нщину, кото́рая стреля́ла в Лёнина, подосла́ли враги́ наро́да. Они́ отрави́ли пу́-ли си́льным я́дом.

И ра́ны бы́ли тяжёлые: докторá не наде́ялись, что Влади́мир Ильи́ч вы́живет.

Но вот вы́шли га́зеты с ра́достной ве́стью: Лёнин на́чал выздорáвливать.

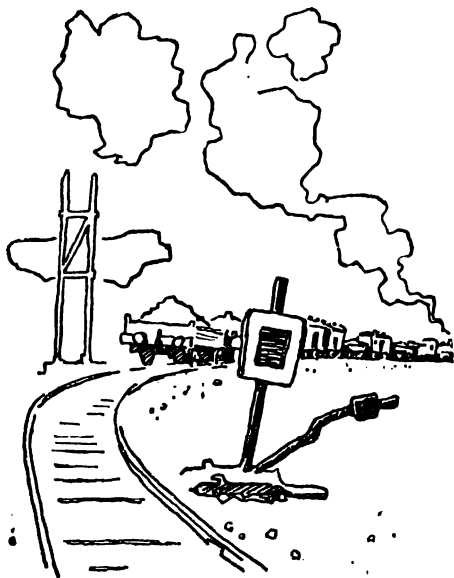
Сно́ва созва́ли ми́тинг на заво́де. Оди́н това́рищ прочёл изве́стие о том, что Лёнину ста́ло лу́чше. По́сле него́ подняла́сь на трибу́ну ста́рая рабо́тница и сказа́ла, запла́кав:

— Ма́ло мы берегли́ его́... Вот... не уберегли́ от пу́ли. Как си́льно боле́л-то Ильи́ч!

Пото́м помолча́ла, посмотре́ла на своих това́рищей и гро́мко сказа́ла то, о чём ду́мали все:

— Ве́дь это како́е сча́стье, что у нас есть Лёнин!

А. Кононов

Помощь иваново- вознесенцам

Конёц 1918, начáло 1919 гóда. В Ивáнове-Возне-
сёнске оченъ тяжёлое положёние. Нет то́плива —
фа́брики останáвливаются, нет хлéба — рабóчие го-
лода́ют. В Москвú к Лéнину направл́ются предста-
вители ивáново-вознесёнцев: проси́ть о по́мощи тек-
сти́льщикам. В состáве делегáции четы́ре челове́ка,
в том числé и я, бýвший в ту по́ру председа́телем
«Районтексти́ля» и члéном бюрó губсовнархóза.

О нашем приезде знали в Москвѣ, и пропуска в Кремль, к Лѣнину, были готовы заранее.

Шутка сказать, сколько лет минуло ужѣ с тех пор, а в памяти отчётливо сохранились все подробности этой волнующей встречи...

Владимир Ильич работал в своём кабинетѣ.

Как только мы вошли в комнату, он поднялся навстрѣчу, и тёплая, привѣтливая улыбка озарила его лицо:

— А-а, иваново-вознесѣнцы!

Ильич пожал каждому руку, усадил нас перед столом и, пристально поглядывая то на одного, то на другого, начал:

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, что там у вас?

От его простого, дружелюбного тона сразу стало теплее, веселее на душе.

Лѣнин расспрашивал, как идут дела на предприятиях, какіе настроѣния у рабочих...

— Что с хлебом? — первым тревожно задал вопрос он.

Григорий Королѣв, руководитель нашей делегации, передал Лѣнину просьбу иваново-вознесѣнских ткачей. Он упомянул о разрухе, вызванной войной, о бедственном положѣнии на фабриках, и лицо Ильича помрачнѣло, глубокая складка легла на лбу.

— Да-да, знаю, товарищи! Примем меры. Иваново-вознесѣнцам помощь надо оказать непременно...

Владимир Ильич придвинул к себѣ простенькую

стеклянную чернильницу и быстро начал делать какие-то пометки.

Полчасá, котóрые мы провели в его кабинетe, пролетели словно минуты. Прощаясь, Ильич снова поднялся из своего плетёного креслица, крепко потряс руку каждому из нас и, уже весело улыбаясь, сказал:

— Передáйте рабочим Ива́ново-Вознесёнска, что Москва о них знает, что Москва помнит о них!

В глубоком молчании, вспоминая каждое слово вождя, мы шли из Кремля. Вот оно, сердце нашей республики, её воля и мозг — Лénин! Сотни дел у него, тысячи забот — и больших и маленьких, но для всего наш Ильич найдёт время, ни о чём не забудет, всё сделает...

Через несколько дней в Ива́ново-Вознесёнск пришли дополнительные составы с зерном и углём. На юг отпáвились продотряды. И наши ребятíшки, держа в руках кусок хлеба, серьёзно говорили:

— Это дядя Лénин прислал...

Тимофеев,
ива́ново-вознесёнский
рабочий-текстильщик

Делегат с Урала

Комендánt внимáтельно посмотре́л на стоя́вшего перед ним ма́ленького челове́ка в ры́жей, потре́скавшейся ко́жанке. Тот зя́бко ёжилс́я и дыша́л, как на морóзе. Каза́лось, что он сейча́с начне́т стуча́ть зу́бами.

— Вы́пей ча́ю!..

— Нет... не могу́! — сда́вленным го́лосом отве́тил Аванга́рд.

Комендант ободряюще похлопал его по плечу:

— Ты не волнуйся, землячок, не нервничай... С Владимиром Ильичём очень легко разговаривать... Он и сам слушает, и вопросы задаёт... Не торопись — отвечай спокойно, и всё будет в порядке...

Авангард молча кивнул головой.

— Отправились! — сказал комендант. — Назначено на одиннадцать!..

Прошли несколько постов. Пощёлкивая, взлетел лифт — ещё не виданная Авангардом диковина. Он скользнул по ней невидящим взглядом и сразу же забыл.

Потом он переступил порог светлой комнаты, где стояли простые столы и стулья, заваленные бумагами, слышалось стрекотание машинки.

Женщина, сидевшая за столом, подняла на него строгие глаза:

— Садитесь, товарищ!

Он сел на кончик стула. Хотелось откашляться, в горле застрял комок.

Женщина коротко спросила его, откуда он прибыл, кем делегирован¹, цель приезда.

— Вы имёете передать что-нибудь товарищу Ленину?

Авангард достал конверт и бумажку с печатью ревкома.

— Посидите! Я сейчас вернусь!

Она взяла письмо, бумажку и вышла в соседнюю

¹ Делегировать — послать делегатом, выбрать представителем.

комнату. Авангáрд опáсливо и негрóмко откáшлялся. Не помоглó — вязкий комóк так и остáлся в гóрле. Он посмотрéл на дверь, кудá скры́лась жéнщина, и ему́ представился бесконéчный ряд комнaт, однá за друго́ю, а гдé-то в концé — огрóмный зал, где сидít Лéнин...

«А мóжет, и не допúстят — тóлько передадúт конвёрт, и всё!»

Он потрóгал лежáвший в кармáне старíнный мéдный пята́к, котóрый всегда́ носíл с собо́й, и загада́л: «Если орёл — пúстят, ёсли рéшка — нет!»

Откры́лась дверь из комнaты.

Авангáрд покраснёл, уронíл монету. Она́ звя́кнула óб пол и закатíлась под стул. Ему́ показáлось, что жéнщина смóтрит на него́ насмéшливо и неодобрíтельно. «Поднимáть пята́к íли нет?» — в смятении думал он.

— Вы мóжете пройти́ к Владíмиру Ильичу́, — сказа́ла жéнщина. — Вот сюда́, пожа́луйста!

Авангáрд встал, сде́лал нёсколько неуве́ренных шаго́в к двéри, потянúл рúчку, дверь не поддава́лась. Он беспóмощно оглянúлся.

Жéнщина улыбу́лась, и лицó её ста́ло добро́душным.

— Толка́йте от себя́!

Он толкну́л дверь, остано́вился. Ослепíteльные пото́ки свёта лили́сь сквозь протёртые, блестящие стёкла, пыль крути́лась затéйливым столбóм, насквозь вы́золоченная со́лнцем. Он стоя́л жму́рясь, ничего́ не ви́дя перед собо́й.

— Входите, товарищ, садитесь! — услышал он приятный, чуть хриловатый голос. — Я сейчас освобожусь!

Значит, не существует никаких комнат и залов. Только несколько шагов до стола, за которым сидит Ленин.

Авангард дошёл до кресла и сел. Кресло было мягкое и очень глубокое. Крышка стола оказалась почти вровень с его глазами, и первое, что он увидел, был прибор из уральского камня, блестящий на солнце яркой полировкой. Рядом лежал аккуратно надрезанный конверт.

Вид этих вещей, ехавших с ним так долго, подёргивал успокоительно. Он перевёл взгляд выше и увидел Ленина, сидевшего на стуле с высокой спинкой.

Наклонившись, прижав ухо к телефонной трубке, Ленин напряжённо слушал, рука с карандашом быстро бегала по бумаге.

Осторожно, точно боясь произвести шум, Авангард повернул голову и осмотрелся. Шкафы и полки с книгами, кожаный диван, портрет Маркса в раме. По стенам большие географические карты. Похоже на их школьную учительскую, только здесь дверей больше — целых три. За одной дверью слышалось постукивание телеграфного ключа.

Авангард снова украдкой взглянул на Ленина. Как раз в этот момент Ленин откинулся на спинку стула и рассмеялся в трубку: «Не можете отвыкнуть от твёрдого знака? А вы, батенька, дома специально

поупражняйтесь!» Он положил трубку, встал и протянул руку:

— Здравствуйте, товарищ! Извините, что заставил ждать! — Глаза на его смуглом лице шурились, улыбались, белый мягкий воротничок чуть свернулся набок.

Авангард посмотрел на него с радостным изумлением. Томительное чувство, подкатывавшее всё утро к сердцу, ушло бесследно, стало легко и просто.

— Начнём вот с чего! — сказал Ленин. — Вы сегодня ели что-нибудь? Завтракали?.. Только правду!

Этот вопрос застал Авангарда врасплох. Он часто заморгал рыжими ресничками. Что же делать? Ложь с первого слова? И всё же надо решиться...

— Я завтракал! — храбро сказал он. — Чай пил у коменданта!

— Правду говорите? — Ленин пытливо взглянул на него. — Ну, тогда садитесь поудобнее и будем толковать! — Он поискал что-то на столе. — Простите, запаматовал фамилию.

— Мальцев... Авангард! — сказал Авангард и покраснел так густо, что веснушки на его лице сделались невидимыми.

Но Ленин, кажется, ничего не заметил. Он мягко спросил:

— Сколько товарищей сопровождало вагоны?

— Сопровождало нас двое!.. — бодро начал Авангард и остановился.

Больше он ничего сказать не мог. Напротив висела карта, испещрённая стрелами. Взгляд его скольз-

нёл по витой линии Уральского хребта. Где-то здесь начало пути... И точно опрокинулись на него разом трясские дни и ночи, захлестнули до горла. Как рассказать об этом?!

Но тут пришла помощь. Быстрые, короткие вопросы повели его вперёд, не сбивая и не давая оглядываться по сторонам. И вот станция Липская, зарево над далёким лесом, Башкатов с винтовкой за плечом...

— Да, дорого мы платим! — сказал Лёнин. Глаза у него сузились, потемнели, пальцы стиснули карандаш. — Не хотят отдавать нам хлеб... — добавил он медленно и угрожающе. — Хотят взять нас измором!..

«Вот Лёнин узнал о Башкатове», — подумал Авангард.

Лёнин что-то отметил в раскрытой тетрадке, внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Вы плохо выглядите! — неожиданно сказал он. — Устали? Нездоровы?

— Нет, я очень здоров! — торопливо ответил Авангард. — И не устал, нет!

Он чувствовал, что эти короткие, быстрые вопросы подбираются к нему всё ближе и ближе. Он даже вздохнул потихоньку...

Да, так и есть — Лёнин спрашивает о родителях, о школе, в каком он классе, как занимается, как живёт...

— Кончил трёхклассную школу... — упавшим голосом начал Авангард. Он страдал сейчас оттого, что

и здесь разговор пришёл к этой неизбежно тягостной теме. — Потом в городском четырёхклассном училище. Перешёл в четвёртый класс... И потом как раз произошла революция... А потом...

— Захватила политическая деятельность! — закончил за него Лёнин.

— Да! — растерянно согласился Авангард и весь как-то сник в своём мягком кресле. Следующий вопрос может превратить его просто в неуспевающего ученика, который два года числился в четвёртом классе.

Но вопросы, устремлявшиеся к нему, точно стрелки на карте, висевшей перед глазами, вдруг побежали в стороны. «Есть ли саботажники¹ среди учителей? — спрашивал Лёнин. — Получают ли учащиеся завтраки? Каков состав учащихся? Какая политическая работа ведётся среди учеников и кто её возглавляет?»

У Авангарда заблестели глаза. Да это же его жизнь! Он всё знает здесь!

Но опять быстрые и точные вопросы направили его к главному.

Когда он рассказывал, как они, комсомольцы-учащиеся, демонстративно порвали с ОУЧем, Лёнин нагнулся, переспросил:

— С кем порвали?!

Авангард объяснил, что ОУЧ — это Объединение

¹ С а б о т а ж н и к — человек, который уклоняется от исполнения своих обязанностей или умышленно недобросовестно относится к своей работе.

учащихся, но там засели скауты¹, бывшие гимназисты, которые только и знают, что устраивать танцульки с фантами...

Он вспомнил фразу из резолюции, принятой уком комсомола: «ОУЧ портит наше классовое сознание и уводит в сторону от пролетарской революции!»

Ленин сощурился:

— Кто это сказал?

— Это мы сами! — с самолюбивой ноткой в голосе ответил один из авторов резолюции — Авангард.

— Мысль верная, но шаг неверный! — серьезно сказал Ленин. — Не надо было выходить из объединения! Наоборот, на каждом собрании нужно разоблачать всю эту обывательскую² чепуху... Разъяснять молодёжи, с кем ей идти... Вы согласны?

Авангард молчал. У него начали гореть уши.

— Позвольте нескромный вопрос, — чуть улыбнулся Ленин. — Сколько вам лет?

Опять стрелки повернулись в его сторону, подобрались вплотную.

— Скоро шестнадцать! — ответил он с затаённой грустью.

— Скоро шестнадцать! — повторил Ленин. — Чудесно!.. Начало жизни. Но уже многое пережито и понято! Найден верный путь! — Глаза его заискри-

¹ Скаут — член детской буржуазной организации в дореволюционной России и капиталистических странах.

² Обывательский — мешанский, отсталый, косный.

лись. — С белогвардейцами скоро покóнчим, начнём восстанáвливать, стрóить... Вы уралец, да? — бýстро спросил он. — Знáете, кем вы должнý стать? — Он торжествýюще посмотрёл на Авангáрда и сам отвéтил на свой вопрос: — Гóрным инженерóм! Обязáтельно! Учítься бýдем! — сказáл он со стрáстной настóйчивостью. — Все пойдём учítься!

Авангáрд смятénно улыбнýлся.

Он вспóмнил о сво́их друзьях, о сво́их ребятах, увéшанных ору́жием. И сам он дýмал тóлько об однóм: конь, грызýщий мундштýк¹, роняющий не-терпеливую пéну, каза́цкая бýрка и́ли гимнастёрка в туги́х ремня́х, са́бли и планшét через плечó, как у того́ краскóма², котóрый принимáл в Торцóве парáд всеóбуча...³

Низким бáсом загудёл на столé телефон. Лéнин снял трýбку.

— Хорошó! — сказáл он и покосýлся на часы. — Сейчáс тридцать семь минýт двенáдцатого... Давáйте рóвно в двенáдцать. Предупредите, чтóбы никаких опоздáний.

Гóлос прозвучáл рéзко, повелительнó. Авангáрд невóльно съёжился в крéсле: «Чегó я сижу́? Нáдо ухóдить».

Лéнин положил трýбку, повернýлся к немý. От не-дávней стрóгости и следá не остáлось.

¹ Мундштýк — здесь: металлический прибор для управления верховой лóшадью.

² Краскóм — сокращéние слов: краснýй командёр.

³ Всеóбуч — сокращéние слов: всеóбщее обучéние; здесь: всеóбщее военное обучéние в пёрвые гóды револю́ции.

— А вот продүктов вы мне привезли слишком мно́го, сто́лько и не съесть! — Глаза́ его́ вёсело сощу́рились. — Но я не протестую... У нас есть сла́бые, больные́ де́ти... Вот мы их и подкормим. А вам не холодно в этой ку́рточке? — вдруг спросил он. — Вы не замерза́ете?

— Кто? Я? — Аванга́рд усмехну́лся. — Мы, ура́льцы, привы́чные к морозу!

— Это хорошо́! — улыбу́лся Ле́нин. Придвину́в блокно́т, он стал что́-то писа́ть, не прерыва́я разгово́ра. — Я тут пишу́ ма́ленькое письмецо́ То́рцевскому ре́вкому, това́рищам красноа́рмейцам и рабо́чим. Их по́мощь для нас бесце́нна. И за э́ту чуде́сную вещь... — он посмотре́л на черни́льный прибор, — больша́я благода́рность... Приятно́ знать, что она́ сде́лана на на́шей, сове́тской фа́брике.

Запеча́тав конве́рт, он взял со сто́ла бума́жку и прочёл вслух:

— «То́рцевский ре́вком... ходата́йствует...¹ газе́тного шри́фта, клише́...² пишу́щую маши́нку... литерату́ру, плака́ты! Гм!...»

Он задума́лся, осто́рожно обмакну́л перо́ и написа́л не́сколько слов.

— Все́ ещё адре́сую това́рищу Свердло́ву... — глу́хо сказа́л он и положи́л перо́. В кабинéте слы́шалось то́лько тика́ние часо́в. — Он то́же ура́льский рабо́тник... Повида́лся бы с ва́ми обяза́тельно!

¹ Ходата́йствовать — проси́ть.

² Клише́ — рисо́нок, сде́ланный на металличе́ской, дере́вянной или ка́менной доске́, для печа́тания.

Мѣдленным движеніем Лѣнин отложилъ в сторону листокъ и вѣрвал из блокнота другой.

— Так! — сказалъ он, крѣпко потирая высокий лоб. — Отдайте это в секретариате. Постараемся удовлетворить все ваши просьбы...

Авангард поднялся с кресла. Пора прощаться, пора уходить.

Лѣнин встал из-за стола, подошелъ к нему:

— Хотите отдохнуть под Москвой? Отдышаться немного...

Авангард посмотрѣлъ на человека, стоявшего рядом, на его усталое, желтовато-смуглое лицо с зоркими, поблѣскивающими глазами.

— Нет... Владимір Ильич. (Как просто и легко сказалоcь вдруг это!) Надо обратно ѣхать! Меня ждут!

Лѣнин подошелъ еще ближе:

— Когда доберешься к себѣ, — сказалъ он тихо, — передай товарищам, чтобы учились! Скажи, что я их прошу...

— Скажу! — отвѣтил Авангард и заторопился. Что-то задрожало в горле, горькая, щиплющая влага наполнила глаза.

Лѣнин дошелъ с ним до двѣри, крѣпко сжал ему руку.

— До свиданія, урадец! Счастливого пути!

Леонід Радіщев

Ленин у детей

Это было зимой 1919 года. Здоровье Надежды Константиновны ухудшилось, и врачи советовали ей пожить за городом. Решено было устроить её в Сокольниках, в лесной школе для туберкулёзных детей, которой я тогда заведовала. Однажды вечером меня вызвали к телефону и сообщили, что к нам приедет Владимир Ильич.

Необычайное волнение охватило всех. Начались суетливые приготовления к встрече. Ребята поминутно выбегали в переднюю, я дежурила у стеклянной двери. Наконец мы увидели, как во двор въехала машина и остановилась у подъезда.

Я впервые видела Ленина...

Ленин со всеми приветливо поздоровался за руку. Вдруг неистово¹ залаяла вбежавшая с ребятами собачка Бобка. Владимир Ильич нагнулся к собачке и весело сказал:

— А-а, позвольте познакомиться: как вас зовут?

— Бобка! Бобка! — закричали дети.

— А, товарищ Бобинский! — и взял Бобку за лапку.

Когда Ленин снял шубу, ребята обступили его со всех сторон.

Тут появилась вторая любимица ребят — кошка Муська. Владимир Ильич с увлечением начал играть с Бобкой и Муськой, ребята хохотали, началась веселая возня. Всем стало так весело и легко, а сам Владимир Ильич был так обаятелен и прост, что смешными и ненужными показались все наши приготовления к торжественной встрече.

Мы обошли все комнаты, я предложила Надежде Константиновне лучшую спальню с балконом, но Владимир Ильич категорически протестовал. Ленин не хотел лишать ребят хорошей комнаты и выбрал маленькую, скромную спальню.

¹ Неистово — необычайно сильно, буйно, безудержно.

Когда мы обходили спальни, Влади́мир Ильи́ч спроси́л:

— Чем вы, со́бственно, ле́чите ребя́т?

Я показа́ла висе́вший на стене́ гра́фик режи́ма дня. Огро́мное ме́сто в нём бы́ло отве́дено пребы́ванию на све́жем во́здухе. Влади́мир Ильи́ч одо́брил э́то.

Де́ти пригласи́ли Влади́мира Ильи́ча посмотре́ть масте́рскую, где о́ни гото́вили игру́шки к ёлке; ка́к-то незаме́тно одна́ из де́вочек оказа́лась у него́ на плеча́х. Де́вочка бы́ла ма́ленькой, то́лстенькой, и Влади́мир Ильи́ч называ́л её «Колобо́к».

Де́вочка, масте́рившая лису́ из ме́ха, спроси́ла Влади́мира Ильи́ча:

— А вы бы мо́гли так сде́лать?

— Не зна́ю, мудре́ная штука! — отве́тил он.

Уезжа́я, Влади́мир Ильи́ч тепло́, как ста́рый зна́комый, со все́ми попроща́лся и предупреди́л, что за́втра же прие́дет с Наде́ждой Константи́новной.

На сле́дующий день о́ни прие́хали. И Влади́мир Ильи́ч пре́жде всего вручи́л мне продо́вольственные ка́рточки Наде́жды Константи́новны...

...Влади́мир Ильи́ч при все́й загру́женности ча́сто навеща́л Наде́жду Константи́новну, хотя́ бы совсе́м ненадо́лго — на полча́сика. Он ежедне́вно осведомля́лся о её здоро́вье и проси́л меня́ звони́ть ему́.

Влади́мир Ильи́ч о́чень люби́л слу́шать пе́ние на́ших ребя́т. У нас бы́л хоро́ший хор в шко́ле, и, когда́ он приходи́л к Наде́жде Константи́новне, ребя́та пе́ли для него́. Бо́льше всего́ люби́л Влади́мир Ильи́ч в

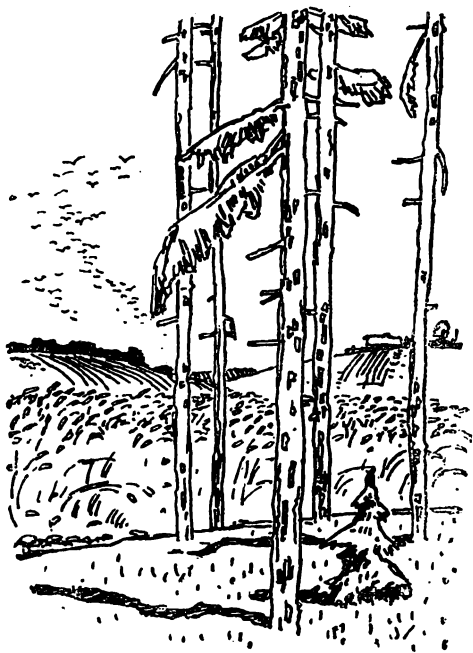
исполнѣнии на́шего х́ора старѣнную ру́сскую пѣсню «Уж как во поле кали́нушка стои́т», рассказы́вающую о пленѣнном солóвушке. Куплѣт о том, как «солóвушка в нево́ле не поѣт, он воды́ не пѣет и зѣрен не клюѣт», о́собенно трóгал Влади́мира Ильича́. Ребѣ́та э́то замѣ́тили и повто́ряли его́ с большо́й вырази́тельностью.

19 января́ в шко́ле устраи́вали ёлку, пригото́вили пѣску «Са́нки-самокáтки». Ребѣ́та пригласи́ли Влади́мира Ильича́. По поручѣ́нию Ле́нина привезли́ мно́го гости́нцев: я́блок, черносли́ва, конфѣ́т. Всѣ́ бы́ло гото́во, го́сти собрали́сь; с на́ми бы́ла Наде́жда Константи́новна. Уже́ вре́мя начина́ть, а Влади́мира Ильича́ всѣ́ нет. Позвони́ли в Кре́мль, отту́да отве́тили, что Ле́нин да́вно вы́ехал. Уже́ сыгра́ли спекта́кль, как вдруг вошли́ Влади́мир Ильи́ч и Мари́я Ильи́нична. Ока́зывается, в пу́ти задержа́лись.

Ребѣ́та повто́рили свою́ програ́мму. Влади́мир Ильи́ч был о́чень оживлѣ́н, шути́л, игра́л с ребѣ́тами. Ве́чер зако́нчился выступлѣ́нием пригла́шенных арти́стов.

В па́мять э́того дня́ в на́шей лесно́й шко́ле ежего́дно устраи́вали ёлку 19 января́.

Ф. Л. Хале́вская

Ленинская десятина

— Лёнина, Лёнина не забудьте, Володимира Ильича! — кричал при разделе барской земли Ив́ан Переплётов.

Да разве крестьяне забудут! Ещё с в́ечера они́ реши́ли вклю́чить в числ́о наделя́емых Лёнина.

— П́равильно.

— От него́ всё пошл́о.

— Пусть и он землею попользуется.

Долго выбирали участок. Старались, чтобы по-лучше. Спорили, где, с какой стороны села. Выбирали так, чтобы не очень сыро, чтобы не очень сухо, чтобы суглинок¹ с примесью чернозёма. Отмерили десятину. Написали в Москву: мол, приезжай, Владимир Ильич, вступай во владение.

Вскоре прибыл ответ.

Ленин благодарил крестьян за внимание. Просил его извинить. Не сможет он сейчас заняться хлебопашеством. В Совете Народных Комиссаров много у Ленина разных дел. Кончалось письмо тем, что Ленин советовал крестьянам поступить с десятиной по собственному усмотрению.

— Это верно, ему сейчас не до земли, — говорили крестьяне.

— Нельзя отрывать от дел государственных.

— А всё-таки жаль — хорошее было бы соседство.

Успокоились мужики. Вот только задал задачу Ленин: «поступить по собственному усмотрению». Нет бы написать точно, что с десятиной сделать.

Решали крестьяне, решали, думали, думали...

Наконец порешили так: десятину никому другому не отдавать, не делить. А оставить её для общего пользования. Обрабатывать её сообща, сообща собирать урожай. А затем хранить его в общем амба-

¹ Суглинок — почва, содержащая глину и значительное количество песка.

ре. Умно́ получилось. Есть в крестьянских запасах общественный фонд зерна. Случится какая беда — общественный фонд выручает.

Недорóд¹ у Пахóмовых. Голодáть бы им, залезáть в долги, а тут получáй подмóгу от Лéнинской десяти́ны.

Ма́ло ли нужд у крестья́нства! Реши́ли купи́ть молотилку. Не на́до бéгать по íзбам — рублѝ выколáчивать. Прóдали общественный хлеб — везу́т молотилку.

Или, ска́жем, соберу́тся крестья́не:

— А не послáть ли рабóчим гости́нец?

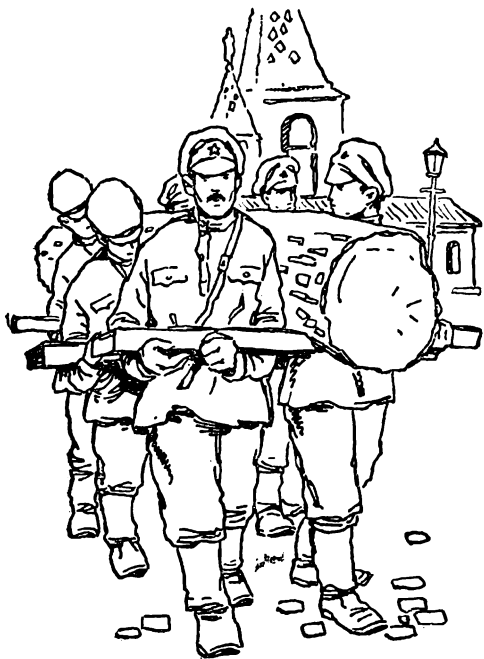
— Послáть, непременно послáть!

Гру́зят мешки́, пи́шут письмó: «Хлеб не простóй, с Лéнинской десяти́ны».

Прошлó де́сять лет. Ста́ли возникáть в сёлах колхóзы. Обобщѝли крестья́не зéмлю и скот. В óбщем колхóзном пóле тепѣрь десяти́на. Да не затеря́лась она́. Не забы́та. Вѣчна наро́дная па́мьять.

¹ Недорóд — неурожáй.

Серге́й Алексе́ев

На субботнике

Первое мая — день боевой международной пролетарской солидарности — в 1920 году в нашей стране было объявлено днём Всероссийского субботника. В этот день работали всюду.

В то время я был курсантом Первых кремлёвских пулемётных курсов. В Кремле, кроме нас, курсантов, работали на субботнике сотрудники ВЦИКа и Совнаркома.

...Нашей группѣ пришлось работать на Ивановской площади, у памятника Александру II; здесь же работал и Владимир Ильич. Вначалѣ Лѣнин работал с комиссаром курсов Борисовым, потом напарником у него стал курсант Пермяков. Онѣ носили пяти-шестиметровые бревна. Курсант, зная состояние здоровья и возраст Лѣнина, старался брать утолщенный конец бревна. Ильич это быстро замѣтил и стал опережать курсанта. Тогда курсант сказал Владимиру Ильичу:

— Зачѣм вы это дѣлаете? Ведь я моложе вас, и для меня эта тяжесть больших трудов не составляет.

Лѣнин, усмехаясь, отвѣтил курсанту:

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше.

Когда перенесли бревна, стали носить огромнейшие дубовые кряжи¹. Их переносили на палках по шесть человек. На этот раз мне посчастливилось несколько раз работать в одной группѣ с Лѣниным. Почему несколько раз, а не всё время? Да потому, что каждому хотѣлось поработать с Ильичѣм, и почти после каждого перекура² курсанты менялись.

Когда мы носили дубовые кряжи, со всех лил пот: кряжи были очень тяжелые, а день был жаркий. Однако Владимир Ильич всегда старался быть впереди и брать то, что тяжелее. Мы не могли равнодушно смотреть на это, но он и слушать не хотѣл

¹ Кряж — толстый короткий обрубок дѣрева.

² Перекур — перерыв для того, чтобы отдохнуть, покурить.

В. Цыплов. В. И. Ленин с крестьянами.

наших уговоров. Тогда один из нашей группы подошёл к Ленину и сказал:

— Владимир Ильич, зачем вы это делаете? Идите лучше в Совнарком. Ведь вас там, наверное, ждут, а здесь мы и без вас управимся.

Владимир Ильич сильно обиделся. Он несколько раз прошёлся туда и обратно, потом подошёл к этому товарищу, взял его за плечи, громко рассмеялся и сказал:

— Зря вы, батенька мой, выпроваживаете меня. Всё равно ничего из этого не выйдет: я не уйду. Сейчас эта работа самая важная.

Работать с Владимиром Ильичём было очень легко и хорошо. Он был очень внимателен и каждого из нас спрашивал:

— А вы, товарищ, не устали?

Ильич много шутил и заразительно смеялся. Наши робость и стеснительность, появившиеся вначале, исчезли. Мы чувствовали себя с ним совершенно свободно.

Как-то во время отдыха все сели на бревно. Сел с нами и Владимир Ильич. Мы закурили. Ильич посмотрел на нас и сказал:

— Ну, что вы в этом куреве находите хорошего? Ведь табак — это яд. Он разрушает ваше здоровье.

А мы, в свою очередь, спросили его:

— А вы, Владимир Ильич, когда-нибудь курили?

— Да, в юношеские годы как-то закурил, но бросил и больше этим не занимался.

Владимир Ильич ушёл с работы до окончания суб-

бóтника, так как за ним пришлѣи и сказа́ли ему́, что порá ѣхать на закла́дку па́мятника Ка́рлу Ма́рксу. Уходя́, Ильи́ч попроща́лся с на́ми, пожела́л успе́шно за́кончить рабо́ту.

Так рабо́тал Ле́нин в э́тот истори́ческий день, подава́я ли́чный приме́р дисциплини́рованности, трудолю́бия, настоя́щего това́рищества.

Ф. Со́лодов

В простой крестьянской избе

Это было 15 декабря 1920 года. Много времени прошло с тех пор, а я, как сейчас, помню все радостные события того зимнего праздничного дня. В памяти, словно живой, встаёт человек, который перевернул нашу жизнь.

Началось всё это просто. Из Москвы по деревне

Модёново ёхал легковóй автомобíль. Хотя маши́ны в то вре́мя и бы́ли в ре́дкость, но никто́ не обрати́л на э́то о́собенного внима́ния. Автомоби́ль подъёхал к до́му охóтника И. П. Но́викова, остано́вился. Из маши́ны вы́шли три челове́ка. Дво́е ушли́ в лес, а тре́тий — в чёрном пальто́, в ша́пке-уша́нке, в простых ва́ляных сапога́х — пошёл по дере́вне. Встреча́ясь с крестья́нами, он загова́ривал с ни́ми, расспра́шивал, как о́ни живу́т. Никто́ и не подозрева́л, что с ни́ми говори́т сам Ле́нин.

Весть о том, что э́то Влади́мир Ильи́ч, пе́рвыми разнесли́ ребя́тишки. По дере́вне из до́ма в дом с бы́строто́й мо́лнии прошла́ ра́достная весть:

— Ле́нин приё́хал!

— Ле́нин!

— Вон он хо́дит по дере́вне.

Вскóре об э́том узна́ли и в сосе́дних селе́ниях.

Бы́ло решено́ посла́ть ему́ запи́ску, пригласи́ть на собра́ние сде́лать докла́д. Написа́ли ко́ротко и про́сто: «Вождю́ всеми́рной револю́ции това́рищу Ле́нину от и́мени гра́ждан дере́вни Модёново. Про́сим вас к нам на бесе́ду» — и посла́ли с на́рочным¹. Ждём, волну́емся: согласи́тся Ильи́ч и́ли нет, а где́-то в глубине́ ду́ш у ка́ждого те́пи́лась уве́ренность — приде́т, ведь он для простых люде́й всё равно́ что о́тец родно́й. Вскóре вороти́лся на́рочный. Глаза́ его́ свети́лись сча́стьем:

¹ На́рочный — челове́к, посыла́емый с ка́ким-нибудь спёшным и ва́жным поруче́нием.

— Придёт. Только сказа́л, что́бы наро́ду собра́ли побольше да избу́ выбрали попросторнее.

Не мно́го было́ тогда́ в Модёнове просторных изб. Бе́дно жи́ли крестья́не. Са́мым большо́м оказа́лся дом Праско́выи Афанáсьевны Ко́четовой (Шанда́ровой). В него́ и собра́лись мы. Пришли́ модёновские лю́ди, лю́ди из други́х деревень. Мно́гие не помести́лись в избе́, большо́я толпа́ стоя́ла на у́лице. Сиди́м, ждём.

Влади́мир Ильи́ч вошёл бы́стрыми шага́ми, поздоровался со все́ми, обходя́ скаме́йки, пожа́л ка́ждому ру́ку.

— Ну что ж, начнём. Выбира́йте председа́теля и секретаря́.

Меня́ выбрали́ секретарём, а Васи́лия Гага́рова — председа́телем. В пове́стку дня включи́ли четы́ре вопро́са: 1. Докла́д това́рища Ле́нина о теку́щем мо́менте; 2. О хóде револю́ции; 3. Продово́льственный вопро́с; 4. Теку́щие дела́.

Ле́нин разде́лся, снял ша́пку, положи́л на стол карма́нные часы́ и нача́л докла́д. Он говори́л о том, что положéние в стране́ улучша́ется, что мир с По́льшей ско́ро бу́дет подпи́сан оконча́тельно, что сейча́с ну́жно взя́ться за восстано́вление промыш́ленности и тра́нспорта, что па́ртия разрабо́тала план электрифика́ции страны́, и о мно́гом друго́м.

Перед на́ми вставáла карти́на большо́й обновлённой страны́, карти́на грядущего наро́дного сча́стья.

Собра́ние ко́нчилось. Все сидéли взволно́ванные. Ле́нин прости́лся и вы́шел. Тогда́ я вспо́мнил о про-

токо́ле: как же быть? Ведь Лёнин не подписа́л его́. Пожа́луй, нам и не пове́рят, что у нас он выступáл.

Мы с Гага́ровым вы́шли на у́лицу. Влади́мир Ильи́ч встрéтился нам в сенях до́ма Но́викова.

— Влади́мир Ильи́ч, протоко́л не подпи́сан.

— А ра́зве э́то ну́жно? — спра́вился¹ он и тут же бы́стро реши́л: — Ну, е́сли ну́жно, дава́йте подпишу́.

Он положи́л протоко́л на стéнку и написа́л:

По́дпись докла́дчика —

Сов. Нар. Ком. *В. Улья́нов (Лёнин)*

...Внима́тельный, отзы́вчивый челове́к — та́ким он и оста́лся в на́шей па́мяти.

¹ Спра́виться (разговóрное) — спроси́ть, узна́ть.

П. И. Козло́в,
крестьянин дере́вни Модéново

Встреча в Кремле

Лéнин стоял у окнá, заложив рúки глубоко в кармáны брюк. В кабинетé с двумя óкнами и высóким потолкóм было хóлодно и сыро. Последнииe недéли зимы выдались студёными, жестóкими.

Владíмиру Ильичу виден был Арсенáл, изрешё-
ченный осколками снарядов; Трóицкая бáшня с

огрѳмным, чѳтко вырисѳвывающимся на сѳром нѳбе орлѳм, отсюда казѳвшаяся мѳнее высѳкой, чем со стороны Манѳжа; кусѳчек кремлѳвской стѳны и здѳние казѳрм. На плѳщади, где осѳл булѳжник, образовѳв ѳмы, вдоль Арсенѳла тянулсѳ к Никѳльской бѳшне ряд тѳненьких фонарѳй, похѳжих на былѳнки, зѳгнутые квѳрху крѳчѳчком.

На дорѳгах к Трѳицкой бѳшне и к Арсенѳлу, на ширѳкой плѳщади с фонарѳми снег был потѳптан и замѳсорен. Тѳлько на крышах и на кремлѳвской стѳне он лежѳл рѳвно, нетрѳнутый и чѳстый.

За Кремлѳм стѳли скѳванные морѳзом кѳменные домѳ. Вон там, за музѳем и библиѳтекой Румѳнцева¹, ѳле виднѳются трѳбы. Но скѳлько ни смѳтри, не замѳтишь дымкѳ: нѳчем топѳть.

Зимѳ обложѳла Москвѳ кольцѳм хѳлода. К врагѳм, навалѳвшимся на обескрѳвленную, истѳрзанную в граждѳнской войнѳ странѳ, — гѳлоду, разрѳхе — прибѳвился ещѳ одѳн: хѳлод.

Свирѳпствует тиф.

Лѳнин вздохнул. Потѳм он неожѳданно рѳзким движѳнием вѳнул прѳвую рѳку из кармѳна и сел за стол.

Прѳстѳя, похѳжая на учѳнѳческую рѳчка, не дописывая и сокращѳя словѳ, бѳстро забѳгала по листѳ бумѳги, оставлѳя неразбѳрчивые фрѳзы. Мѳсли обгонѳяли друг другѳ, и он стремѳтельно записывал неотлѳжные делѳ.

¹ Библиѳтека Румѳнцева — так назывѳлась до 1924 гѳда Государственная библиѳтека ѳмени В. И. Лѳнина.

Среди дел, которые поглощали время и силы Лёнина, были и забота о детских садах, порою оставшихся без дров, и выпуск книг для деревни, распределение пайков рабочим и положение на фронтах, тревожные сводки с которых он получал днём и ночью...

Перо на мгновение остановилось.

Тихо открылась обитая белой клеёнкой дверь, ведущая в зал заседаний, и в ней показался секретарь.

— Владимир Ильич, — тихо позвал он.

Но Ленин не ответил, занятый работой.

— Владимир Ильич!..

Ленин поднял голову, сказал:

— Да, да, — и взял другой листок бумаги — для записки.

— Владимир Ильич, к вам товарищ Коршунов.

— Хорошо, — сказал Ленин.

Секретарь ушёл, неслышно прикрыв за собой дверь, а Владимир Ильич продолжал писать, торопясь закончить записку. Ленин знал, что за время, пока секретарь пройдёт зал заседаний, войдёт в приёмную, скажет посетителю: «Владимир Ильич просит вас», пока посетитель встанет, поправит причёску или что-нибудь в своей одежде, пройдёт зал заседаний, — за это время, какую-нибудь минуточку-полторы, можно прочесть письмо, пробежать глазами заметку в газете, написать, наконец, записку. Можно сделать много, очень много полезного и необходимого. Владимир Ильич писал, но, едва в две-

рых показáлась худошáвая, невысоáкая фиáура учёного, стáрого знáкогого, немноáго смущённого и, видно, застёнчивого, Лёнин встал из-за столá и напáвился навстрёчу посетителю.

— Проходите, Леонíд Алексеевич, проходите. — Владíмир Ильич указáл на одноé из мягких крёсел. — Садíтесь, пожаáлуйста...

Леонíд Алексеевич Кóршунов кáк-то нелóвко, бýстро прошёл к крёслу и спрýтал нóги под стол, под прямым углóм придвину́тый к рабо́чему столу́, Лёнина. Сде́лал Кóршунов э́то так поспёшно, что сам почу́вствовал нелóвкость и вновь смутíлся. Но, взгляну́в на Лёнина, сёвшего в своё плетёное крёсло, успоко́ился и то́лько тогда поверну́лся к нему́.

— Как здоро́вье, Леонíд Алексеевич? — спроси́л Лёнин. — Не жа́луется?

— Спасíбо, Владíмир Ильич. Не жа́луюсь...

— Хорошó. Трудное вре́мя, Леонíд Алексеевич, и нам ну́жно его переборо́ть.

Когда́ Лёнин умóлк, Кóршунов на́чал:

— Я относíтельно возмо́жной экспеди́ции в Сиби́рь, Владíмир Ильич. Вы, конёчно, знаёте, что тридцáтого ию́ня ты́сяча девятьсо́т восьмо́го го́да произошлó чрезвычайнó интересное для учёного мíра собы́тие. Явлёние дово́льно рёдкое, необыча́йное по сво́им масшта́бам и, быть мо́жет, значёнию. В сибíрской тайге упáл метеорíт.

Здесь Кóршунов взгляну́л на Лёнина и отмётил, что Владíмир Ильич внимáтельно смóтрит на него́.

Кóршунову показáлось, что Лéнин прекра́сно знаёт о метеорите, знаёт мы́сли и желáния учёного и что своим докладом он то́лько отнимáет вре́мя у за́нятого челове́ка.

Кóршунов запну́лся:

— Этот метеорит... Впрóчем, вы всё это знаете...

— Зря вы так ду́маете, Леонид Алексеевич, — замéтил Лéнин. — Я ничегó не знал, крóме того́, что гдé-то упáл метеорит. Да, да...

Склонив гóлову náбок, он подáлся к учёному и тóхо произнёс, улыба́ясь:

— Дáже гóда не пóмнил.

Кóршунов то́же улыбну́лся.

— Стрáнное дéло! — продолжáл Лéнин ужé серьёзно. — Мнóгие почему́-то счита́ют, что председа́тель Совнаркóма, наркóмы всё зна́ют! А мы ма́ло, о́чень ма́ло, позóрно ма́ло зна́ем! И чем бо́льше мы с ва́ми бу́дем встреча́ться, тем лу́чше! Продолжа́йте, Леонид Алексеевич. И не торопи́тесь.

Кóршунов, ободрённый и повеселёвший, продолжáл, излага́я мы́сли, кото́рые он давнó хотéл пове́дать Лéнину:

— Если учёсть, что са́мым крупным метеоритом счита́ется метеорит вéсом в три́дцать шесть с полови́ной тонн, за кото́рым идёт так назывáемый мексика́нский в два́дцать семь тонн, то наш сибирский метеорит ли́чно мне представля́ется гигáнтом по сравнени́ю с изве́стными нам метеорита́ми. Но вся беда́ в том, что до сих пор то́чное местонахожде́ние э́того метеорита не определéно.

— И вы хотите ехать за метеоритом? — спросил Влади́мир Ильи́ч, когда Ко́ршунов сде́лал па́узу.

— Да, — отве́тил тот. — Совершенно ве́рно. Хочу́ ехать за метеоритом. — И поспеши́л доба́вить: — Я понима́ю, что сейча́с не до них... Я бу́ду проси́ть совсе́м немно́го. Оби́дно, когда́ за гра́ницей создаю́тся о́бщества по изу́чению на́шего ру́сского метеори́та, а мы...

— Нет, нет, нет, — бы́стро произне́с Ле́нин. — Загра́ница здесь ни к чему́. Пусть и не мечта́ют. Что ну́жно для ва́шей экспеди́ции?

— Я загото́вил. — Учёный из вну́треннего карма́на пиджака́ доста́л вдво́е сло́женные листки́ бума́ги. — Я стара́лся скро́мно, Влади́мир Ильи́ч...

Ле́нин стал рассма́тривать спи́сок, и чем бо́льше он в него́ всма́тривался, тем бо́льше хму́рился. Ко́ршунову показа́лось, что печа́ль, кото́рую ни ра́зу не замеча́л он у Ле́нина, сейча́с я́сно проступи́ла на его́ лицé.

Пото́м Влади́мир Ильи́ч положи́л э́ти листы́ на стол, провёл по ним ле́вой руко́й, разгла́живая, и обрати́л к учёному своё суро́вое и всё ещё, как ка́залось то́му, печа́льное лицó.

Ко́ршунов ме́дленно по́днял глаза́ на Ле́нина и неуве́ренно произне́с:

— Хотя́... мо́жно ещё́ сокра́тить спи́сок. Хле́ба ме́ньше... Да и с прибо́рами... Теодо́лит¹ мо́жно оди́н сброси́ть, кро́ме того́...

¹ Теодо́лит — инструме́нт, кото́рым пользуются при землеме́рных рабо́тах.

Лéнин смотрéл мíмо учёного, в úгол кабинéта, казáлось, не слúшал и ужé не замечáл егó присутствия.

— «Теодолít сбросить», — повторíл он, переводя взгляд сощúренных глаз на Кóршунова, рéзко отодвíнул своё плетёное крéсло и, как бы в недовольстве и удивлénии удáрив пáльцами по бума́ге, вы́шел из-за столá.

Старáясь не смотрéть на Кóршунова, он засúнул рúки в карма́ны брюк и, броса́я взгляды в окно́, зашага́л по кабинéту.

— Там же тайга́, — заговорíл Влади́мир Ильи́ч рéзко и твёрдо, слóвно старáясь помо́чь учёному уясни́ть положéние вещей. — Ты́сячи вёрст непрола́зной и пúтаной тайги́. Бúрные рéки. Зверьё. Бездоро́жье. И ни души́ на сотни вёрст... Вы понима́ете э́то?

Он остано́вился.

— Вы всё э́то понима́ете, — сказа́л Влади́мир Ильи́ч бо́лее мýгко и, сно́ва посмотре́в на спи́сок, продолжа́л: — «Фунт хлéба в день, пять фúнтов са́хара на всех, табакú...» — чита́л он, и в го́лосе егó слышались то сурóвость, то недовольство, то удивлénие, то вдруг покрывáвшая всё э́то печáль.

— Са́хар мо́жно сбросить, а табáк, извините, необходим: от комарóв спаса́ет, — стрóго замéтил учёный.

Тóчно не слы́ша, Влади́мир Ильи́ч продолжа́л:

— «Мéха для футля́ров под инструмéнты». Под инструмéнты! — повторíл он.

Кóршунов подня́лся, и стёкла очко́в егó, в кото́рых

отразились окна, засверкали. Была в нём решимость человека, который идёт на последнее средство.

— Владимир Ильич! — громко и твёрдо сказал он. — Товарищ Ленин! Нужно ехать! Поймите, нам выпало счастье. Не на чью-нибудь, а именно на нашу территорию упал этот метеорит, редкий гость космоса! А мы?.. Упал он во Франции, Америке — представляете, сколько — и каких! — экспедиций устремилось бы к нему! Да, мы нищие, голодные, нас душат интервенты, но, в конце концов, редкая возможность предоставлена только нам! Нужно ехать, Владимир Ильич!

И Коршунов сел в кресло.

— Конечно же! — воскликнул Ленин и подошёл к учёному. — Конечно, нужно, необыкновенный человек Леонид Алексеевич! То, что вы просите, мы дадим. Но этого же мало! Разве с таким оснащением едут в Сибирь?! Его может хватить для экспедиции в Подмоскovie! Это же крохи! Обидно, обидно! — повторил Ленин, и Коршунов понял, почему больно было Владимиру Ильичу. — Обидно, что таким людям, как вы, мы не можем ещё дать всего необходимого, всего, чего они заслуживают! Но ничего! Дайте только нам срок!

— А-а... — растерянно произнёс Коршунов, глядя на Ленина. Хотел сказать что-то ещё, но лишь облегчённо вздохнул и провёл рукой по лбу, где выступил пот.

Ленин подошёл к учёному, участливо спросил:

— Леонид Алексеевич, а если мы дадим только

то, что написано здесь, вот в этом архиробком списке? — указал он рукой на бумаги Коршунова. — Поёдете?

— Влади́мир Ильи́ч, я и не мечтаю о большем! Вот схлы́нет снег, подгото́вимся и пое́дем. В са́мом де́ле, бо́льше ниче́го не на́до. Ведь у вас и так все про́сят, все с вас тя́нут... А отку́да брать?

— Поёдете? — переспросил Ле́нин.

— Да, поеду́.

— И бо́льше ниче́го не попра́сите?

— Нет, ниче́го.

— Ниче́го, Леони́д Алексе́евич? — допы́тывался Ле́нин.

— Да.

Ле́нин недово́льно ка́шлянул. Потом он взгляну́л куда́-то вниз, под стол, и лука́вая улы́бка заигра́ла на его́ лице́.

— А ну́те-с, ба́тенька, — сказа́л он ве́село, подру́жески улыба́ясь, — подойдите́ к э́тому окну́, Леони́д Алексе́евич.

— Заче́м, Влади́мир Ильи́ч?

— Я вас прошу́, Леони́д Алексе́евич. Подойдите́ к э́тому окну́! Сде́лайте мне, ба́тенька, одолже́ние. — И Ле́нин доба́вил, озорно́ погрози́в па́льцем: — Знаю́ я вас!

— Нет, Влади́мир Ильи́ч. Если вы согла́сны, я, пожа́луй, не бу́ду отнима́ть у вас вре́мя...

— Нет, — доброду́шно сказа́л Ле́нин. — Я ещё не согла́сен. Бۇ́дьте любе́зны, подойдите́ к э́тому окну́, Леони́д Алексе́евич.

Кóршунов неохóтно встал и в нерешíteльности, чегó-то ожидáя, смотрéл на Лéнина.

Но Лéнин тóже не спуска́л с него́ глаз.

— Ну, — сказа́л он, — выходíte.

— Пожа́луйста. — Кóршунов реши́лся и вы́шел из-за столá.

Лéнин посмотре́л на́ ноги учёного и сказа́л:

— Ну вот. Так оно́ и есть. В чём же вы, ба́тенька мой, поёдете в тайгу́? В э́тих рва́ных башма́ках, кото́рые расползúтся на пýтой версте́ от Москвы́?

— Мо́жно и в э́тих, — сказа́л Кóршунов, — я их верёвочкой... Внутрь портя́нки, а свёрху бечевá.

— «Мо́жно», — повторíл Лéнин, раздúмывая. — Ведь у вас, ви́дно, вторы́х нет?

— Отку́да? Бýли, истрепáлись. А э́ти я берегú...

— «Мо́жно и в э́тих», — снóва повторíл Лéнин. — Простíte, Леонíд Алексеевич. Простíte.

Лéнин дотро́нулся до плеча́ Кóршунова и усадíл его́. Загляну́л в лицо́ — не обижа́ется ли? — и, оконча́тельно убедívшись, что не обижа́ется, успоко́ился и зашага́л по ко́мнате.

— Есть у нас необыкновенные лю́ди, — заговори́л он. — Вот Циолко́вский. Предста́вьте себе́ провинциáльный ру́сский го́род. Где-то в ста́ром деревя́нном до́мике, навёрное, на у́лице, порóсшей травой, где брóдят гúси и свíньи, живёт ста́рый учíteль матемáтики. Он получа́ет свой паёк — хлеб и селёдку — и занима́ется вопро́сами полёта в межпланётное простран́ство. Да ещё, навёрное, в нетопленнóй кварта́ре сидít! И вы, ба́тенька, по той же доро́ге:

за тысячи вёрст, в тайгу, в Сибирь, в рваных штиблѣтах!

«Ну, а вы, — подумал Коршунов, — вы, Владимир Ильич? В странѣ, где не каждый может даже прочесть слово «социализм», — строить социализм!»

И Коршунов вдруг ясно себѣ представил, что Лѣнина и его, Коршунова, что-то роднит, объединяет, что Лѣнин и он, Коршунов, совершают одно дѣло, оно — главное в жизни и Циолковского, живущего в Калуге и осваивающего Вселенную, и в жизни голодных рабочих, восстанавливающих заводы, и мужиков, поднимающих землю сохой... Оно свершается всеми ради будущаго счастья.

Учёный ушёл возбуждённый и какой-то лёгкий. Он пробежал по двору Кремля, вышел на Красную площадь, думая о будущем, о мечтѣ, которая непременно осуществится.

...Наступит время, когда задымят в странѣ заводы, даже те, которых пока ещё нет, тракторные и автомобильные, замыслы которых только лишь рождаются у человека, работающего в небольшом холодном кабинетѣ с высоким потолком... Всем будет доступно слово Пушкина и Толстого, потому что тѣмная, полудикая Россія станет страной сплошной грамотности... И, конечно же, научные экспедиции доберутся до Севернаго полюса, а может быть, кто-нибудь опустится на дно океана или поднимется за атмосферу. И руководителям этих экспедиций не нужно будет беспокоить организатора новаго огромнаго государства, беспокоить из-за четвертушки хлѣба в день и

табакá... И вырастут новые люди с новыми понятиями о назначении человека... Это всё будет.

А пока неубранный снег на улицах, спешащие прохожие, которых подгоняет мороз, медленно плетущаяся лошадь, на которую кричит человек в армяке¹: «Эй ты, шелудивая!», наглухо закрытые лавчонки с железными вывесками: «Мартьянов», «Оптовая торговля Гурин и сыновья», «И. В. Кошкин. Скобяные товары». Это — пока.

...Проходит небольшой отряд красноармейцев в будёновках, везут на санях гремящие на всю улицу железные трубы: что-то восстанавливают или строят, — в окне учреждения промелькнул портрет Карла Маркса и начало какого-то лозунга: «Да здравствует...» Из подъезда в подъезд перебежала женщина в красной косынке...

Среднего роста крепкий человек ходит по кабинету в Кремле, центре необъятной страны, думает, энергично и быстро что-то записывает ручкой, похожей на ученическую, и новые свершения, подвластные и уже такие близкие, которые преобразуют Россию, видятся ему.

¹ Армяк — в старину у крестьян верхняя одежда из толстого сукна.

Ленин на заводе „Динамо“

Рабочим нашим и служащим очень хотелось по-видаться с Владимиром Ильичём. Накануне четвёртой годовщины Октябрьской революции, в 1921 году, рабочие стали особенно часто заходить в партком и завком. Спрашивали: «Кто будет докладчиком на торжественном заседании? Нельзя ли попросить то-

ва́рища Ле́нина ува́жить на́шу про́сьбу и вы́ступить с докла́дом?»

Бли́зились дни Октя́брьской годовщи́ны. Худо́же-
ственно офо́рмили внут́ри и сна́ру́жи зда́ние заво́да.
Ро́здали рабо́чим и слúжащим пригласи́тельные би-
ле́ты на торже́ственное собра́ние, пригласи́ли и се́мьи.
Вы́весили плака́ты, где бы́ло ска́зано, что 7 нояб́ря
пóсле демонстра́ции состои́тся докла́д чле́на прави́-
тельства. Но вы́ступит ли Влади́мир Ильи́ч — не зна́-
ли, всё же про себя́ наде́ялись.

Пóсле демонстра́ции рабо́чие, их же́ны, принаря-
дивши́сь, торже́ственно собра́лись в простóрном, спе-
циа́льно подгото́вленном помеще́нии це́ха ма́лых мо-
то́ров. Это в ве́рхнем эта́же ко́рпуса, кото́рый во
дворе́.

Собра́лось о́коло трёх ты́сяч челове́к. Зал был
перепóлнен. С большо́м нетерпе́нием жда́ли докла́д-
чика.

Позвони́ли по телефо́ну из Моско́вского коми-
те́та па́ртии. Говоря́т: «Встреча́йте, к вам прие́дет
Влади́мир Ильи́ч».

Бы́л па́смурный ве́чер¹, элект́рические фона́ри на
у́лице горели́ не о́чень я́рко. Мы стоя́ли у заводски́х
воро́т. Вдали́ показáлись огни́ автомоби́льных фар.
Пла́вно подъехала́ маши́на. Мы подбежа́ли к ней.
Уви́дели Ле́нина. Он вы́шел, дру́жески, за́ руку по-
здорóвался с встреча́вшими. Его́ пригласи́ли на не́-

¹ Па́смурный ве́чер — хму́рый, сýмрачный ве́чер, с не́бом, по-
кры́тым обла́ками.

сколько минут в кабинет директора — это в здании, где потом помещался завком.

Войдя в кабинет, Владимир Ильич прислонился к столу, мы окружили его полукольцом. Каждый чувствовал необычайную радость и торжественность.

Мы беседовали с Ильичём! Он смотрел на нас своим милым взглядом, весело улыбался, расспрашивал о том, что делается на заводе, как работают специалисты-инженеры, сможет ли наш завод дать оборудование для электрификации деревни.

Потом Ленин поглядел на часы, сначала на свой — ручные, затем на наши — стенные, и говорит:

— Не пора ли нам, товарищи? Нас, вероятно, ждут.

Поднялись в лифте. Отворилась железная складная дверца подъёмной машины. Владимир Ильич прошёл в зал. Мы хотели, чтобы собрание увидело Ленина, лишь когда он выйдет на трибуну. Но сидевшие на задних скамьях увидели выходящего из лифта Владимира Ильича и стали аплодировать, а за ними зааплодировало всё собрание.

Быстро прошли по залу. Владимир Ильич сбросил пальто, поднялся на сцену. Председатель собрания тут же объявил:

— Слово имеет Владимир Ильич Ленин!

Трудно выразить, что в этот момент случилось. Все в зале встали, раздалось громогласное и продолжительное «ура», вверх полетели шапки.

— Да здравствует Владимир Ильич!

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствует партия! Да здравствует Советская власть!

Казалось, что стены не выдержат бури приветственных возгласов и аплодисментов. Овация продолжалась очень долго.

А Ленин вышел на трибуну и, слегка наклонив голову, улыбаясь, ждал, когда стихнут собравшиеся, снял с руки часы, положил их на ладонь. Наконец водворилась тишина, да какая... Ни одного покашливания, ни стука.

И Ленин начал доклад о международном и внутреннем положении республики.

Ильич говорил горячо, страстно, но не торопясь; говорил простыми, понятными словами. Он стоял на высокой трибуне, изредка во время речи выбрасывал руку.

Ленин рассказывал о Великой Октябрьской революции, о международном её значении, призывал не забывать, что враг внутри страны ещё существует, призывал к бдительности, к дружной работе для Советского государства, к смычке с крестьянством.

В зале стали перешёптываться:

— Вот он какой! Простой!

В несколько минут установилась тёплая, задушевная связь между Лениным и трёхтысячной рабочей аудиторией.

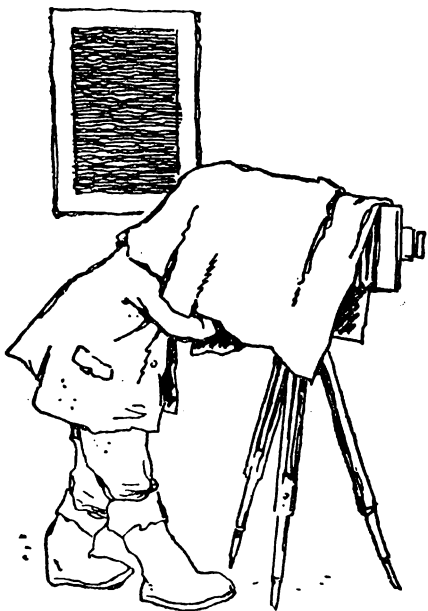
Когда Ленин закончил речь, поднялась такая бурная, такая неумная овация!.. Ну, прямо выразить невозможно.

Каждый из присутствовавших на собрании был

счастливы, что слушал Лёнина. На следующий день в цехах только и было разговоров, что о приезде Владимира Ильича; работали с ещё большей охотой и старанием. Многие рабочие после посещения Лениным завода подали заявления о приёме в партию.

В памяти каждого, кто сидел тогда в зале, этот счастливый вечер запомнился на всю жизнь.

А. Вётров,
рабочий завода «Динамо»

Незаряженная кассета

Человек шёл по весенней Москвѣ, старательно обходя голубые лужи, насвистывал и весело думал: «До чего же хорошая вещь — это самое солнце! Сколько света — и совершенно бесплатно! И никаких тебе хлопот, никаких тебе вспышек магия!.. Нет, с сегодняшнего дня определённо перехожу на иждивение солнца!»

На все блага, даруемые ранней московской весной, человек смотрел со своей, так сказать, колокольни: он был фотограф. И не просто фотограф, а «наш фотокорреспондент», как сообщали газеты под его снимками.

Нынешние фотокорреспонденты — щеголеватые молодые люди в светлых плащах, с красивыми кожаными футлярами через плечо — улыбнулись бы, наверное, при виде его странного одеяния из выцветшей лиловой портьеры¹, огромных валенок, подшитых красной резинкой, а главное — его фотоаппарата, похожего на средней величины шарманку².

И всё же он наверняка не согласился бы помянуться с ними: вот этой «шарманкой» он снимал самый первый советский Май, и первый субботник, и открытие первого дома отдыха, и первый танк, отбитый в бою у белых...

А сегодня газета поручила ему произвести съёмки в Свердловском университете на собрании партработников, уезжающих в деревню. В огромной аудитории Свердловского университета плавал мажорочный дым. В оттаявшие стёкла лились широкие потоки света. На возвышении стоял стол, покрытый куском кумача³. На стене висела карта бывшей Российской империи, исколотая цветными флажками.

Повестка дня этого собрания выглядела очень

¹ Портьера — плотная, тяжёлая занавеска для окна или двери.

² Шарманка — переносный музыкальный инструмент в виде ящика с лямкой.

³ Кумач — хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

ми́рно: «О рабо́те в дере́вне». Но лю́ди, собра́вшиеся здесь, должны́ бы́ли в э́тот же день вы́ехать в райо́ны, охва́ченные кула́цким восста́нием, пробива́ясь сквозь вокза́льные про́бки, железнодо́рную неразбе́риху...

Фото́граф поверте́лся тут и там, залёз на подоконник и щёлкнул пе́рвый ряд («Слу́шают докла́дчика»). Наце́лил аппара́т повы́ше и щёлкнул ещё раз («Общий вид за́ла»).

Он суети́лся не́сколько бо́льше, чем полага́лось бы «на́шему фотокорреспондэ́нту», но э́то объясня́лось, коне́чно, его́ мо́лодостью — вряд ли бы́ло ему́ два́дцать лет.

Сде́лав два-три снёмка, он стал вы́скиывать удо́бную по́зицию, что́бы запечатле́ть докла́дчика во́зле ка́рты с ука́зкой в руке́. И вдруг где́-то в пе́редних ря́дах разда́лись несме́лые хлопкí, а пото́м аплодисме́нты грянули с оглуши́тельной, всё возраста́ющей си́лой.

«Наш фотокорреспондэ́нт» расте́рянно заморга́л белёсыми ресни́цами — что́-то тако́е он пропу́стил. Он уви́дел то́лько, что все подня́лись со свои́х мест. Пришло́сь изо всех сил тяну́ться на цы́почках да ещё уде́рживать в равнове́сии громоз́дкую «шарма́нку» с трено́жником. С тíхим ожесточе́нием, рабо́тая сво́бодной руко́й, он стал пробива́ться впе́рёд.

Невысо́кий плóтный челове́к в кори́чневом пиджаке́ торопли́во прошёл в прези́диум.

Се́рдце у «на́шего фотокорреспондэ́нта» подпры́гнуло в груди́, рука́ сжа́ла трено́жник. «Э́то же Ле́нин!» — чуть не вскри́кнул он.

Лéнин сидёл в десяти́ шага́х от него́ и глядёл в разбушевáвшийся зал, прищу́рившись и потира́я вы́сокий лоб.

«Бог ты мой, — смятённо думал фото́граф. — Ведь это настоя́щий Лéнин!.. Влади́мир Ильи́ч... И ка́кой кадр!.. Како́е освеще́ние!.. Ка́кой слúчай!»

А слúчай был тру́дный, о́чень тру́дный.

Влади́мир Ильи́ч не любил фотогра́фироваться и разреше́ние на съёмку дава́л чуде́сно рёдко. Мнóгим пришлòсь столкну́ться с э́тим обстоя́тельством и отступи́ть.

Весно́й двадца́того го́да — это́ было́ изве́стно «на́шему фотоко́рреспонденту» — на первома́йском суббо́тнике в Кре́мле Лéнин ре́зко сказа́л лю́дям, хоте́вшим его́ сфотогра́фировать: «Что за комедия? Я сюда́ пришёл рабо́тать, а не снима́ться!»

Пришлòсь пойти́ на обмáн. Комисса́р шко́лы кре́млёвских курсáнтов, рабо́тавший с Лéниным в па́ре, задержа́лся на полминутки, как бы жела́я отдохну́ть, и Влади́мира Ильи́ча осторо́жно и незаме́тно сфотогра́фировали. Вот ка́ким путём мир получи́л фотогра́фию Лéнина, рабо́тающего на кре́млёвском суббо́тнике.

— Сло́во предоста́вляется това́рищу Лéнину! — сказа́л председа́тель.

*

Спустя́ час Лéнин вы́шел из аудито́рии. Его́ сопровожда́ли вы́сокий воённый, председа́тельствовавший на собра́нии, и чле́ны президиума. Продолжа́я раз-

говóр, Владíмир Ильíч надéл кéпку. Потóм взгляд его случайнó упáл на человекá, стоявшего поóдаль. Человек сдéлал нéсколько неуверенных, рóбких движений, тóчно желáя загородить тренóжник с чёрным ящиком. Владíмир Ильíч поглядéл на чёрный ящик и сказáл с явным неудовóльствием:

— Агá, поздравляю! И здесь снимáться?! Нетуж, пожáлуйста, увóльте!..

Вот и всё. Мóжно уходить.

Но «наш фотокорреспондéнт» не уходíл. Неожíданно для всех он заговорíл срывающимся, простуженным баскóм:

— Товáрищ Лéнин!.. Вáши снímки нужны всей респúbлике... Не мне лíчно!..

— Гм... Вот как! — иронíчески замéтил Владíмир Ильíч.

Но тут у «нашего фотокорреспондéнта» объявились защитники. Все стáли просíть Лéнина сфотографíроваться вмéсте с нíми.

— Ну, ёсли вмéсте... пожáлуй! — неуверенно произнёс Лéнин.

«Наш фотокорреспондéнт» засуетíлся. Расставляя штатíв¹, он дéлал мнóжество ненужных движений и всё врéмя бормотáл:

— Одну секундо́чку!.. Я сейчáс!.. Секундо́чку!..

Составить гру́ппу оказа́лось нелегкó. Кáждый хотéл сняться рядо́м с Лéниным и незамéтно оттира́л своего сосéда. Владíмир Ильíч терпелíво ждал.

¹ Штатíв — подста́вка для фотоаппарáта.

Наконѣц всё было готово для съѣмки. Набрѣсив на себя чѣрную матѣрію, фотограф стал наводить объектив. — «Одну секундочку! — доносилось его бормотание. — Сейчас поставлю кассету...¹ и в одну секундочку сейчас сниму!»

Люди сделали торжественно-неподвижные лица, только у Владимира Ильича пряталась в глазах смешливая искорка. И вдруг все заметили, что с фотографом происходит что-то неладное. Он судорожно сдёрнул с себя покрывало, уронил на пол какую-то жестянку и схватился за голову. Люди смотрели на него с удивлением и тревогой. Ленин быстро подошёл к нему:

— Что с вами, товарищ? Вам плохо?!

— Плохо! — обморочным голосом ответил фотограф. — Я не успел перезарядить кассеты!.. У меня нет заряженных кассет!

Бессильно опустив руки, сгорбившись, стоял он возле своей «шарманки», и подбородок его с царапинами от неумелого бритья вздрагивал. Он знал, что нет ему прощенья — ему, жалкому человеку, неудачнику, испортившему эту удивительную, эту неповторимую мину.

— Ну что же, товарищи! — сказал высокий военный, надевая солдатскую фуражку с крупной алой звездой. — Как говорится, по независящим от редакции обстоятельствам вкралась досадная опечатка... Не будем задерживать Владимира Ильича!

¹ К а с с е т а — светонепроницаемый футляр для фотографической пластинки или плёнки.

Но Лёнин, пристально смотревший на фотографа, как будто не заметил того, что произошло. Достав из жилётного кармана часы на ремешке, он быстро взглянул на них и спросил:

— А сколько вам нужно времени, товарищ, чтобы зарядить кассету?

— Мне?.. Минут... десять, — заикаясь, ответил «наш фотокорреспондент», и его изжелта-бледное лицо покрылось розовыми пятнами.

— Минут десять я ещё побеседую с товарищами, — спокойно произнёс Лёнин.

Фотограф схватил пачку пустых кассет, коробку с пластинками и побежал, неловко вскидывая ноги в огромных валенках.

Он бежал, как лошадь, сорвавшаяся с привязи. Он бежал по длинному коридору, тыкался в двери аудиторий и бежал дальше. Ему нужна была тёмная комната, абсолютно тёмная комната, а солнце, на иждивение которого он перешёл с сегодняшнего дня, светило с потрясающей, ослепительной щедростью.

Выскочив на лестницу, он взметнулся навёрх, хватая ртом воздух. Но трепещущие солнечные зайчики настигали повсюду.

Сердце бешено стучало в груди, когда он домчался до последнего этажа. И тут он увидел, что на лестничной площадке стоит большой деревянный ящик. Не раздумывая ни секунды, «наш фотокорреспондент» рванул крышку. Какие-то толстые шланги лежали там, похожие на свернувшихся удавов, душно запахло резиной.

Он прыгнул в ящик, и при этом его ударило крыш-
кой по голове, но он не почувствовал боли.

Согнувшись в три погибели (вот, оказывается, что
означает это ходячее выражение!), он быстро распеч-
атал коробку с пластинками, схватил кассету, но тут
лицо его исказилось, и он поспешно сунул коробку за
пазуху: тонкий прямой лучик сумел пролезть и сю-
да — нашёл какую-то дырочку.

Мимо проходила женщина с метёлкой — должно
быть, уборщица. Вдруг она вскрикнула, выронила
метёлку.

Из ящика высунулся человек, чихнул и сипло ска-
зала, облизывая губы:

— Товарищ, это я!.. Одну секундочку!.. Прошу
вас... сядьте на крышку... здесь есть щёлка, проходит
свет!..

Женщина смотрела на него, округлив глаза.

— Товарищ, я вас умоляю, сядьте!

Женщина села на крышку, соображая, что это
означает и не следует ли, опустив щеколду, сходить
за комендантом.

В ящике слышалась какая-то возня, фырканье,
потом сдавленный голос крикнул:

— Тётяшка, откройте, я задыхаюсь!

Она встала. Человек выскочил из ящика, как
игрушка на пружине, потный, покрытый пылью, сияю-
щий.

— Абсолютный мрак! — крикнул он. — Спасибо,
тётяшка! — И побежал вниз, перескакивая через три
ступеньки.

Дерёвья протягивали к солнцу ещё не отогрёршиеся, го́лые корі́чневые ла́пы. На бульва́рах бесфо́рменными ку́чами лежа́л снег, се́рый и ноздрева́тый, как гу́бка. Ве́тер залихва́тски трепáл отста́вшие от стен афи́ши. Водосто́чные тру́бы низверга́ли кусо́чки зеленова́того льда.

Челове́к шёл по весённой Москвё. На щека́х его́ рдел мали́новый румя́нец. Иногда́ он останáвливался, разводíл рука́ми и улыба́лся. Рё́дкие прохо́жие смотре́ли на него́ с удивле́нием.

До́ма было́ холоднее́, чем на у́лице. В проме́рзшей ку́хоньке с окно́м, закры́тым фане́рой, па́хло отта́ивающей штукатурко́й — еди́нственный пока́ при́знак весны́. Он нашла́рил выключа́тель на стёнке, и в темноте́ загоре́лась ла́мпочка руби́ново-красным огонько́м. Здесь помеща́лась его́ лаборато́рия.

Фотоко́рреспонденты́ в све́тлых плаща́х, с краси́выми ко́жаными футля́рами через плечо́ о́пять, наве́рное, улыбу́лись бы при ви́де тако́й лаборато́рии. Но уж тепе́рь-то он никогда́ бы не поменя́лся с ни́ми — ни за какие́ бла́га ми́ра!

Он поста́вил на табу́рёт ва́нночку с прояви́телем и до́лго дыша́л на него́, стара́ясь согреть́ хоть не́много. Ру́ки у него́ дрожа́ли, когда́ пласти́нка погружа́лась в жи́дкость. Присёв на ко́рточки перед табу́рето́м, он осторо́жно пока́чивал ва́нночку. И вот на мо́лочно-бе́лой эму́льсии стал присту́пать отчётливый че́рный рису́нок. «Наш фотоко́рреспондент» уви́дел знако́мый ко́нтур большо́го лба, бровь, изогну́вшуюся

над прищуренным глазом, и вдруг громко запёл своим простуженным, хриловатым баском.

Утром он долго выбирал среди отпечатанных снимков самые отчётливые, без пятнышек и царапин. Наконец отложены были два наилучших. Медленно, точно смакуя каждое движение, он вложил их в конверт и старательно заклеил его.

Оставалось написать адрес. Чиркая с трудом загоравшиеся спички, он подогрёл заledenевшую чернильницу, обмакнул перо и вдруг задумался, не отрывая глаз от конверта. Потом, улыбаясь своим мыслям, вывел печатными буквами: «Ленину».

Вот и всё! Готов адрес!

Письмо с этим адресом можно опустить в любом месте земного шара — где-нибудь в Калькутте, или в Гренландии, или на острове Кипр, — и оно обязательно дойдёт до своего адресата...

Через некоторое время «нашему фотокорреспонденту» рассказали: известный художник, которому посчастливилось рисовать Ленина в его совнаркомовском кабинете, спросил однажды, не имеет ли Владимир Ильич фотографий. Ленин ответил, что своих изображений обычно не хранит, но вот, кажется, есть одно... Он открыл ящик и протянул художнику аккуратно распечатанный конверт:

— Это меня снимал один молодой товарищ в Свердловском университете.

Говоря это, он улыбнулся. Вспомнил, должно быть, историю с незаряженной кассетой.

Леонид Радіщев

Справедливость

Есть в нашей стране знаменитый учёный Александр Степáнович К-ов, автор многочисленных статей и исследований по электрификации, действительный член Академии наук. Когда решаются какие-либо важные вопросы, связанные со строительством новых электростанций, то дело редко обходится без его участия. Не раз бывал Александр Степáнович и на Ангаре, и на Иртыше, и в Каховке.

Я познакомился с ним на строительстве Куйбышевской ГЭС.

В резиновых сапогах и брезентовой куртке, он ходил от одного бетонного блока к другому среди сварочных огней, рёкота бетононасосов и виброхоботов, свистящих ударов паровых копров.

При словах «знаменитый учёный» мы склонны представить себе этакое почтенное старца в черном академическом колпаке. Поэтому я очень удивился, когда начальник участка, знакомя меня с Александром Степановичем, назвал его фамилию.

— Как, вы тот самый К-ов? — невольно воскликнул я.

— Тот самый, — подтвердил он и простодушно рассмеялся.

На вид ему можно было дать лет сорок, ну, сорок пять, не более. Смуглое от загара и ветра лицо, рабочая кепка, брезентовая куртка — всё делало его похожим скорее на прораба¹, чем на академика.

Несколько дней спустя я встретил его совсем неожиданно на палубе теплохода, которым возвращался в Куйбышев.

Был вечер. Солнце только что зашло. В спокойной поверхности реки медленно потухала заря. Сидя в плетёных креслах на корме теплохода, мы долго любовались уплывавшими от нас Жигулями. Потом зашёл разговор о будущем Волги, и я к слову заметил,

¹ П р о р а б — сокращение слов: производитель работ. Руководитель работ на строительстве.

что у электрификаторов хорошая профессия, и притом — самая ленинская.

Александр Степанович, не отвечая, смотрел на одинокую звезду, засиявшую над рекой, и, казалось, о чём-то думал.

— Да, профессия хорошая, — отозвался он наконец. — И что касается меня, то я действительно многим обязан Владимиру Ильичу. И не потому только, что электрификация России — это его идея. Получилось так, что мне в детстве посчастливилось видеть Ленина. И вот, хотя был в те годы совсем ещё, как говорится, неоперившимся птенцом, я потом много раз возвращался в мыслях своих к тем дням, и теперь мне кажется, что и в выборе профессии и во всём главном в моей жизни было какое-то влияние этой далёкой встречи с Ильичём, озарившей особым светом всё моё детство.

Я молча слушал, боясь перебить, и Александр Степанович продолжал, сам оживляясь постепенно этим воспоминанием.

— Жил я тогда у тётушки, солдатской вдовы, в деревне, под Москвой. Родители мои умерли от тифа. Трудное было время, голодное. Мы с моим тогдашним приятелем Андрейкой Сизовым всё на огородах бегали в соседнюю «экономия»¹ к сторожу дяде Даниле. То ему хвосту для костра наберём, то чем другим поможем.

Однажды дал он нам по кочану капусты. Я скорее

¹ Экономия — здесь: бывшая усадьба помещика.

домой: «Вот тётушка обрадуется!» Бегу, гляжу: возы стоят на дороге, и тоже с капустой. Думаю: «Ещё скажет кто-нибудь, что я кочан стащил», — и скорее шмыг¹ с дороги в кусты.

Гляжу: выходит из-за куста возчик. В брезентовом плаще нараспашку, с кнутом за голенищем. «Ты что, сорванец, с возов воровать задумал?» Да ко мне. Я зажал кочан под мышкой и что было духу в лес. Он за мной. Схватил за рукав и дернул так, что я с ног долой. И капусту выронил.

Но я сразу вскочил, бросился животом на кочан, вцепился, держу и не то реву, не то рычу от обиды.

А возчик тоже, видно, вошёл в раж² — кнут схватил:

— Я тебе покажу, как безобразничать!

Вдруг слышу:

— Это что за экзекуция?³

Голос гневный, твёрдый. А тут ещё и слово такое незнакомое.

Смотрим, стоит человек с ружьём за плечами, видно, охотник. Руки в карманы засунуты. Лоб нахмурен, и глаза такие суровые, словно вся его сила не в ружье и не в руках, а вот в этом взгляде.

— Капусту с воза украл, — ещё сердито, но уже как бы оправдываясь, проговорил возчик. — Нельзя так спускаться, учить надо.

¹ Шмыг; шмыгнуть — быстро уйти, убежать.

² Раж (разговорное) — сильное возбуждение, злость, негодование.

³ Экзекуция — телесное наказание.

Трудно передать, какое горькое чувство охватило меня.

— Не крал я! — кричú. — Мне дедушка Данила дал! Спросите кого хотите! Провалиться мне сквозь землю, если не так!

— Чего врешь, чертёнок? Вон возы на дороге стоят! — Вóзчик был увёрен в своей правоте, и это крайне усиливало мою обиду.

— Всё равно не крал!

И я заплакал навзрыд от отчаяния, от боли, от несправедливости.

— Не плачь, мальчик, встань, вытри слёзы. — Охотник помог мне встать и сам поднял с земли кочан. — Это кто же такой дядя Данила? — мягко спросил он.

— Стóрож с «экономии». Я ему хворост таскал, и Андрейка Сизов тоже. Он нам по кочану дал.

— Да врёт он, — возразил вóзчик, однако менее уверенно.

— Подождите, как вас зовут?

— Да что вам? Ну, Митрофаном зовут.

— А по батюшке?

— Ну, Савельичем.

— Так вот, Митрофан Савельич, вы совершенно убеждены в том, что не ошибаетесь? Вы проверяли? Наказать невинного — это, в сущности, тоже преступление.

— Так вот же они, возы, стоят, посмотрите, — растерянно повторял вóзчик. — Сам же я капусту вожу.

— Но ведь не вся капуста на свете находится на этих возах. Есть тут экономия? Есть дядя Данила?

— Есть-то есть, — протянул возчик.

Все вместе мы вышли на дорогу. Страсти постепенно уgomонились¹. Я уже не плакал. Возчик тоже успокоился. И охотник продолжал уже без гневной нотки в голосе:

— Видите ли, Митрофан Савельич, справедливость в каждом, даже маленьком деле — это одно из главных завоеваний нашей революции. Ведь правда? Ведь наша сила именно в справедливости. Не так ли?

— Справедливость, она, конечно, нужна, — соглашался возчик. — Без неё разве можно?

На дороге охотник с нами простился. Отдал мне кочан и опять пошёл к лесу. Мы оба долго смотрели ему вслед.

— Это кто же такой? — спросил возчик. — Что-то вроде как лицо его мне знакомое.

Я, разумеется, не знал и молча рассматривал оцарапанную при падении босую ступню.

— Ты подорожник привяжи, — посоветовал возчик, — затянет, а то засоришь ещё.

Придя домой, я вручил тётушке злополучный кочан и, помня совет возчика, привязал к царапине подорожник. Нога моя быстро зажила.

И вот вскоре после этого Андрейка Сизов зазвал меня в бывший господский парк обследовать старые дупла.

¹ Угомониться — утихнуть, успокоиться.

Но сторож нас шуганул оттуда. Мы пошли на ручей, набрали сухих сучьев, развели костёр. Сидим под вербой у огонька, греемся. Смотрим: идут от усадьбы через поле двое. Один высокий, в плаще и шляпе, а другой пониже, в кепке, в курточке с карманами и руки назад держит. Прошли близко от нас, ничего нам не сказали, между собой разговаривали. А когда возвращались, к нашему костру повернули.

Высокий говорит:

— Как, ребята, примете погреться?

Мы молчим. Не жалко нам, да стесняемся.

Подошли они. Высокий начал сухие ветки обламывать и в костёр класть.

— Люблю, — говорит, — огонь, часами могу на него смотреть.

А другой присел на чурочку, положил мне руку на голову, потрепал волосы и вдруг говорит:

— Да ведь мы, кажется, знакомы?

Я смотрю, он улыбается, и в глазах у него весёлые такие искорки так и мечутся.

— Не узнаёшь? — спрашивает. — А капуста-то вкусная была?

И тут я понял: это тот самый охотник, что меня от вёзчика защитил.

— Ой, — говорю, — спасибо вам, дяденька. Теперь, — говорю, — я вас тоже узнал.

Он засмеялся. Потом обнял нас с Андрейкой обоих за плечи и так всё и сидел на чурочке у костра.

А высокий поднялся, посмотрел из-под руки вдаль и говорит:

— Велика́ Россі́я!.. И хорошо́ сказа́л про неё поэт: «Росси́я, сло́во-то како́е — и роса́ в нём, и си́ла, и си́нее что́-то».

Я запо́мнил э́ти слова́, должно́ быть, потому́, что как раз посмотре́л на да́льную по́лосу ле́са и поду́мал, что действі́тельно есть там вдали́ что́-то си́нее-си́нее.

Они́ попроща́лись с на́ми и ушли́. А верну́вшись в дере́вню, я узна́л, что в бы́вшее имѣ́ние приѣ́хал из Москвы́ Ле́нин, что он уже́ ходи́л на охоту́ и что не́которые из на́ших мужико́в встреча́лись с ним, да́же оди́н пожа́ловался: «В ла́вках ниче́го нет, купи́ть ни́чего нельзя́», — и что Ле́нин сказа́л: «Вот когда́ пу́стим фа́брики, всё у нас бу́дет».

По́сле э́того стал я ду́мать, уж не Ле́нин ли э́то был с на́ми у кострá.

И когда́ мне показа́ли его́ портре́т, я срáзу узна́л чуть сощуре́нные, ла́сково-внима́тельные глаза́, неда́вно смотре́вшие на меня́.

Узна́л я пото́м, то́же по портре́ту, и Го́рького, что был тогда́ с ним.

Кста́ти, в изве́стных воспомина́ниях Го́рького о Ле́нине есть одна́ фра́за, на кото́рую вы, быть мо́жет, не обраща́ли внима́ния. Он там пи́шет: одна́жды в Го́рках, ласка́я чьи́х-то дете́й, Ле́нин сказа́л:

— Вот э́ти бу́дут жить лу́чше нас...

И, когда́ я чита́ю э́то ме́сто, мне всегда́ чу́дится: э́то про нас с Андре́йкой...

Алекса́ндр Степа́нович ка́к-то неожі́данно замолча́л, нахму́рился и доба́вил ти́хо:

— Андрей Сизов командовал партизанским отрядом в Белоруссии. Там и погиб в бою в сорок втором году...

*

Вернувшись из командировки домой, в Москву, я достал с полки томик Горького, раскрыл воспоминания о Владимире Ильиче и нашёл то место, о котором говорил Александр Степанович.

Вот оно:

«...однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А всё-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Всё будет понято, всё!»

Н. Жданов

Родной и близкий

Дóма у меня хранётся значóк с изображéнием Кáрла Мáркаса. Этот значóк мне подарил Лéнин.

С Владíмиром Ильичём я встречáлась три рáза. В пёрвый раз éто произошлó в 1918 году на Всерос-сийском съезде жéнщин-рабóтниц. В президиуме, кудá вы́брали и меня́, говорíли, что на съезд обеща́л приéхать Лéнин. Все бы́ли рáдостно взволно́ваны, все

нетерпеливо поглядывали на дверь, в которую он должен был войти.

Я представляла себе Лёнина каким-то великаном. Он оказалcя невысоким, скромным человеком.

О том, чтобы самой поговорить с Лениным, я никогда и не мечтала. Поэтому, когда он неожиданно обратился ко мне, я немного оробела и не знала, что отвечать. Но моё смущение скоро прошло. Владимир Ильич был простой, душевный человек.

Узнав, что меня послали на съезд глуховские текстильщики, он ещё более оживился, стал расспрашивать о том, как мы живём и работаем. Вопросы он задавал так, будто сам всю жизнь провёл у нас на Глуховке. Хорошо знал Владимир Ильич интересы и нужды рабочих!

Прощаясь с Ильичём, я попросила у него на память фотографию. Он лукаво усмехнулся, что-то достал из кармана и протянул мне. Это был значок с портретом Маркса. Я берегу его как зеницу ока.

Второй раз я увидела Владимира Ильича в 1919 году на Московском областном съезде работников. Удивительная была у него память! Он сразу узнал меня, улыбнулся, как старой знакомой, начал расспрашивать о делах на Глуховке. Я отвечала, что мы начинаем «размораживать» фабрики. Уже пущена отбельно-красильная, скоро начнут работать и остальные. Выслушав меня, Владимир Ильич сказал, что самое главное — сколотить на фабрике крепкий партийный коллектив, который вёл бы за собой массы.

Послѣдний раз я ви́дела Лѣнина в ноябрѣ 1923 года. Владѣмир Ильич был тяжѣло болен, и вся странá с напряжѣнным внимáнием следи́ла за состоя́нием его́ здоро́вья. Глу́ховцы реши́ли напра́вить делегáцию рабо́чих в Го́рки — повидáть Ильичá. Среди́ по́сланных была́ и я.

Вы́ехали на грузово́й маши́не. По́мню, всё вре́мя торопи́ли шофѣра: так хоте́лось скорѣе уви́деть родно́го Владѣмира Ильичá. Но, как наро́чно, маши́на то и де́ло застревáла в ры́твинах.

В Го́рках мы бы́ли примѣрно часа́ в четы́ре. Встрѣтила нас Марѣя Ильи́нича. Вме́сте с ней мы подня́лись на второ́й эта́ж и прошлѣ к Лѣнину.

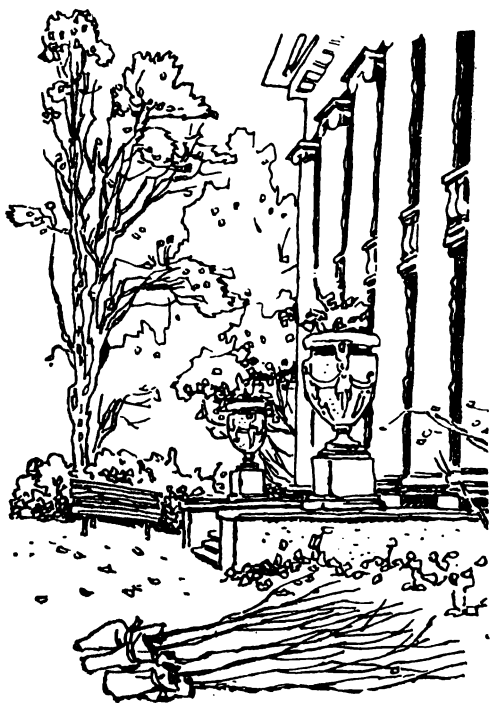
В то вре́мя врачѣ запрети́ли Владѣми́ру Ильичу́ мно́го говори́ть. Но он не утерпѣл и забросáл нас вопро́сами о комбинáте, о жи́зни рабо́чих.

По́сле бесѣды с Ильичѣм нас пригласи́ли в столо́вую. Когда́ мы сѣли за стол, Марѣя Ильи́нича принесла́ тарѣлку грибо́в и сказа́ла:

— Владѣмир Ильич про́сит вас попробова́ть гри́бы, кото́рые он сам собира́л. Кро́ме того́, он интере́суется, накорми́ли ли вы шофѣра.

Родно́м и бли́зким Лѣнин всегда́ бу́дет жить в па́мяти наро́да.

П. А. Хо́лодова,
*рабо́тница Глу́ховского хлопчато-
бума́жного комбинáта*

Вишни

Надёжда Константиновна непримётно глянула на часы, дочитала фразу и закрыла книгу.

— На сегодня хватит, я устала, — сказала она.

Владимир Ильич понял — время, предписанное врачами на чтение, истекло. Он встал с кресла, подошёл к окну. Моросил дождь, холодный, ноябрьский. На чёрных замшевых ветках липы дрожали

прозрачные капли. По мокрой дорожке прыгали взъерошенные, сердитые воробьи. Вот их словно ветром подхватило, они стойкой взлетели и уселись на опустевшем скворечнике.

На дорожку вышли люди — впереди две женщины с накинутыми на головы капюшонами из мешковины, в высоких, зашнурованных до колен ботинках; позади — двое мужчин в кепках, в грубошерстных пиджаках. Видно, эти люди пришли сюда впервые: остановились перед большой клумбой и раздумывают, как подойти к дому.

— Кто-то к нам приехал, — сказал Владимир Ильич.

Надежда Константиновна сошла вниз, на первый этаж. Навстречу ей спешила Мария Ильинична.

— Глуховцы приехали к Ильичу, — сказала она.

Надежда Константиновна опасливо посмотрела навёрх — врачи строжайше запретили Владимиру Ильичу встречаться с людьми.

А Владимир Ильич, перегнувшись через перила, уже нетерпеливо спрашивал:

— Кто приехал? Кто?

— Делегация от глуховских рабочих, Володя. Письмо тебе привезли, — откликнулась Мария Ильинична. — Сейчас принесу.

Владимир Ильич поспешно застегнул воротник косоворотки.

— Я очень прошу их подняться ко мне.

— Но врачи... — начала было Надежда Константиновна.

Да прáвы ли врачéи? Почему́ онé полага́ют, что лу́чшее лека́рство для Ильича́ — не ви́деть люде́й, не чу́вствовать биéния жи́зни? Эта встрéча его́ порáдует, а ра́дость никак не мо́жет повредить здоровью́.

Наде́жда Константи́новна перегляну́лась с Мари́ей Ильи́ничной и решéтельно сказа́ла:

— Хорошо́, Воло́дя.

С глу́ховцами у Ильича́ дру́жба да́вняя, и не по-вида́ть их делегáтов он не мо́жет. Вот онé поднима́ются по ле́стнице. Влади́мир Ильи́ч идёт навстрéчу, внимáтельно всмáтривается в ли́ца.

Впередí — пожила́я рабо́тница. Седáя голова́ повя́зана кра́сной косы́нкой. Одно́й руко́й она́ прижимáет к груди́ па́пку, друго́ю протя́гивает Ильичу́:

— Пряди́льщица я, Пелагéя Хо́лодова, — и степéнно клáняется.

— По́мню, по́мню, — улыбну́лся Влади́мир Ильи́ч.

За ней молодáя жéнщина с застéнчивой улы́бкой, лицо́ чуть припо́днято, слóвно го́лову оття́гивают тяжёлые ру́сые ко́сы.

— Сновáльщица Кла́вдия Гúсева.

Осторо́жно ступáет по коврú в гру́бых сапо́гах стари́к, большо́й, крёпкий, нелóвкий и, навéрное, о́чень ла́дный в рабо́те.

— Молотобóец Дми́трий Васи́льевич Кузнецóв.

Влади́мир Ильи́ч любóется молоды́м белозúбым паренько́м в си́ней косоворо́тке.

— Пряди́льщик Герáсим Козло́в.

Ка́ждому Влади́мир Ильи́ч пожимáет ру́ку, ка́ждому загля́дывает в лицо́ и приглаша́ет сесть.

Пелагѣя Хóлодова изo всех сил старáется вспомнить все торжéственные словá, котóрые она́ при-
дúмала за дорóгу, и вдруг совсём прóсто спрашивает:

— Как здоровье, Владíмир Ильи́ч? Как чúству-
ешь себя́?

— Хорошó, óчень хорошó, — отвечáет Ильи́ч.

И это́ правда — сейчáс он не чúствует себя́ боль-
ным. У него́ много вопро́сов к эти́м лю́дям, много
мы́слей, котóрыми не тёрпится поделиться.

— Постановлénие мы прíняли, все двенáдцать
ты́сяч рабóчих проголосовáли, — продолжáет Хóло-
дова, — чтóбы ты берёг себя́ для нас, для рабóчих,
чтóбы не переутомля́лся.

— Я постара́юсь, — отвечáет Владíмир Ильи́ч.

Марíя Ильи́нична и Надéжда Константи́новна
стоя́т в дверя́х сосéдней ко́мнаты и ви́дят, как дóбрая
улы́бка трóнула губы Ильича́.

Хóлодова протяну́ла Владíмиру Ильичу́ па́пку:

— Письмо́ мы тебе́ привезли́ от на́ших.

Владíмир Ильи́ч раскры́л па́пку, уви́дел большо́й
лист бума́ги, испи́санный крупными́ бúквами чёрной
и красной тúшью. Привы́чным цéпким взгля́дом
схватил напи́санное, чуть задержáлся на стрóчках:

«...ты ну́жен нам тепёрь, в момéнт развивáющей-
ся герма́нской револю́ции, как ну́жен ты нам во дни
трудá, во дни го́ря, во дни ра́дости...»

— Спасíбо! Большо́е спасíбо за доверéие.

— И ещё мы привезли́ тебе́ подáрок, — говорит
Хóлодова.

Владíмир Ильи́ч нахму́рился.

— Не сердись! Мы тебе вишнёвый сад привезли, — поспешил объяснить старик Кузнецов. — Перед окном твоим посадим. Зацветут вишни весной — залюбуешься. Цвет у них чистый, белый, запах свежий, для здоровья полезный. Взгляни-ка в окно...

Владимир Ильич идёт к окну. Возле клумбы, как звено юных пионеров, расставлены восемнадцать молодых вишнёвых саженцев. Корни аккуратно обернуты рогожей и перевязаны красными полосками материи. Владимир Ильич любовно смотрит на маленькие голые кустики, трепещущие на ветру, и словно видит их в пышном цветении...

Старик Кузнецов вглядывался в побледневшее не то от болезни, не то от волнения лицо Ильича и думал: «Дорогой ты наш человек! И в тюрьме и в ссылке за нас маялся, и на чужбине в тяжких условиях для нас работал, и стреляли в тебя отравленными пулями, и на работе за нас надорвался».

— Чистый, белый цвет, — сказал как бы про себя Владимир Ильич. — Спасибо! Славный подарок.

И тут не выдержал старый кузнец. Шагнул вперёд, широко развёл руки и осторожно и нежно обнял Владимира Ильича.

— Я — рабочий, кузнец, Владимир Ильич, мы скуем всё, намеченное тобой...

Владимир Ильич тоже обхватил Кузнецова, и они словно застыли. Холодова кончиком косынки смахивала со щёк непротёртые слёзы.

Внизу, в большой комнате, обставленной цветами и пальмами, был накрыт стол, шумел самовар.

Марія Ильїнична предложила делегатам поужинать. Но никому не хотѣлось есть. Мыслями все еще были там, наверху, с Ильичѣм.

— Күшайте, товарищи, күшайте, — угощала Марія Ильїнична, сама взволнованная до слѣз. — Попробуйте грибки, их сам Ильич собирал.

На столѣ перед Маріей Ильїничной лежала стопка газет. Наверху — «Правда». Бросались в глаза крупныя заголовки: «Наступление германской буржуазіи», «Голод в Германіи», «Бѣлый террор в Болгаріи», «Забастовка лодзинских рабочих в Польше».

— Лютует мировая буржуазія, — кивнул Кузнецов на газеты. — Лютует. Но придетъ день — будетъ праздник и у германских рабочих, и у болгар, и у поляков.

— Ильич в этомъ убежденъ, — подтвердила Марія Ильїнична.

— Работать вамъ надо, — сказала Холодова, — мы поедем.

Марія Ильїнична запротестовала:

— В такую распутицу¹, на ночь глядя, я вас не пущу. Ночевать будете у нас. Утром и саженцы посадите.

Глуховцы переглянулись. Они были довольны, всем хотѣлось побыть еще рядом с Ильичѣм.

— Можетъ, вамъ помощь какая нужна? Какъ живутъ сейчасъ глуховскіе рабочіе? — поинтересовалась Марія Ильїнична.

¹ Распутица — время, когда дороги становятся малопроѣзжими отъ грязи (ранней весной или осенью).

У рабочих в те годы было много нужд. Военная разруха ещё давала себя знать.

Но ни о каких своих бедах делегаты не говорили.

— Просьба у нас одна и мечта заветная: чтобыправлялся Ильич, чтобы здоров был.

Всю ночь делегаты не спали. Сидели и говорили шёпотом, прислушивались. В доме было тихо.

Утром пришла Мария Ильинична.

— Как спал Ильич? Спокойно ли? — был первый их вопрос.

— Хорошо спал, — ответила Мария Ильинична. — Встал в отличном настроении. Утром опять читал ваше письмо. Очень оно ему дорого.

Утро было солнечное, ясное. Мороз прикрыл лужи тонко расписанным стеклом. Ночью выпал снег, и вишнёвые саженцы стояли будто в весеннем цветении.

*

Каждую весну, когда просыпается к жизни земля и прозрачная на солнце зелень окутывает поля и леса вокруг дома с колоннами, где жил последние годы Владимир Ильич Ленин, зацветают вишнёвые деревья и, словно юные пионеры в своих белых чистых рубашках, разбегаются отсюда, из Горок Ленинских, по всей земле.

3. Воскресенская

На Красной площади

Это было в мае, много лет назад. В Москвѣ, на Красной площади, только что прошёл парад. Парад закончился, но народ не расходился. Потому что все знали: после парада выступит Лѣнин. И все хотели увидѣть Лѣнина. Все хотели услышать его.

Вдруг на Красную площадь въѣхал грузовой автомобиль. В автомобиле стояли дѣти. Лица у ребят

были обыкновенные — русские. А вот одежда на них была необыкновенная. На одном мальчике красовался индусский тюрбан¹. На другом — турецкая феска² с кисточкой. Голова третьего была украшена лихой будёновкой. У четвертого на голове — китайская шапочка с красным шариком на макушке. Здесь же стоял мальчик в блузе рабочего. В его руках был молот. Рядом стоял мальчик в лаптях. В его руках был серп.

А в центре грузовика, на возвышении, все увидели девочку. На ней развевалась пунцовая мантия³. Девочка держала в руках красное знамя. На знамени было написано: «Угнетённые народы! Рвите цепи рабства!»

— Что за дети? Откуда они? — удивились люди на площади.

— Из Индии, — говорили одни. И показывали на мальчика в тюрбане.

— Из Турции, — говорили другие. И показывали на мальчика в феске.

— Из Китая, — уверяли третьи. И показывали на мальчика в шапочке с красным шариком.

Тогда кто-то из толпы спросил:

— Откуда вы, дети? Кто вы такие?

Мальчик в будёновке сказал:

— Мы — отряд юных коммунистов!

¹ Тюрбан — мужской головной убор восточных народов из куса лёгкой материи, обмотанной вокруг головы.

² Феска — шапочка, похожая по форме на усечённый конус.

³ Мантия — широкая длинная одежда в виде плаща.

— А почему вы так одёты?

Отвѣтила дѣвочка в пунцовой мантии:

— Я одѣта так, потому́ что я изобража́ю Револю́цию.

А ма́льчик с мо́лотом сказа́л:

— Под зна́мя Револю́ции собрали́сь все угнетённые наро́ды: кита́йцы, индúсы, ту́рки. Негр у нас то́же был, то́лько с него́ стёрлась са́жа, пока́ мы е́хали.

— Хорошó придумали, молодцы́! — похвали́ли взро́слые. — Жаль, что Влади́мир Ильи́ч не ви́дит вас. Он сейча́с бу́дет речь говори́ть. Вон с той трибу́ны...

— Ребѣта! — закрича́л ма́льчик в лаптя́х. — Здесь товарищ Ле́нин! Позовѣм его́ к нам!

Все на грузовикѣ закрича́ли:

— Позовѣм! Позовѣм!

И тогд́а два ма́льчика — ма́льчик в тюрба́не и ма́льчик в кита́йской ша́почке — спры́гнули с грузовика́ и исче́зли в толпѣ.

— Не пробѣ́ться им, — усомни́лись взро́слые. — Вон там ско́лько наро́да у трибу́ны!..

И ве́рно, путь ребѣ́т оказа́лся нелёгок. Пока́ они́ пробира́лись к трибу́не, Ле́нин уже́ нача́л говори́ть. Наро́д вокру́г трибу́ны стоя́л сплошно́й стено́й. Пробѣ́ться сквозь э́ту стѣну не́ было никако́й возмо́жности.

От огорче́ния ребѣ́та гото́вы бы́ли запла́кать. Они́ не зна́ли, что им де́лать. Неужели́ возвраща́ться наза́д?!

Но вдруг все закрича́ли «ура́», и ребѣ́та догада́-

лись: Лёнин кончил выступать. И мальчики снова начали протискиваться к трибуне.

Люди смотрели на них, улыбались и говорили:

— Мальчик в тюрбане, конечно, приехал из Индии. А этот мальчик, конечно, из Китая. Пропустите их. Он, вероятно, хочет посмотреть на товарища Лёнина.

И все расступались, и все давали мальчикам дорогу.

Наконец ребята оказались у трибуны. Здесь их остановил военный в кожаной тужурке.

Он посмотрел на тюрбан, на китайскую шапочку и спросил:

— Кто такие будете? Вам на эту трибуну нельзя. Понятно? Нельзя!

Ребята сказали:

— Мы угнетённые народы.

— Что же вам здесь нужно, товарищи угнетённые?

— Мы хотим пригласить товарища Лёнина... Мы на грузовике... Недалеко... Здесь... На площади...

Военный даже руками замахал:

— Нет, нет, нет! Владимир Ильич выступал сегодня три раза. Он устал! Дайте ему отдохнуть!

Мальчики сказали:

— Тогда позвольте нам только посмотреть на товарища Лёнина. Мы только посмотрим на него и уйдём.

Вдруг совсем близко ребята услышали голос:

— Это что за публика?

Воённый взял под козырёк и доложил:

— Это угнетённые народы, товарищ Лёнин. Хотят на вас посмотреть.

Мальчики закричали:

— Мы не угнетённые! Это мы только изображаем... Мы — отряд юных коммунистов!

Быстрыми шагами Лёнин спустился с трибуны.

— Здравствуйте, товарищи юные коммунисты, — сказал он. — Я слышал о вашем отряде...

Мальчики заговорили разом, перебивая друг друга:

— Ребята поручили нам пригласить вас... Нас много... Мы на грузовике... А в середине — Революция со знаменем...

— Очень интересно! — сказал Лёнин. — С удовольствием встречусь с Революцией. Пошли! Показывайте мне дорогу.

И он взял ребят за руки.

Так они и шли. В середине — Лёнин, а по бокам мальчик в индийском тюрбане и мальчик в китайской шапочке.

Когда Лёнин подошёл к грузовику, все ребята закричали изо всех сил «ура». Лёнин покачал головой и спросил:

— Для чего же вы меня пригласили? Чтобы я послушал, как вы умеете громко кричать «ура»?

— Это мы от радости! — объяснили ребята. — Оттого, что вы к нам пришли...

— Ну тогда давайте знакомиться, — сказал Лёнин. — Ага! Вот и сама Революция со знаменем...

Лéнину оченъ понравилась Дáша. Такъ звáли девочку, котóрая изображала Револю́цию. Она́ стояла на возвыше́нии и высокó над головóй держала красное зна́мя. Вéтер так трепáл его́, что Лéнин никакъ не мог прочесть, что написано на зна́мени. Тогда ребята придерживáли полóтнице, и вéтер надóл его́ слóвно парус. Издали казáлось, что по Красной плóщади плывёт корáбль под красными парусáми. А на парусáх написано: «Угнетённые народы! Рвите цепи рабства!»

Юные коммунисты думали, что Владíмир Ильи́ч только посмóтит на них и уйдёт. Но Лéнин не ушёл. Он стал бесéдовать с ребятами.

Лéнин сказа́л:

— Помéщики и фабриканты хотятъ отнять у нас свободу. Онí хотятъ, чтóбы рабóчие и крестьяне снóва ста́ли раба́ми. Но э́того не бóдет! Ва́ши отцы, ва́ши ста́ршие бра́тья, не щадя́ жи́зни, бы́ются на всех фронта́х с найми́тами капита́листов, с белогварде́йцами. И мы победим!

И ещё Лéнин сказа́л, что юные коммунисты должны́ всегда́ и во всём помогáть большевика́м.

Когда́ Лéнин кончил говори́ть, ребята снóва крикнули «ура́». Но онí тут же спохватились и разом умóлки.

Наступи́ла тишина́. Одна́ко тишина́ длилась не бо́лее секунды. Потому́ что Дáша подняла́ ещё вы́ше красное зна́мя и запéла:

Встава́й, прокля́тьем закле́мённый,
Весь мир голо́дных и рабо́в!

Ребята подхватили:

Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов...

Дети пели «Интернационал». Гимн коммунистов.
И вместе с ребятами пел Лёнин.

Юные коммунисты не верили своему счастью.
С ними поёт Лёнин! Сам Лёнин!

Но вот прозвучали последние слова гимна. Дети поняли: Владимир Ильич сейчас уйдёт. Как же им проводить его? Мальчик в китайской шапочке не выдержал и сказал:

— Товарищ Лёнин, позвольте нам тихонько крикнуть «ура». Мы тихонечко-тихонечко...

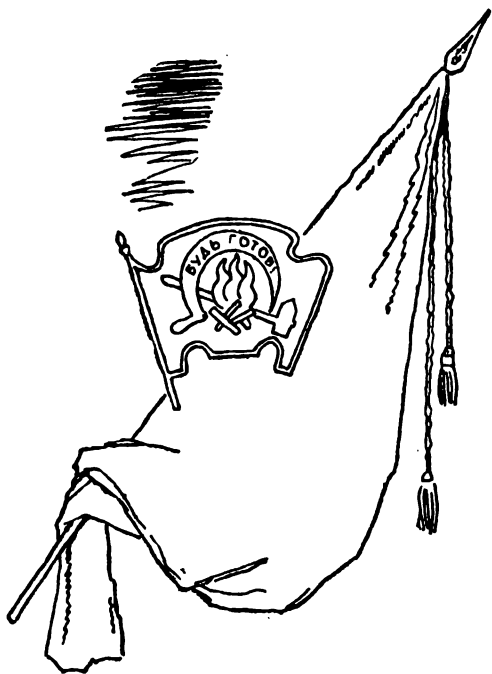
Владимир Ильич улыбнулся:

— Ну, уж если вам так хочется...

И тогда счастливые ребята закричали «ура». Сначала они закричали тихо, а потом не выдержали и закричали громко.

Но Лёнин не рассердился на них. Он даже почему-то рассмеялся, махнул рукой и поспешно пошёл к своей машине.

Н. Х о д з а

Письма детям

Дорогие ребята!.. Продолжайте дело Ленина — делайте всё, что можно, для того, чтобы жизнь для всех становилась всё более светлой, культурной, зажиточной. Побольше читайте, хорошо учитесь, — много надо вам знать. Учитесь жить как можно дружнее, помогая друг другу в работе, учёбе. Надо, чтобы было настоящее товарищество между вами, между ребятами разных национальностей, между мальчиками и девочками, между старшими ребятами и младшими.

Более сильные, более знающие, более умелые должны помогать тем, кто слабее, кто меньше знает.

Надо так же, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — бумага грязная набросана, надо убрать; видят — огонь зря горит, надо потушить; видят — малыша кто-нибудь обижает, надо заступиться...

Надо помогать старшим, надо учиться, надо взглядываться и вдумываться в жизнь, распознавать, кто друг Советской власти, кто враг. Надо крепкую волю иметь, уметь самим с собой справляться, быть выдержанными, стойкими, мужественными, готовыми к труду и обороне.

...Многие из вас пионеры. Ваши вожаки, верно, рассказывали вам о том, что быть пионером — это значит не только носить красный галстук. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать. И каждый пионер должен принимать участие в этом не только в школе, но и вне школы.

...Многие ребята неясно себе представляют, что такое общественная работа. Это работа, направленная на то, чтобы улучшить сообщество окружающую жизнь.

...Будьте помощниками общественников-взрослых, и тогда вы на этой работе вырастаете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина!

Н. К. Крупская

СОДЕРЖАНИЕ

Н. К. Крúпская. Влади́мир Ильи́ч Ле́нин	3
В. Бо́нч-Бруе́вич. О де́тстве Влади́мира Ильи́ча	6
Н. Богда́нов. След челове́ка	10
В. Си́доров. В семье́ Улья́новых	12
С. Анто́нов. В ночно́е	16
А. И. Улья́нова. В гимна́зии. (Из кни́ги «Де́тские и шко́льные го́ды Ильи́ча»)	24
Л. Ради́щев. Гребí впе́рёд!	30
А. Ко́нонов. Май	43
А. Ко́нонов. Ле́нинская бума́га	49
З. Воскресе́нская. Ко́льца дру́жбы	53
П. Макруше́нко. Ми́нька	61
З. Воскресе́нская. В те́мную ночь	75
З. Воскресе́нская. Моче́ные я́блоки	84
Б. Рае́вский. Большо́е и ма́лое	94
Н. Хо́дза. В гора́х	104
А. Ко́нонов. Встре́ча	111
Н. Хо́дза. Погóня	119
А. Ко́нонов. У о́зера Разли́в	124
А. Ко́нонов. Кочега́р по́езда № 71	128
П. Ка́пица. Ночь в Лесно́м. (Из по́вести «Това́рищ Ивано́в»)	131
А. Ко́нонов. На мосту́	140

П. Ка́пица. Нача́лось. (Из по́вести «Това́рищ Ива- но́в») :	143
А. Ко́нонов. В Смо́льном	152
С. Алексе́ев. Граждани́н Росси́йской респу́блики	157
В. Бонч-Бру́евич. Советский герб	162
А. Ко́нонов. Рожде́ние Армии	165
В. Бонч-Бру́евич. Солда́тский хлеб	169
Я. Пиня́сов. Обыкновенные ва́режки. Перевод с мор- довского и обрабо́тка <i>Н. Богда́нова</i>	173
Е. Мар. Не по уста́ву	179
А. Ко́нонов. Вы́стрел врага́	182
Тимофе́ев. По́мощь ива́ново-вознесе́нцам	186
Л. Ради́щев. Делега́т с Ура́ла. (Из одноимённой по́вести)	189
Ф. Л. Хале́вская. Ле́нин у дете́й	200
С. Алексе́ев. Ле́нинская десяти́на	204
Ф. Со́лодов. На суббо́тнике	207
П. И. Козло́в. В просто́й крестья́нской избе́	211
С. Анто́нов. Встре́ча в Кре́мле	215
А. Ве́тров. Ле́нин на заво́де «Дина́мо»	227
Л. Ради́щев. Неза́ряженная кассе́та	232
Н. Жда́нов. Спра́ведли́вость	242
П. А. Хо́лодова. Родно́й и бли́зкий	251
З. Воскресе́нская. Ви́шни	254
Н. Хо́дза. На Кра́сной пло́щади	261
Н. К. Кру́пская. Пи́сьма де́тям	268

Издательство просит учителей и учащихся нерусских школ свои отзывы об этой книге посылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки
А. Кадушкина

Для восьмилетней школы

РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ

Сборник

Ответственный редактор *Е. С. Карташова*. Художественный редактор *Е. М. Гуркова*. Технический редактор *М. А. Кузцова*. Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *Т. Ф. Юдичева*. Сдано в набор 9/IV 1964 г. Подписано к печати 18/VI 1964 г. Формат 60 × 84¹/₁₆ — 17,75 печ. л. 16,206 усл. печ. л. (9,4 + 6 вкл. = 9,47 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1954 № 611. Цена 45 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 529.

Цена 45 коп.